

ДЖЕЙН ЛИ

ПРОНИКАЮЩИЙ
В СНЫ

Джейн Ли
Проникающий в сны

«Издательские решения»

Ли Д.

Проникающий в сны / Д. Ли — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-04-003379-9

Виктор — замкнутый реставратор книг. Родители погибли, брат исчез. В этом Виктор винит себя и свой дар Проникающего в сны. Но когда брат-близнец Анри появляется на миг и снова исчезает, именно способность творить сны дает Виктору шанс во всем разобраться. Сможет ли Виктор защитить близких от того, кто убивает во сне и подчиняет себе наяву? И так ли легко талантливому манипулятору Этьену управлять теми, кто ему небезразличен?

ISBN 978-5-04-003379-9

© Ли Д.
© Издательские решения

Содержание

I. Виктор	6
II. Виктор	22
III. Виктор	31
IV. Этьен	38
V. Виктор	42
VI. Этьен	52
VII. Виктор	58
VIII. Этьен	69
IX. Виктор	77
X. Этьен	84
XI. Виктор	92
XII. Этьен	96
XIII. Виктор	101

Проникающий в сны

Джейн Ли

Хочу сказать спасибо:

Ольге – единственной, кому было не всё равно;

Ае и Татьяне – моим первым читателям;

Динаре – за то, что была рядом;

Ивану – за помощь с финалом.

А еще мои благодарности:

бета-ридеру Арье Рэй за ценные замечания

и издательской системе Ридеро – за возможность публикации.

Джейн Ли,

16.02.2016

© Джейн Ли, 2016

© Татьяна Калинкина, дизайн обложки, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

I. Виктор Сон или жизнь

Должно быть, я единственный человек на свете, для которого звонок будильника – звук приятный и желанный. Глас реальности. Зов жизни. Однажды он не прозвучал – батарейки «сели». И я проспал почти трое суток, очнувшись лишь от удара по щеке. Я открыл глаза и увидел над собой взволнованное лицо Джеффри, моего крёстного:

– Извини. Я звал тебя и тряс – не помогало. Так что, пришлось...

– Который час? – я сонно огляделся: за окном было сумрачно.

– Уже семь. Семь часов вечера.

– Вечера?! – я сел в кровати.

– Я звонил тебе несколько раз. Но ты не отвечал, – Джеффри обеспокоенно смотрел на меня.

– Странно, я не слышал звонка.

– Ничего странного: твой телефон лежит внизу, в мастерской. Так что, ты не зря отдал мне запасные ключи, – крестный осторожно присел рядом.

– Да уж, – я рассеянно моргал, пытаясь сбросить остатки сна.

– Как ты? – Джеффри пытался прочесть ответ на моем лице. И, похоже, увиденное его не радовало.

– В порядке. Дай мне пару минут.

Голова кружилась. Во рту пересохло. И другие естественные потребности тоже напомнили о себе.

– Прости, Джеффри, я сейчас.

Но встав с кровати и сделав шаг, я пошатнулся – ноги едва держали.

Джеффри закинул мою руку себе на плечи и, придерживая меня, сказал:

– Пойдём. Я помогу.

Доковыляв так до туалета, я буркнул:

– Дальше я сам, – и уединился за дверью. А когда вышел – Джеффри ждал со стаканом воды:

– Держи.

Я почти залпом осушил стакан – и почувствовал себя лучше.

– Или ты болен, или... – его карие глаза внимательно смотрели на меня.

– Или что?

– Когда ты последний раз ел и пил?

– Вечером накануне. Я устал и лёг спать почти сразу после того, как ты ушёл.

– Я ушёл? Это было во вторник, – Джеффри потрясенно развел руками.

– Да. А сегодня...

– Вечер пятницы!

Я рассеянно заморгал:

– Не может быть.

– Но это так. Пойдём, я приготовлю тебе что-нибудь поесть, – Джеффри чуть улыбнулся и положил руку мне на плечо. В его голосе было столько мягкой заботы, что я почувствовал себя признательным и виноватым. И улыбнулся в ответ:

– Спасибо. Только умоюсь сначала.

– А ноги как, держат?

Я сделал шаг-другой по направлению к ванной:

– Вполне.

Крёстный кивнул и отправился на кухню.

Я плеснул в лицо воды. Вот как, значит – проспал три дня и не заметил. А если бы Джеффри не разбудил меня? Конечно, это маловероятно – или он, или Оливер обязательно бы устроили розыски, куда я пропал. Но всё же? Я так и спал бы – пока не умер от истощения?

Я ненавидел сны и при этом не хотел просыпаться. Во снах я был царь и бог. Я мог сотворить себе любой мир; вернуть тех, кто ушел. Создавать иллюзии. Но они разбивались, едва я просыпался и возвращался в реальность. Всё такой же одинокий и беспомощный. Я мог найти любовь во сне, быть счастливым. Но единственная возможность продлить это счастье – не просыпаться. Спать вечно. Что значило умереть. Но умереть счастливым.

Была и другая причина. Стоило мне расслабиться и перестать контролировать видения – в мой мир вторгались сны других людей. Все их нелепые или кошмарные образы. Я не хотел видеть чужие кошмары – мне хватало своих. И я смотрел эти сны словно зритель, не желая вмешиваться. Но когда кошмары видят дети... Я не мог оставить их один на один с ужасом и болью. Утешал и успокаивал, как мог. И создавал для них маленькое чудо. Хотя бы во сне.

Взрослые должны сами справляться со своими кошмарами. Хотя и в таких случаях я редко оставался равнодушным. И потому ненавидел сны. Я считал этот проклятый дар причиной гибели нашей семьи.

И всё же, умирать мне не хотелось – хотя бы потому, что я знал: двух близких мне людей это бы очень расстроило. Один из них ждал меня на кухне и, судя по запаху, жарил тосты с сыром. Я машинально взглянул в зеркало: оттуда встревоженными тёмными глазами на меня смотрел кто-то лохматый и бледный. Наверное, это я. Утёршись полотенцем и пригладив волосы рукой, я вышел из ванной.

– Выглядишь уже лучше, – Джеффри, полуобернувшись от плиты, улыбнулся мне и помахал лопаточкой, – Делаю тебе омлет с гренками и сыром, если ты не против.

– Совсем не против, – я улыбнулся в ответ, – но не знал, что ты умеешь готовить.

Непривычно было видеть крёстного, джентльмена и аристократа, в фартуке и со сковородкой в руках – хотя держал он её вполне уверенно.

Джеффри рассмеялся:

– Не особо умею, на самом деле. Но надеюсь, что получится съедобно.

Я хмыкнул:

– Готов съесть в любом случае – просто умираю от голода.

– Кстати... о голоде... и прочем, – Джеффри положил омлет на тарелку и поставил передо мной, – Ты не собирался просыпаться? – он смотрел на меня чуть исподлобья, снова пытаюсь читать по моему лицу.

– Конечно, собирался! – хотя я не был в этом так уверен, – Наверное, что-то случилось с будильником.

Крёстный молча смотрел на меня.

– Джеффри... я... у меня и в мыслях нет умирать. Да и спать вечно тоже – я ненавижу сны! Я их ненавижу, – закусив губу, я уставился на тарелку с едой, пытаюсь успокоиться.

Я ненавидел сны за то, что обречён скитаться по ним. Но просыпаться не всегда хотел: иногда жизнь казалась мне еще более кошмарным сном.

Почувствовав руку Джеффри на своём плече, я поднял глаза.

– Прости. Я беспокоюсь за тебя, ты знаешь, – крёстный смотрел на меня так... как отец смотрел когда-то. Когда просил быть осторожным.

– Я знаю. И обещаю проверять будильник прежде чем ложиться спать. Я даже два буду ставить – если хочешь.

Джеффри улыбнулся:

– Я могу звонить тебе и будить.

– Если тебе делать больше нечего...

– Так мне было бы спокойней.

– Я буду рад. Я всегда рад слышать тебя, – и это было правдой.

– Надо же. Я ещё не надоел? – Джеффри рассмеялся.

Я фыркнул:

– И не надоешь.

– Надеюсь, – Джеффри мягко улыбнулся. Но во взгляде его всё еще сквозило беспокойство и сомнение. И потому я со всей убедительностью сказал:

– Всё хорошо, Джеффри. Всё просто отлично.

Он хотел ещё что-то сказать, но промолчал. Сел рядом за стол и, кивнув в сторону тарелки, произнёс:

– Лучше съешь, пока инеем не покрылось. Поговорить и потом можно.

Я кивнул и принялся за еду. Было на удивление вкусно. Я смотрел на Джеффри: на его идеально уложенные каштановые волосы, на его костюм – простой, добротный, но сшитый на заказ, на его артистически выразительные руки. И думал: как часто ему приходилось готовить самому и зачем бы ему это делать – ведь есть личный повар. Казалось, я неплохо знаю крёстного. Но так ли это на самом деле? Правда, мне было известно то, что Джеффри скрывал ото всех. Я узнал случайно и во сне, и от того чувствовал себя виновным – словно подсматривал. Да так оно и было. И я не признался Джеффри – ведь тогда... неловко стало бы не только мне.

Лишь когда я справился с омлетом, крёстный заговорил снова:

– Мне не нравится, что ты живёшь совсем один. Я понимаю – ты уже давно взрослый и мужчине нужна независимость; понимаю, что ты не хочешь больше жить в монастыре у Оливера, но... как насчет Ланкастер Холла?

– Я не хочу тебя стеснять, – хотя на самом деле мне не хотелось быть настолько под присмотром, пусть даже таким неназойливым, как присутствие крёстного.

– Меня стеснять? – Джеффри поднял бровь, – Ты, и правда, думаешь, что можешь стеснить меня в моём особняке? Даже если бы ты женился и заимел кучу детей – и тогда хватило бы места всем!

И, вздохнув, добавил:

– Я был бы только рад, Виктор. Правда. Ты ушёл из монастыря, но всё равно живёшь как монах – сидишь целыми днями среди книг, клея, красок и прочего!

– Но я – переплётчик, реставратор. Это моё ремесло. И оно мне нравится, – я пожал плечами, – В любом случае, ничего другого я не умею.

– Я не об этом. Думаю, ты знаешь, – Джеффри взглянул на меня с укором.

Да, я знал. Мне было уютно в моём мирке среди книг. Они не лгут, не лицемерят, не убивают. И никогда не бросят. А ещё они не видят снов. Люди были лишены всех этих достоинств.

Крёстный молча ждал моего ответа и не отводил взгляда. Не потому, что ему нравилось поучать и воспитывать – совсем нет; и делал он это крайне редко. Он любил меня. И потому беспокоился.

– Джеффри... – я заерзал, подбирая нужные слова, – Просто... дайте мне время. Научиться жить самостоятельно и вне монастырских стен.

Джеффри медленно кивнул:

– Только не уходи в себя, пожалуйста. Если захочешь поговорить или ещё что – можешь звонить и приезжать в любое время суток.

Я попытался отшутиться:

– А если ты будешь не один?

Джеффри улыбнулся:

– Для тебя я всегда свободен.

Когда крёстный ушёл, стало невыносимо тихо. За окном по-прежнему шумел город, но он не заглушал отсутствия человеческих голосов. Может быть, и правда, стоило поехать с Джеффри? Я знал, что не в тягость ему, но ведь это так по-детски – бегать за старшими. И ему, и Оливеру уже давно пора перестать нянчиться со мной. Мне двадцать пять, я уже четыре года живу один и вполне себя обеспечиваю. Но на самом деле, я был благодарен им за эту заботу – я нуждался в семье не меньше, чем оба моих опекуна. В силу разных обстоятельств, каждый из нас остался один на свете, и друг для друга мы были единственными близкими людьми.

Квартирка, в которой я жил, была на втором этаже старого здания – прямо над моей мастерской. И то, и другое я арендовал – Джеффри отговорил меня приобретать недвижимость, пока я не решу точно, где хочу жить и, возможно, не обзаведусь семьёй. От родителей мне остались небольшие сбережения, которые крёстный сохранил для меня и преумножил. Он же, по моей просьбе, продал коттедж, где жила наша семья. После того, что случилось... я не мог и не хотел туда возвращаться. Так что, Джеффри нашёл мне это жильё. С тех пор я старался как можно реже беспокоить крёстного и обрести хоть какую-то независимость и самостоятельность. Джеффри это понимал и не вмешивался. Разве что присылал клиентов из числа своих друзей.

Кстати о клиентах... Я проспал три дня, а ведь на мне два заказа. Тем более, что последний был от очередного знакомого Джеффри, и подвести крёстного я не мог. Ничего, раз уж возомнил себя спящим красавцем, могу и ночью поработать.

Я спустился в мастерскую, взял нужную книгу и принялся ее осматривать. Она была в хорошем состоянии – нужно лишь подклеить несколько страниц и обновить переплет.

Погрузившись в работу, я забыл об одиночестве: запах старой бумаги, клея и красок дарил умиротворение. И под утро я всё же заснул.

Я почувствовал липкое прикосновение к своим губам, попытался их разомкнуть и не смог – рот был заклеен клейкой лентой. В этот же миг меня сдёрнули с кровати. Их было двое – здоровых крепких мужчин, и один из них тащил меня прочь из комнаты. Отпустите меня! Немедленно!! Я крутился и брыкался.

– Тише, парень. А то придётся тебя успокоить

Вниз по лестнице – из детской на первый этаж. На встречу выбежала мама. Мама! Мама!!! Она пыталась отобрать меня у громил. Один из них оттолкнул её. Не смейте! Не троньте её! Мама упала, соскользнула вниз по лестнице. Ударилась головой о стену. Меня пронесли мимо. Я вертелся, изо всех сил стараясь освободиться или хотя бы увидеть маму. Мне удалось. Она лежала неподвижно, голова повернута, и с губ стекала струйка крови. Мама! МАМА!!!

Я проснулся от своего крика. Сел в постели, всё ещё не понимая – что это, что это было?! Это не мой сон. Он не мог быть моим. Я не создавал его! Я не хотел видеть этого!!! И... я не видел тогда. Меня даже не было дома – тем утром я сидел с отцом на берегу реки... И видел я его смерть, а не матери. Значит ли это... о, Боже... я видел сон Анри?! И если так – то он жив!!! И где-то поблизости?! Как бы я хотел, чтобы так оно и было. Но если это

сновидение моего брата, если Анри вошёл в мой сон... почему он не заговорил со мной?! Наверное, это был тот редкий случай, когда мы оба именно спали – а не создавали сны. И я видел кошмар Анри. Но что мне делать теперь?! Тринадцать лет назад полиция искала его. И даже частные детективы, которых нанял Джефффри. Так что могу сделать я, спустя столько лет? Я даже не знаю... как он выглядит теперь.

Я вскочил и достал из шкафа альбом с фотографиями. Вот они – последние семейные снимки: отец обнимает маму, и оба смеются; я стою рядом и стараюсь выглядеть взрослым и независимым. А Анри выглядывает из-за мамы, прижавшись к ней. Мой брат-близнец. Но мы такие разные! Анри был похож на маленького ангелочка: каштановые кудри и нежные черты лица. И только близкие знали, что он – скорее чертёнок, чем ангел. Я же был спокойным ребёнком с самой обычной внешностью. Но мы неплохо ладили с братом: он почти всегда слушался меня, как старшего – я родился раньше на двадцать минут. И, на самом деле, некоторые его розыгрыши придумывал я. Мне нравилось выдумывать, а Анри – действовать. И сновидение у нас нередко было одно на двоих. Вместе мы забирались в чужие сны. Проклятый дар, доставшийся нам от отца. Но тогда мы об этом не знали – для нас это была всего лишь игра.

Тем утром, тринадцать лет назад, отец рано разбудил меня и позвал с собой на рыбалку. Мне очень хотелось спать, но я тут же вскочил, стараясь прогнать сон: накануне вечером мы повздорили, но раз отец берёт меня с собой – значит, уже не сердится. Или хочет поговорить. Анри крепко спал на соседней кровати, и, как всегда, одеяло почти сползло на пол – я укрыл брата, чтобы не замерз, быстро оделся и вышел во двор.

Дом наш стоял почти на самом берегу реки. Отец не был заядлым рыболовом. Но время от времени, как он сам говорил, ощущал потребность «помедитировать с удочкой в руках». Иногда он брал с собой меня. И почти никогда – Анри: мой брат был слишком непоседлив.

Мы уже сидели на берегу, закинув удочки, когда отец заговорил:

– Я знаю, ты разозлился на меня вчера. Но я всего лишь беспокоюсь за вас с Анри.

– Но ведь мы не сделали ничего такого, – закусив губу, я смотрел на отца, пытаюсь понять, сердится ли он сам. Вчера он был очень сердит.

Дело в том, что мы с Анри устроили отличный кошмар нашему учителю физкультуры. И он его заслужил, потому что издевался над моим братом. Хотя Анри любил бегать и плавать, но любые другие физические упражнения и виды спорта он ненавидел и игнорировал. Для него были пыткой все эти прыжки в длину и высоту, лазание по канату, футбол, баскетбол и прочее. Я тоже не любил, но как-то осиливал – так что, изводить меня у физрука особого повода не было. А вот Анри доставалось: учитель выставлял его на посмешище перед всем классом. Если бы это делал кто-то из одноклассников, мы с братом просто побили его. Или еще как проучили. Пусть мы и не были крепышами, за себя постоять могли. Но как быть с учителем?

Вот мы и добрались до него единственным способом, которым могли. И как раз обсуждали «удачно проведенную операцию», довольные собой – когда нас невольно подслушал отец. Он был очень зол. Сказал, что мы поступили ужасно и подло, и чтобы никогда больше не делали ничего подобного. Мы не могли понять, почему. Ведь мы всего лишь отомстили обидчику. Я, конечно, задумался над этим – ведь отец не станет говорить просто так. Анри фыркнул и надулся. И потом сказал мне, что отцу легко говорить – не его же унижали – и вообще плевать на его, Анри, страдания. Он был очень обижен. И, честно говоря, я понимал его. Если бы отец тогда, как следует, всё объяснил...

Я надеялся, что он сделает это сейчас – для того и позвал с собой на реку.

Отец, нахмурившись, смотрел на меня:

– Ты не понимаешь. Это может быть опасно. Если кто-то узнает о ваших способностях, он захочет использовать вас. И не всегда для хороших целей.

Я фыркнул:

– Да как это можно использовать? Это всего лишь сны.

– Позже ты поймёшь, – отец старался выглядеть спокойным, но я чувствовал его тревогу.

– Я лишь хочу, чтобы ты пообещал мне, Виктор: если что-то случится... что-то нехорошее – ты пойдёшь к отцу Оливеру и всё ему расскажешь. Он поможет тебе – я абсолютно ему доверяю.

Все еще не понимая, что происходит, я молча смотрел на отца.

Он взял меня за руку:

– Обещаешь?

Я кивнул. Оливер был школьным другом отца и настоятелем монастыря Святого Франциска. Он нравился мне, хотя казался «неправильным священником»: жилистый и молчаливый, он больше был похож на рыбака или плотника чем на служителя Церкви.

Вдруг отец вздрогнул – словно что-то почувствовал. Мгновение он сидел, прислушиваясь. Потом вскочил на ноги:

– Жди меня здесь, Виктор, – и уже бежал к дому.

Я растерянно смотрел ему вслед. Потом отложил свою удочку, поднялся и тихонько пошел за отцом.

А он уже взбегал на заднее крыльцо. Навстречу ему вышел мужчина в спецовке и кепке, скрывающей глаза. Никогда прежде я не видел его, и он мне совсем не нравился. Отец и незнакомец замерли, увидев друг друга. Мужчина что-то резко спросил. Отец, приблизившись, ответил. Незнакомец отпихнул его так, что отец упал, и выхватил пистолет.

– Нет! – я вскрикнул и сам испугался своего голоса.

Мужчина тут же обернулся и сделал шаг в мою сторону.

– Виктор, беги! – отец вскочил и бросился на незнакомца. Завязалась драка.

– БЕГИ!!!

Я всё ещё стоял, замерев.

Выстрел.

Отец остался лежать, а незнакомец поднялся и направился ко мне. Я смотрел на него и не мог шевельнуться. А потом побежал – сам не зная, куда. По мостику перебрался на другой берег. Ближайшие дома пригорода были в другой стороне, но назад пути не было – там меня ждал убийца. Я бежал, куда глаза глядят, лишь бы подальше. Отец... Мама... она ведь там! И Анри!

Я остановился на миг – перевести дыхание. Обернулся. Прислушался. Кажется, погони уже не было. Но возвращаться страшно. Точно! У дороги есть телефонная будка. Я вызову полицию. Теперь я знал, что делать – цель придала мне сил.

К счастью, будка была на месте. Я влетел в неё и набрал номер.

«Полицейское отделение округа N, слушаю вас».

Задыхаясь, я прокричал в трубку:

– В моего отца стреляли! Он ранен... Там ещё мама! Анри! ... Адрес... Уотер лейн, дом десять

«Кто Вы? Назовите себя».

Но в это мгновение я увидел бегущего со стороны реки человека.

Это ОН!

Я выскочил из будки и бросился бежать. На моё счастье, на дороге показался городской автобус. Я запрыгнул внутрь, двери закрылись, и автобус успел набрать скорость прежде, чем убийца нагнал его.

Я выдохнул и, нашарив в карманах мелочь, заплатил за билет. Сердце билось где-то в горле. Мама. Анри. Они ведь остались там. Незнакомец вышел из дома. Это значит... Нет, я не хотел и не мог думать, что с ними что-то случилось. Но что я мог сделать? Только позвать на помощь. Если бы я не убежал, кто бы позвонил в полицию? Отец... неужели... он убил его?

«Если что-то случится, обратись к отцу Оливеру». Да, так я и сделаю. А что ещё я могу? В голове было пусто. Я изо всех сил старался не паниковать. И не разреветься.

Так, закусив губу и сжав кулаки, я доехал до другой окраины города, к монастырю Святого Франциска. Меня впустили, когда я назвал имя отца-настоятеля, и оставили ждать во дворе. Через пару минут я увидел шагавшего ко мне Оливера. Подойдя, он на мгновение замер, взглядываясь в моё лицо:

– Что случилось, Виктор?

И тут я не выдержал – бросился к нему и уткнулся лицом в его грудь.

– В отца... стреляли. А я убежал, – я старался не плакать и говорить внятно, но не мог, – Мама, Анри... я не знаю, что с ними... Он гнался за мной... Я вызвал полицию... Приехал сюда. Отец сказал прийти к Вам.

Я чуть отстранился и посмотрел ему в лицо: Оливер пытался сохранять спокойствие, но видно было, как он встревожен.

– Пойдём, – взяв за руку, он проводил меня в свою келью, – Подожди меня здесь. Я всё узнаю.

И ушёл. Оставив меня ждать.

Минуты текли как часы. Мне принесли поесть. И как-то незаметно я съел всё, что было на подносе.

Прошла вечность, прежде чем Оливер, наконец, вернулся. И потому, как старательно он пытался выглядеть спокойным, я понял, что никаких хороших новостей он не принёс. Положив ладони мне на плечи и глядя в глаза, он рассказал, что смог узнать: родители погибли, а брат исчез. Его ищут. Возможно, ему удалось сбежать. Я стоял в оцепенении и не понимал, что происходит. Это какой-то дурной сон. Да, наверное, я сплю. Я помотал головой и ущипнул себя. Больно. Не сон? Я в отчаянии взглянул на Оливера. Похоже, он так же отчаянно смотрел на меня, не зная, что делать:

– Если хочешь поплакать, или еще что...

Да, мне хотелось – кричать и плакать. Но я не мог. Не мог. Потому судорожно вцепился в его сутану и уткнулся лицом так, словно хотел пройти сквозь него. Мгновение спустя я почувствовал, как он гладит меня по голове чуть дрожащей рукой. Несколько минут мы так и стояли, молча. Потом Оливер произнёс:

– Никто не знает, что ты здесь, у меня – кроме одного офицера полиции, моего знакомого. Так хотел твой отец.

Я кивнул. Едва понимал, что он говорит. Решил, что подумаю об этом позже. И просто доверился ему.

Днём к нам заехал тот самый офицер, и я рассказал всё, что видел. Оливер сидел рядом: его рука чуть касалась моей – только так я смог успокоиться и хоть как-то собраться с мыслями. Он казался мне тем единственным, что осталось от моей жизни, на что я мог опереться.

Я остался в монастыре – как предполагалось, для моей безопасности. Я не возражал. Близких родственников у меня не было, так что Оливер и Джефффри стали моими опекунами. Они были друзьями отца со старшей школы. Но чем больше я их узнавал, тем меньше понимал, как они вообще могли дружить: мой отец, способный ввязаться в авантюру ради науки;

Джеффри, неверящий ни во что; и Оливер, ищущий Бога в своей душе и в мире вокруг. Два моих опекуна и вовсе казались мне противоположностью друг другу. И часто спорили о том, что лучше для меня. К счастью, в этих спорах рождался компромисс, и наше трио продолжало мирно сосуществовать.

Год я провёл в монастыре безвылазно. Потом меня стали тайно вывозить на машине Джеффри в его имение, где я мог хоть немного размяться и читать книги из огромной библиотеки крестного. Ещё где-то через год эти вылазки стали открытыми. Сначала Джеффри и Оливер сами учили меня всему, что знали. Потом крестный нанял для меня учителей, так что к семнадцати годам я знал ничуть не меньше своих сверстников-выпускников школ и легко сдал экзамены. Я отучился в колледже на реставратора книг, хотя большую часть этого искусства я узнал ещё в монастыре, и открыл маленькую мастерскую.

Теперь я жил один. И поначалу наслаждался одиночеством и независимостью. Мог вставать и ложиться спать когда угодно – мой рабочий график это позволял. Мог сидеть в своей квартирке или бродить по улицам. Меня вполне устраивала моя жизнь.

Но я скучал по моей семье: по отцу и маме, по брату. И ни на миг не забывал о том, что с ними случилось. Что убийцы моих родителей не найдены. Как и мой брат. Что я один остался жив и здоров. А они погибли. И я ничем им не помог. Да, я вызвал полицию, дал показания, но... это же не спасло их!

Я не понимал, почему это произошло с нами. Иногда мне казалось, что это всего лишь дурной сон. И стоит лишь проснуться... Но этого я как раз не мог. И продолжал существовать между сном и явью.

Я пытался найти брата во снах. Ведь если он жив, то видит сны. И мы должны встретиться там рано или поздно. Засыпая, я каждый раз надеялся. И каждый раз терял надежду, просыпаясь. Это была еще одна причина любить и ненавидеть мир сновидений. Но чтобы я не думал о своем даре – я не мог от него избавиться. И вынужден был с ним жить. Иногда это было легко и даже приятно. Иногда.

Я редко применял свои способности для личной выгоды. Еще лишь раз я использовал их, чтобы проучить обидчика.

В нашем монастыре был один человек, который меня невзлюбил – брат Бенджамен. Мне тогда было лет четырнадцать. А ему – где-то за тридцать. Он считал меня любимчиком отца-настоятеля. И потому при всякой возможности делал мне каверзы: проливал ведро с грязной водой, когда я уже заканчивал мыть пол, или топал по нему в грязных сапогах; подсыпал соли в еду, когда была моя очередь готовить – чтобы обвинить, что я всё испортил; ставил подножки, когда я тащил что-то тяжелое или хрупкое. И так далее и тому подобное. Причем делал он это тогда, когда кроме меня и него никто не мог заметить. Так что, пожаловаться я бы не смог, даже если б захотел. И снова я решил воспользоваться тем способом, что был мне доступен: создал ему кошмар. На следующий день на нем лица не было: брат Бенджамен был тих и молчалив. Ему было не до того, чтобы делать мне гадости. Стоило ему прийти в себя и косо на меня посмотреть, как я повторил ему «ночное шоу» – для закрепления урока.

К сожалению, Бенджамен поделился с кем-то своими кошмарами. И слух дошел до Оливера. Он быстро связал одно с другим, и пришел ко мне. Нет, он не кричал и даже не ругался. Но впервые в его взгляде я прочел, что ему хочется меня вздуть. Конечно, Оливер этого не сделал. Он никогда не поднимал на меня руки. Лишь сказал, что это низко и подло – нападать на человека, когда тот не может тебе ответить. Это всё равно, что ударить в спину и убежать. Что выяснять отношения нужно, стоя лицом к лицу противника. Так будет честно. После чего Оливер развернулся и вышел из моей кельи. И больше не поднимал эту тему. Но по виду его я понял, что он очень разочарован во мне. А потому лучше бы он шумел

и кричал. И даже ударил. Я сам пошел к нему поговорить и обещал, что никогда больше ничего подобного не сделаю. Оливер улыбнулся, кивнул и сказал, что верит мне.

Когда я поделился этим с Джеффри, крестный задумался. А потом, чуть усмехнувшись, заявил:

– Иногда мне кажется, что нас с Оливером перепутали при рождении. Потому что он – больший джентльмен, чем я. Я бы поступил так же, как ты.

Но когда я несколько облегченно вздохнул, Джеффри добавил:

– Боюсь, это значит, что мы с тобой неправы.

Так или иначе, но я держал слово, данное Оливеру. И не создавал никому кошмаров.

И вот теперь я видел кошмар Анри. Другого объяснения у меня не было. Анри жив! Но свободен ли? Меня пугала мысль о том, что жизнь его может быть хуже смерти. Что за люди напали на нас? Те, о которых предупреждал отец? Но откуда они знали о нашей семье? Отец хотел, чтобы Оливер нас спрятал. Значит, он должен был знать хоть что-то. Может быть, Оливер не всё мне рассказал? Нужно поговорить с ним.

Раздался телефонный звонок. Я взял трубку:

– Алло.

«Ты уже не спишь? Надеюсь, утро доброе?» – мягкий, заботливый голос Джеффри.

– Нет, не сплю, – я немного помедлил, раздумывая, рассказать ли Джеффри про сон, и решил, что сделаю это позже, – Я в порядке. Как ты сам?

«Как всегда – лучше не бывает. Я просто звоню узнать, как ты».

– У меня всё хорошо. Думаю, заеду к тебе на днях.

«Отлично! Буду ждать», – я даже по телефону чувствовал его улыбку.

Почему я не сказал ему? Не хочу, чтобы он волновался прежде времени. Он ведь сразу же приедет и устроит мне допрос с пристрастием.

Когда я добрался до монастыря, утренняя служба уже закончилась, и прихожане покидали храм. Я привычно взглянул на высокий шпиль, стремящийся к небу. Мне всегда хотелось взлететь вместе с ним. Но старые стены из красного кирпича цепко держали нас обоих. Интересно, что Оливер бы сказал на это? Наверное, что крепко стоять ногами на земле – не всегда так уж плохо.

Я не жалел, что не стал священником или монахом, но любил возвращаться сюда. И не только для того, чтобы навестить Оливера. Мои отношения с окружающим миром не очень удались, а в этих стенах покой возвращался в мою душу.

Я решил подождать на скамейке, пока Оливер не выйдет из храма. Но один из монахов заметил меня и пошёл сообщить ему. Вскоре показался и он сам, нашёл меня взглядом и поспешил ко мне, как всегда серьёзный и обеспокоенный. Я встал и поклонился, как обязывали правила.

– Что-то случилось, Виктор?

– Ничего страшного. Но мне нужно поговорить с тобой. Если ты не очень занят.

– Для тебя я найду минутку. И, конечно, – он чуть улыбнулся, – я очень рад тебя видеть.

Если бы дело было в моей мастерской или в поместье Джеффри, Оливер позволил бы себе более дружеское приветствие. Но здесь, на виду у братии и послушников, он должен был вести себя, как предписано уставом. Мы уселись на скамейку.

– Я видел сон Анри.

Выражение лица Оливера мгновенно изменилось: дружеское внимание превратилось во встревоженность:

– Ты уверен?

– Я... я видел смерть матери. Его глазами, – так сложно было произнести это.

Оливер коснулся рукой моего плеча.

– Ничего, я в порядке, – мне и самому хотелось в это верить.

– Но, значит... – Оливер не решался продолжить.

И я сделал это за него:

– Анри жив? Да, я почти никогда не сомневался в этом.

– Но что-то ещё ты видел, во сне? – Оливер смотрел на меня так, словно пытался прочитать увиденное мной по моему лицу.

Я покачал головой:

– Только это. Но как бы я смог увидеть те события глазами Анри – если бы его не было в живых, если это – не его сон? Он должен быть жив и где-то поблизости.

– Хорошо, если так. Но что мы можем сделать? Дать объявление о розыске?

– А если он не свободен? Не вспугнём ли мы его похитителя? Да и... как он выглядит теперь – столько лет прошло. Но нужно что-то делать. Пожалуйста, вспомни всё, что произошло тогда. Может быть, мы что-то упустили.

Оливер нахмурился и некоторое время молчал.

– Как-то твой отец пришёл навестить меня, и он явно нервничал. Что-то беспокоило его. Сначала он не хотел говорить, но потом рассказал, что познакомился с одним человеком. И человек этот очень заинтересован в его способностях – предложил ему совместное дело, или что-то вроде. Поль отказался. Мне он не назвал ни имени, ни каких-то подробностей. Сказал только, что не хочет втягивать меня, что парень этот ему не нравится, но продолжает его настойчиво уговаривать. А незадолго до нападения на вашу семью Поль просил меня спрятать вас, если с ним что-нибудь случится. И никому ни о чём не рассказывать. Я пытался его расспросить – но он категорически отказался говорить и просто ушёл.

– Вот и мне он ничего не сказал. Но почему он просил тебя спрятать нас? Почему не обратился в полицию?

Оливер пожал плечами:

– Возможно, у него не было улик против этого человека. Или тот чем-то пригрозил ему.

– Или же не доверял полиции. Но тебе-то он доверял! Почему же больше ничего не рассказал?

– Должно быть, не хотел ставить меня под удар. Или считал, что я не смогу его понять, – Оливер виновато опустил глаза, – Твой отец входил в какую-то группу при своём университете – по изучению парапсихических возможностей человека. И мне это не нравилось. Ты знаешь, как я отношусь к таким вещам. Я отговаривал его. Но он хотел понять, как работает его способность проникать в чужие сны и как её можно использовать – во благо науки. Позже он сам разочаровался в этих исследованиях. Или в людях, с которыми работал. Он уже подумывал, чтобы уйти из группы. И, как я понял, именно там он познакомился с этим человеком. Да, теперь я вспомнил – именно профессор, руководивший этой группой, их и познакомил.

– Значит, университет – единственная наша зацепка. Я поеду туда и постараюсь найти кого-то, кто знал отца и работал с ним. Может быть, они расскажут мне что-нибудь ещё.

– Полиция допрашивала тогда его коллег.

– Да, но я – не полиция. Вдруг мне больше расскажут.

– Виктор... пожалуйста, будь осторожен, – Оливер нахмурился и прикусил губу, как всегда, когда волновался, – Может быть, ты поедешь с Джеффри?

Улыбнувшись, я покачал головой:

– Боюсь, тогда я привлеку больше внимания, чем нужно.

Оливер не сдержался и улыбнулся в ответ:

– Боюсь, что так. И всё же, расскажи ему. И, конечно, сообщай мне обо всём. Пожалуйста.

Я кивнул и поднялся со скамьи.

- Может быть, мне поехать с тобой? – его черные глаза тревожно смотрели на меня.
- Я невольно улыбнулся:
- Боюсь, твоя сутана будет заметна не менее, чем обаяние Джеффри.
- Он пожал плечами:
- Я мог бы в штатском...
- Оливер. Не волнуйся. Я уже взрослый. И обещаю, что буду разумным и осторожным.
- Тебе есть в кого быть другим, – Оливер улыбнулся, но улыбка его была грустной.

В университет я попал на удивление легко. Найдя в записной книжке отца телефон его коллеги – доктора Джейкоба Марли – я позвонил и договорился о встрече.

Доктор – невысокий и уже лысеющий мужчина средних лет, в очках – встретил меня у ворот университета с пропуском на моё имя:

– Виктор, – он похлопал меня по плечу, – последний раз я видел тебя ещё крохой. Да... какая трагедия. До сих пор не могу понять, как это всё произошло. Ведь так и не нашли ни убийц, ни твоего брата? – он сочувственно смотрел на меня.

Я покачал головой.

– Ужасно. Но чем я могу тебе помочь?

– Я хотел бы побывать на рабочем месте отца, поговорить с кем-то, кто помнит его. Вы случайно не знаете профессора, который руководил группой парапсихических исследований?

Доктор как-то странно посмотрел на меня:

– А что ты об этом знаешь?

– Да ничего, к сожалению.

Некоторое время доктор Марли размышлял, а потом произнёс:

– Я, конечно, могу отвести тебя к профессору Эшби – он всё ещё работает здесь – но... боюсь, ты мало чего от него добьёшься.

– Почему?

– М-м... трудно объяснить. Увидишь сам.

Нам пришлось пересечь почти весь университетский городок – профессор Эшби работал в самом дальнем корпусе. По дороге я с любопытством разглядывал alma mater отца – старинные здания красного кирпича, окружённые столь же старыми раскидистыми деревьями; студентов и преподавателей в пиджаках с университетской эмблемой. В моём колледже всё было проще и современнее.

Наконец мы вошли в нужную дверь и поднялись по лестнице на четвёртый, последний, этаж, который занимало отделение психотерапии. Доктор Марли перекинулся парой слов с сидевшей за стойкой дежурной сестрой. Я лишь кивал и улыбался; так что, наверное, она и мне поставила какой-нибудь диагноз. Но пройти разрешила, и мы двинулись в сторону кабинета профессора Эшби.

Марли постучал. За дверью было тихо. Мы переглянулись. Доктор постучал ещё раз, громче – и лишь теперь из кабинета послышалось: «Да-да?» Марли приоткрыл дверь и заглянул:

– Добрый вечер, профессор. Можно нам войти?

– Вам, доктор, можно. А кто с Вами?

– О, это сын одного из наших профессоров, – произнёс Марли, распахивая дверь и предьявляя меня. За столом сидел плотный пожилой мужчина с густой седой шевелюрой, глядя на меня с настороженным вниманием.

– Здравствуйте, профессор Эшби, – я вежливо улыбнулся, стараясь выглядеть как можно безобиднее. Видимо, мне это удалось – так как профессор, улыбнувшись, вышел из-за своего стола мне навстречу:

– Добрый вечер, молодой человек. Как Вас зовут? И что привело Вас ко мне?

– Моё имя – Виктор Легран. Кажется, Вы когда-то работали с моим отцом, Полем Леграном.

Мне показалось, что профессор на мгновение оцепенел, и взгляд его стал стеклянным. Потом он часто заморгал и улыбнулся странной улыбкой – словно нарисованной неумелым художником:

– Да-да, такой милый был человек. Но я плохо знал его, да. Нет, мы не работали вместе. Но он иногда заходил, интересовался моими работами. Да-да, приятный был человек, – он замолчал, улыбаясь и глядя на нас рассеянным взглядом.

– Над чем Вы работали? Кто ещё приходил к Вам, профессор? – я задавал вопросы, уже не особо надеясь получить хоть какой-то ответ.

– Да-да, хорошее было время. Столько работы... Сейчас всё иначе, – профессор покачал головой.

Марли тронул меня за рукав и тихо сказал:

– Пойдём. Толку не будет.

– И так – каждый раз, когда кто-то пытается расспрашивать его о тех событиях, о твоём отце, – Джейкоб Марли покачал головой. Мы стояли на улице у дверей корпуса.

– И ведь знаешь, он вполне здоров, Эшби – если не касаться этой темы. И нельзя заставить его пройти терапию, чтобы понять, что же стало с его психикой, памятью – почему он ведёт себя так. Так что, боюсь, Виктор, я больше ничем тебе не могу помочь.

– Но, может быть, кто-то ещё знает, помнит те события? Кто-то из группы профессора?

– Я лишь помню, что группа тогда и распалась. Или даже чуть раньше. Полиция всех допрашивала. Но никто не смог рассказать ничего толкового.

– И с тех пор никто больше не интересовался ни моим отцом, ни профессором?

Марли задумчиво нахмурился.

– А знаешь, ведь не так давно меня расспрашивал о работах Эшби ещё один человек.

– Да? – я замер в ожидании.

– Да, точно. Молодая девушка. Тоже интересовалась его парапсихическими исследованиями и очень расстроилась, что никто не смог ей ничего рассказать. Погоди, она оставила свой телефон – на случай, если кто-то что-нибудь вспомнит, – Марли сунул руку во внутренний карман пиджака, достал записную книжку и, перевернув, протянул мне, – Вот. Жасмин Гримвуд.

– Можно, я перепису себе?

– Да, пожалуйста.

– А она не сказала, кто она и зачем ей это?

– Кажется, студентка или аспирантка, и пишет работу по теме.

Распрощавшись с Марли, я тут же позвонил по указанному номеру:

– Мисс Гримвуд?

«Да», – голос в трубке был тихим и настороженным.

– Мне ваш номер дал доктор Марли из Шеридан колледжа. Меня зовут Виктор Легран. И если вы не против, я хотел бы встретиться и поговорить про исследования профессора Эшби.

«Да? Вам что-нибудь известно о них?»

– Не так много, как хотелось бы. Но вдруг мы дополним знания друг друга?

«Хорошо бы. Где и когда?»

– Где вам удобно? И так скоро, как Вы можете.

Несколько мгновений она молчала.

«Через пару часов в кафе „Локко Мокка“ на Фонтанной площади – годится?»

– Да, вполне. Как я вас узнаю?

«Опишите себя».

– Высокий, волосы тёмно-каштановые, глаза карие, в сером свитере и синих джинсах.

«Хорошо. Просто позвоните по этому номеру, когда будете на месте».

– Хорошо.

«Тогда до встречи», – она положила трубку.

Вежливая и общительная девушка, ничего не скажешь. И скрытная. Но, если подумать, я для неё – всего лишь непонятный незнакомец. Так с чего бы ей проявлять особую открытость и доброжелательность.

Времени было более чем достаточно, чтобы добраться до места. Но не так много, чтобы успеть заняться другими делами. Потому я решил просто отправиться в это кафе и пообедать. Заодно изучить местность, так сказать.

Кафе оказалось довольно уютным и недорогим, заполненным болтающими парочками, компаниями студентов и молодыми людьми постарше, вроде меня. Глядя на них и прислушиваясь к разговорам, я показался себе одиноким неудачником. Джеффри прав: сижу один как монах среди бумаги и клея, погружённый во сны, прошлое и сожаления. Мне нужно общаться с кем-то ещё, кроме моих опекунов и клиентов.

Я стал разглядывать посетителей в поисках кого-то, хоть сколько похожего на меня. В противоположном углу сидела девушка. Длинные тёмные волосы, бледное лицо, коричневая жилетка поверх кремовой рубашки и такие же коричневые брюки. Она подняла на меня глаза, издали показавшиеся мне светло-кариими, но потом отвернулась и сделала вид, что смотрит в окно. Симпатичная, но слишком строгая и печальная.

Я продолжил тихонько изучать сидящих в кафе. Но мои мысли, да и взгляд, возвращались к этой девушке. Я чувствовал, что она тоже посматривает на меня, хотя старается делать это незаметно. Может быть... это её я жду? Время приближалось к назначенному. Я достал мобильный и позвонил. Девушка за столом чуть нахмурилась, хотя звонок её телефона я не слышал. Она посмотрела на меня и, как будто немного поколебавшись, поднесла трубку к уху.

«Да?»

– Это на вас я сейчас смотрю?

Она кивнула.

Я встал и подошёл к ней.

– Жасмин Гримвуд?

Она кивнула, глядя на меня. Теперь я разглядел, что глаза её – зелёно-карие, как орешник, с длинными ресницами.

– Виктор Легран. Рад познакомиться, – я протянул ей руку. Она пожала её – не очень крепко, но решительно:

– Пожалуйста, присаживайтесь.

Я сел напротив нее. И, на самом деле, был рад, что она оказалась именно такой. А не яркой пташкой, каких было немало в кафе.

Она чуть улыбнулась, как будто прочитав мои мысли. Но, как бы то ни было, встретились мы по делу, и потому я немного неловко спросил:

– Что Вы знаете об исследованиях профессора Эшби?

Жасмин стала серьёзной:

– Это я у Вас хотела бы спросить.

Мгновение мы напряжённо молчали. Я решил, что так дело не пойдёт, чуть расслабился, вздохнул и сказал:

– Мой отец работал с ним вместе, в его группе. А потом его убили. И я хочу узнать, нет ли тут связи.

Когда я начал говорить, Жасмин как будто тоже слегка расслабилась. Но когда услышала, что мои родители погибли...

– И твой отец тоже... – она сидела, замерев и нахмурившись, глядя в никуда потемневшими глазами. Потом словно очнулась:

– Ой, извините... – она немного смущенно взглянула на меня.

– Ничего, можно на «ты», – я улыбнулся, – Если вы не против.

– Не против, – Жасмин покачала головой.

А мне не терпелось спросить:

– Значит, твой отец...

– Да. Я обещаю, что расскажу свою историю, если ты расскажешь свою, – она смотрела на меня широко раскрытыми глазами, казалось, так искренне и взволнованно. Да что я теряю?

Я рассказал о том, что случилось со мной и моей семьёй. Но о нашей способности проникать в чужие сны и менять их я не упомянул. Не знал, как лучше это сделать. Да и стоит ли. Жасмин слушала очень внимательно, и иногда мне казалось, что я вижу слёзы в её глазах. Хотя она очень старалась сделать непроницаемый вид.

Потом, чуть нахмурившись, она спросила:

– Но зачем этому человеку нужен был твой отец? И если он был нужен, почему его убили? Если твоего брата похитили – то зачем? Ведь выкуп не просили, да и не у кого было. И почему тебя прятали?

Жасмин чувствовала, что я что-то недоговариваю. Она знала это – я видел по её глазам. И понял, что если я не скажу, то и от неё ничего не добьюсь. А мне важно услышать то, что знает она.

– Понимаешь... – я уткнулся взглядом в стол и стал усиленно изучать его, – наверное, это звучит невероятно... но я, как мой отец и брат... мы можем создавать сны. Как свои, так и чужие. Менять их по своему желанию. Хотя и не всегда это легко дается, – тут я всё же взглянул на Жасмин. Она смотрела на меня застывшим взглядом.

– Сны, – её голос звучал почти как с того света, но вдруг ожил, – Так вы создаёте сны? И можете убивать в них людей?

Не знаю насчёт снов, но таким голосом точно можно убить. И взгляд её был столь же жгучим.

– О чём ты, – я был абсолютно сбит с толку и даже подавлен этой неожиданной горькой злостью. Но почему-то чувствовал себя виноватым. Хотя, вроде, не за что.

– Жасмин, правда... я никогда не убивал людей – ни во сне, ни наяву. И почти на все сто уверен, что мой отец тоже не был способен на такое. И брат... – я хотел заверить её, что и он не мог. Но вдруг подумал, что я ничего о нём не знаю – какой он теперь и чем занимается:

– Про него я ничего не могу сказать, потому что... – голос мой запнулся, ком в горле мешал говорить. Я почувствовал, как её ладонь легла на мою. И от её мягкого тепла мне вдруг стало спокойнее – словно согревающий поток разливался по всему моему телу. Я поднял голову – Жасмин смотрела на меня. И теперь мне показалось, что ее глаза цвета крепкого зеленого чая.

– Я верю тебе. Прости. Я... – Жасмин вдруг убрала ладонь, и мне тут же стало не хватать этого прикосновения.

– Мой отец умер во сне, – сказала она едва слышно, – И я почти наверняка знаю, что... это не само по себе произошло.

Жасмин сидела, обхватив себя руками, и выглядела абсолютно потерянной – так что теперь мне хотелось обнять её. Но для этого мне пришлось бы встать, передвинуть свой стул ближе к ней и... Я не привык обниматься с кем бы то ни было на людях, да и не знал, как Жасмин среагирует на это. А она, опять словно прочитав мои мысли, взглянула на меня и чуть улыбнулась:

– Ничего. Извини. Просто я тоже не привыкла говорить с кем-либо об этом.

Она помолчала немного, и продолжила:

– Мой отец умер двенадцать лет назад. Мне тогда исполнилось десять. И я... я была рядом с ним в ночь его смерти. Мама уехала навестить бабушку, и мы с отцом остались вдвоём. Я проснулась ночью. Что-то разбудило меня. Не знаю... мне показалось, что я слышала стон. Я прислушалась. Было тихо. Но я, всё же, решила проверить, как там отец. Он лежал на постели и явно спал. Лицо его было бледным и лоб – в испарине. Он прерывисто дышал, а глаза его метались под закрытыми веками. Мне стало страшно.

Мне показалось, что ей страшно и сейчас. На мгновение Жасмин взглянула на меня и снова уткнулась взглядом куда-то себе под ноги:

– Я позвала его. Сначала тихонько. Потом громче. Но он не просыпался. Я взяла его за руку – ладонь была чуть тёплой. Я... я чувствовала, что с ним что-то происходит: кто-то вторгся в его сон – кто-то чужой и холодный. Я ощущала страх и отчаяние отца. И закричала. Дёрнула его за руку. Он не очнулся, но рука его выскользнула из моей. Вдруг он вздрогнул и захрипел. Я поняла, что он умирает. Схватила телефон и набрала номер службы спасения.

Жасмин замолчала. В лице её не было ни кровинки, а во взгляде застыла боль – словно она прямо сейчас, в этот момент, переживала всё, что случилось тогда.

Я испуганно склонился к ней через стол, думая, не пора ли и ей вызывать врача – но она подняла на меня глаза и слабо улыбнулась:

– Ничего. Всё в порядке, – она сделала несколько глотков из своей чашки с кофе, – Они приехали быстро. Но отца не спасли. Обширный инфаркт миокарда. Сердце у него... было не очень крепким. И, конечно, всё выглядело как самый заурядный случай. Кто бы поверил моим словам, которые никак нельзя доказать. Кто поверит, что человека со слабым сердцем можно убить во сне созданным для него кошмаром? Только ты.

Жасмин смотрела на меня, сначала немного обвиняюще, но потом взгляд её смягчился, а плечи поникли:

– Прости. Ты ведь тоже потерял семью. И видел гибель отца. Прости.

Она сидела, обхватив ладонями чашку с кофе. Я понял, что она с трудом сдерживает слёзы и что она из тех, кто не любит плакать на людях. Потому я не пытался утешить ее, чтобы не спровоцировать. Лишь сидел молча и ждал. Через несколько мгновений она снова взглянула на меня:

– Но я не переставала думать об этом. Как это могло произойти? Кто виновен в смерти моего отца? Как мне доказать, что это не было случайностью? Когда я училась в колледже, мне попала статья про осознанные сновидения. Я изучила всё, что смогла найти по снам и способам внушения. И всё без толку. Но вот я наткнулась на исследования профессора Эшби по парапсихическим возможностям человека. И наткнулась не где-нибудь, а в бумагах отца. Мой отец был психотерапевтом. Я не помнила, чтобы он упоминал имени Эшби, но, возможно, они были знакомы – отец одно время сотрудничал с Шеридан колледжем.

– Всё сходится на этом Эшби. Но у него, похоже, «крыша поехала», – я закусил губу от досады.

– Да, я от него тоже ничего не смогла добиться. Он показался мне странным: как будто он боится, но сам не знает, чего. Скрывает что-то, что сам не помнит. У него, и правда, какой-

то сбой в голове – как будто кто-то в ней покопался, или очень сильно напугал его – так что он не может, не хочет или боится вспомнить, – Жасмин задумчиво крутила прядь волос.

– И это всё ты поняла, поговорив с ним? – я озадаченно смотрел на неё. Меня самого хватило лишь на то, чтобы заметить, что с профессором не всё в порядке.

– Наверное, я тоже яблоко от яблони своего отца, – Жасмин улыбнулась.

– И что нам теперь делать? – я сказал «нам», потому что мы оба уткнулись в одну преграду, амнезию профессора Эшби.

– М-м... Но ведь кто-то ещё должен знать. В исследованиях профессора участвовали несколько человек.

– Доктор Марли сказал, что группа распалась после смерти моего отца. И никаких документов не сохранилось. Что, конечно, подозрительно. Полиция вела расследование. Возможно, что-то осталось в их архивах. Только как нам заглянуть в них?

Жасмин пожала плечами:

– У меня нет таких связей.

– У меня тоже. Но я спрошу... у друзей, на всякий случай.

– Если что-то узнаешь...

– Да, конечно, я сообщу тебе.

Вроде бы, нам больше не о чем было говорить, но... я мучительно искал возможность продолжить разговор. Жасмин сделала это за меня:

– Знаешь... мне кажется, если мы выясним, кто виновен в смерти твоих родителей и куда исчез твой брат... это подскажет мне, как и почему умер мой отец. И потому... я хотела бы помочь тебе в поисках.

Мне сразу стало легче:

– Я, пожалуй, не против. Две головы лучше, чем одна.

Жасмин улыбнулась, и я понял, что мне очень нравится её улыбка.

Мы распрощались, обещая друг другу звонить и вскоре встретиться. Странно, но я чувствовал себя уже не таким одиноким. Мне хотелось действовать. Но я не знал, как. Мои ещё недавние будни теперь казались мне какими-то нереальными – словно они были сном. Я спал тринадцать лет. И вот теперь проснулся. Отец... почему ты не рассказал мне ничего? Или своим друзьям? Как бы я хотел поговорить с тобой. Но даже в своих снах я не решался тревожить умерших. Лишь изредка навещал могилу родителей, избегая такой реальности. Я не любил сны; но получается, что жил, как во сне. Да, мне нужно проснуться. Жасмин показалась мне очень реальной. И я знал, какой шаг мне нужно сделать для возвращения к жизни.

II. Виктор Брат мой

Я стоял и смотрел на наш старый дом. Для меня он был словно призрак – призрак прошлого, моего детства и гибели нашей семьи. Я не собирался искать тут какие-то улики и свидетельства – слишком много лет прошло. Мне нужно было увидеть это место, осознать его реальность. И хорошо, что в нём теперь жили разные и чужие люди – дом был наполнен жизнью. Несколько лет он стоял заброшенным. Но когда я понял, что не хочу в него возвращаться, Джеффри выставил его на продажу. Сначала никто не хотел покупать дом – после того, что случилось с нами. Цену пришлось снизить, и в итоге его купили под мини-отель. Есть же любители пощекотать себе нервы. Да и история дома была важна только для местных – для приезжих она ничего не значила: семья, жившая тут до них, была им не знакома и потому безразлична.

Если бы я оказался на месте Анри и сбежал из плена – я бы пришёл сюда: это ведь единственный адрес, связанный с прошлым. Никому из прежних соседей не было известно, где я живу теперь. Джеффри оставил им свой адрес, на всякий случай.

Может, зайти? Но мне не хотелось ни объяснять, кто я, ни прикидываться возможным постояльцем в поисках жилья. Вряд ли Анри решил остановиться здесь. Для него было бы невыносимо.

Дом я увидел. Теперь мне нужно повидать родителей.

Кладбище. Не было мне спокойно в этом месте вечного упокоения. Я чувствовал себя виноватым за то, что всё ещё живу. За то, что ничего не могу сделать для тех, кто ушёл. Я жив, а мои родители – мертвы, и брат исчез. Я ничем им не помог.

Смахнув с надгробия листву, я положил к нему цветы и сел на скамью. Отец и мама, они здесь, под землей. Но их нет – в могиле лишь то, что от них осталось. Их нет – и я должен жить без них. Жить, хочу я того или нет.

Я почувствовал на себе чей-то взгляд. Огляделся: поблизости никого не было. Лишь в сотне метров от меня у другой могилы стояла пожилая женщина. Но она не смотрела в мою сторону. Наверное, показалось. Я помедлил, а затем пошел к выходу. И все же, чувство, что за мной наблюдают, не исчезло.

Когда я вошел под арку ворот, кто-то схватил меня за руку. Вздвогнув, я обернулся: в нише арки, в тени, стоял мужчина. Или молодой человек – я не видел его лица. В джинсах и толстовке с капюшоном, накинутым на голову. Он отпустил мою руку, сделал полшага мне на встречу и откинул капюшон. Я ошеломленно рассматривал его. Тонкие черты лица, смугловатая кожа. Темные глаза с длинными ресницами. Длинные волосы собраны в хвост. Эти волосы... вьющиеся, каштановые... Я замер. Сердце гулко билось. Я боялся поверить тому, что вижу... И что я вижу? Кого?

– А... Анри? – выдохнул я почти беззвучно.

Но он услышал. Губы его приоткрылись и дрогнули:

– Это ты, да? Всё-таки ты, Виктор?

Я кивнул.

Он судорожно сжал меня в объятьях. А я застыл, боясь проснуться. Едва заставил свои руки шевелиться и тоже обнял его. От брата пахло железной дорогой и пылью, но волосы и одежда были почти чистыми.

– Ты ведь сможешь мне? Спрячешь? – Анри вдруг напрягся, и его пальцы судорожно вцепились в меня, – Мне нужно спрятаться.

Значит, его, действительно, похитили. Он убежал, и теперь похититель ищет его. Я не знал, о ком и о чём речь, но кивнул. А потом и произнёс, поняв, что брат не видит моего кивка:

– Я никому тебя не отдам. Больше никому и никогда. Анри. Я обещаю.

Он чуть отодвинулся и взглянул на меня. Словно хотел увидеть подтверждение моих слов на моём лице. И, видимо, нашёл его. Потому что облегчённо вздохнул и попытался улыбнуться:

– Как хорошо, что ты есть, – улыбка исчезла с его лица так же, как появилась, – Но нам нужно уходить отсюда. Нужно спрятаться.

Я не стал возражать и задавать лишних вопросов. Потом, позже. И просто кивнул:

– Пошли.

Анри следовал за мной, нервно озираясь по сторонам. Когда мы вышли за ворота кладбища, он замер, оглядываясь вокруг. Казалось, взгляд его бегло, но цепко осматривает каждого человека поблизости, каждый подозрительный объект. Наконец он облегчённо вздохнул:

– Куда дальше?

Я указал на свою припаркованную по соседству машину. Анри позволил мне первым подойти к ней, а сам остановился чуть поодаль:

– Распахни все двери и открой багажник. Осмотри её.

Я так и сделал. Никого и ничего лишнего в машине не было. Анри кивнул. Закрыв багажник и двери, я сел за руль. Анри юркнул на заднее сиденье и залёг там. Едва машина тронулась, он спросил:

– Куда мы едем?

– Домой. Туда, где я живу.

– Он найдёт.

– Никто из прежних знакомых, кроме Оливера и Джеффри, не знает моего адреса.

– Кто это? Ты им доверяешь?

– Друзья отца. Теперь они для меня... как семья. Я верю им больше, чем себе.

– Тогда ему доставит особое удовольствие сделать из них твоих врагов.

– Кто бы он ни был... у него не получится, – я был абсолютно в этом уверен.

Анри помолчал, а потом сказал:

– Ты просто не знаешь, на что он способен. Сделать из чёрного – белое, и наоборот – для него ничего не стоит. Чтобы ты проклял всё, что любишь, и возлюбил то, что ненавидишь.

Я не выдержал:

– Да кто он такой?!

– Этьен.

– Но кто он?

– Просто Этьен. Никогда не смотри ему в глаза и не слушай, что он говорит. Это трудно. Но иначе ты пропал. Как пропал я, – в голосе его послышалась истерика.

– Но теперь ты свободен. Ты со мной, и мы что-нибудь придумаем, – я старался говорить спокойно и убедительно.

– Ты, и правда, думаешь, что я свободен?! – Анри резко сел на сиденье и смотрел на меня в зеркало заднего вида, – Ты не понимаешь, что происходит у меня в голове. Не чувствуешь этого, не можешь знать. Чем и кем я был. Что я есть, – он нервно обхватил себя руками.

– Конечно, я не понимаю этого. И не узнаю – если ты мне не расскажешь.

Неожиданно из глаз его потекли слёзы, перешедшие в рыдания. Я спешно припарковал машину на обочине, пересел к нему и обнял.

– Виктор, Виктор. Уходи. Оставь меня. Мне не спастись. Не хочу, чтобы ты тоже... Ведь он захочет тебя. Ты ведь тоже... Проникающий в сны.

– Нет, братишка, не говори глупостей. Мы справимся. Мы что-нибудь придумаем. Вместе.

– Давай уедем, – Анри снова вцепился в меня.

– Хорошо, – я старался говорить как можно спокойнее.

А брат прямо таки сверлил меня глазами:

– Прямо сейчас.

Я замолчал, обдумывая.

– Давай завтра? Возьмём вещи и деньги. И... я хочу попроситься.

Анри горько покачал головой:

– Завтра может быть поздно. Но ладно. Пусть так.

Я снова сел за руль. И некоторое время мы молчали. Черт, я собирался «проснуться». Но чувствую себя как во сне. Это похоже на сон. Мой брат, вдруг объявившийся сам после стольких лет. Нет, я был рад. Но... до сих пор не верил в происходящее. Я ведь так хотел его найти. И еще менее часа назад пытался сообразить, как. А теперь... вот он, Анри, рядом со мной. И я снова не знаю, что делать. Кто преследует его? И преследует ли? Кто этот Этьен? Могу ли я верить словам Анри? Ведь его психика явно не в порядке. Черт, я думаю, как эгоист. Я должен верить ему. Ведь он мой брат. В этом я не сомневался. Конечно, мы столько лет не виделись. Но уж брата я знаю. Мы же близнецы.

Я взглянул в зеркало: Анри лежал на заднем сиденье. Похоже, он доверяет мне. Хотя, какой у него выбор? Во всяком случае, мы снова вместе. Мы – семья.

Но ведь есть еще Джеффри и Оливер. Сказать им, что Анри вернулся? Они заслуживают того, чтобы знать, и будут рады помочь. Но стоит ли втягивать их? Ведь я даже не знаю, что дальше. Анри говорит, нам нужно уехать. Бежать, скрыться. Но куда? И неплохо бы знать, от кого мы прячемся.

Черт, я почти забыл о Жасмин. Она ведь рассчитывает на меня. Наверное. Но я ее совсем не знаю. И доверять не могу. А жаль. Казалось, у меня есть шанс... устроить личную жизнь. Чёрт, о чем ты думаешь, Виктор?

Ладно. Понадеюсь, что Анри придет в себя и хоть что-то мне расскажет. Тогда и решим, что делать дальше.

Я припарковал машину возле дома. Анри дождался, пока я открою входную дверь, и быстро проскользнул внутрь. Мы вошли не через мастерскую, а через подъезд, и поднялись на второй этаж к квартире.

– Проверь, не ждут ли тебя там, – Анри указал на дверь.

Я согласно кивнул, подумав, что, в любом случае, в подъезде мы как в ловушке. Я открыл дверь и вошёл. Заглянул в комнаты и ванную. Потом спустился в мастерскую – всё было так, как я оставил, никаких следов присутствия кого бы то ни было. Я вернулся к Анри:

– Вроде, никого нет.

Он вздохнул:

– Хорошо бы так и было.

Следом за мной Анри прошёл в комнату и огляделся:

– Ты живёшь один?

– Ага, – я чувствовал, словно меня если не экзаменуют, то изучают.

Анри обошёл квартиру:

– Небольшая. Много книг. Чем ты занимаешься?

– Переплетчик-реставратор.

– Тихая и спокойная жизнь? – он разглядывал мои вещи, словно в музее.

Я снова кивнул.

– И вот в неё вторгся я, – тут он остановился и посмотрел на меня, как будто даже с вызовом.

Я растерянно молчал, но не отводил глаз. Чем дальше, тем больше во мне росло чувство вины. Нет, оно всегда было со мной. Но раньше я обвинял себя сам, а теперь это делал мой брат.

– Анри... Что я мог сделать? Я был ребёнком. Полиция искала тебя – я рассказал им всё, что знал.

Его взгляд смягчился, и он кивнул:

– Да, конечно. Прости. Я... – лицо его исказилось, и он бессильно опустил на пол, обхватил руками колени и уткнулся в них лицом. Он как-то весь сжался, как будто хотел спрятаться, отгородиться от чего-то.

Я подошёл и сел рядом с ним. Протянул руку и тихонько коснулся его волос. Анри был похож на дикого испуганного зверя – боишься, что он вскочит и убежит. Или попытается напасть на тебя. Что я мог сказать? Что всё будет хорошо? Я сам не верил в это. Как достучаться до его души – после стольких лет разлуки?

– Я люблю тебя. Ты нужен мне.

Он чуть поднял голову и взглянул на меня исподлобья.

– Зачем?

– Ты мой брат. Брат-близнец. Ближе тебя у меня никого нет.

Он молча смотрел на меня. Потом мягко и печально улыбнулся, выпрямился и сказал:

– Тогда, наверное, ты дашь мне что-нибудь поесть.

Я улыбнулся в ответ:

– Да, конечно. Боюсь, деликатесов у меня нет, но что-нибудь найдётся.

– Что угодно – лишь бы поскорее: я очень голоден.

– Тогда пару тостов и яичницу с сосисками?

Он кивнул.

– Чай? Кофе?

– Чай.

Я отправился на кухню и вскоре услышал, как хлопнула дверь в ванную, а затем и звук льющейся воды. Анри, наверное, понадобится одежда на смену. Засунув хлеб в тостер, кинув сосиски в кастрюльку и разбив на сковородку четыре яйца, я пошёл в спальню, открыл шкаф и достал рубашку, брюки и нижнее бельё. Наверное, Анри будет чуть великовато – он казался тоньше меня; но роста примерно моего, так что, должно сгодиться на первое время. Взяв вещи в охапку, я отнес их брату.

Наш ужин был готов, и я раскладывал всё по тарелкам, когда появился Анри. Моя одежда, действительно, была ему свободна. Но выглядел он посвежевшим и вполне довольным. Его вьющиеся волосы не были собраны в хвост и спадали на спину и плечи, доходя почти до лопаток.

– Душ, чистая одежда, горячая еда – я почти счастлив, – Анри улыбнулся.

Я начинал привыкать к перепадам его настроения.

Мы сидели и молча ели, иногда бросая друг на друга взгляды. Казалось, что каждый хотел о чём-то спросить, что-то сказать – но так и не решался. Я уж точно боялся спрашивать его, хотя вопросы так и вертелись на языке. И ответы были очень важны. Но я подумал, что нужно дать Анри время прийти в себя и успокоиться.

Доев всё без остатка, он заговорил сам:

– Я должен тебе рассказать... Где я был и что делал. Тебе нужно знать. Я... – говорил он так, словно слова застревали у него в глотке, в самом прямом смысле.

– Я... не могу. Не могу сказать! Хочу, но не могу. Чёртов Этьен!!! Наверное, наложил на меня какой-то запрет. Он... – лицо Анри побледнело и покрылось испариной, – умеет внушать.

Глаза его закатились, и он упал бы со стула, если бы я не успел подхватить его. Оттащил на диван. Растерянно соображая, не стоит ли вызвать скорую, я похлопал его по щекам.

К счастью, он открыл глаза, вздохнул и покачал головой:

– Я не могу.

– Ничего, как-нибудь и без того разберёмся, – я улыбнулся, желая приободрить его, – Как ты себя чувствуешь?

– Уже лучше, – он сел, – Голова кружится. Можно мне воды?

– Конечно, – я сходил на кухню, принёс чашку с водой и протянул её Анри.

Он выпил и как будто успокоился:

– Тебе придётся думать самому. Соедини его дар с нашим.

– Это то, что он делал? – я присел рядом.

Анри кивнул.

– Внушал во сне? Внушал тебе создавать сны?

Анри, молча и не моргая, смотрел на меня.

– Создавать сны для кого-то? Плохие сны?

Без изменений. Тут я вспомнил, о чём мы говорили с Жасмин, о её отце:

– Люди в этих снах... умирали?

Глаза Анри стали совсем тёмными и застывшими, лицо своей неподвижностью напоминало маску. Так что я снова испугался за него.

– Анри, Анри, – я похлопал у него перед носом – он заморгал и ожил:

– Что? Ты что-то сказал?

Я покачал головой. Нужно что-то делать. Наверное, Анри нужна помощь психолога или психотерапевта. Кого-то мне напоминало его поведение. Профессора Эшби, с его странной нервной потерей памяти.

– Послушай, кем бы он ни был – он не может найти нас так быстро. Этот адрес знают только Джеффри и Оливер.

– Он может знать о них – из моих воспоминаний, – Анри рассеянно смотрел на меня.

– Всё равно, ему потребуется время, чтобы найти их. А потом как-то выведать, где я живу.

– Квартира – твоя собственность?

– Нет, съёмная.

– Это усложняет поиск. Но всё равно, наверняка есть списки арендаторов.

– Может быть. Всё равно, это не так быстро. Думаю, день-два мы здесь в безопасности.

Анри посмотрел на меня уставшим взглядом:

– Я везде в опасности, пока нужен Этьену. А я буду нужен ему, пока жив. Или пока жив он. И как только он узнает, что ты жив-здоров и умеешь создавать сны – он захочет и тебя прибрать к рукам.

Я вздохнул:

– Ладно, давай доживём до утра, а там что-то решим – «утро вечера мудренее». Выспаться не помешает в любом случае.

– Выспаться?! – голос Анри дрожал, – Нет уж. Я, пожалуй, сегодня не буду спать, – он нервно улыбнулся.

Я непонимающе смотрел на него.

– Он придёт за мной, – Анри снова весь сжался, – вернее... я сам приведу его. В свой сон.

– Но зачем??

– Такая программа в моей голове!!! Ты не понимаешь. Я его проводник в мир снов! Я... марионетка. А он – кукловод, – сейчас Анри, и правда, был похож на сломанную игрушку: поникшие руки и плечи, застывшие глаза.

– Но ты сбежал. Ты нашёл меня. Ты смог рассказать. А значит, можешь делать не только то, что он тебя заставляет.

Анри задумался и кивнул:

– Где-то он допустил ошибку. Ослабил бдительность. Был уверен, что я полностью в его власти. А оказалось, что нет. Недавно... я вспомнил... своё детство, и как меня похитили. Мне удалось скрыть это от Этьена. Наверное, он считал, что после стольких лет моя память уже не восстановится, и нет особой нужды держать меня под замком. Но долго обманывать его мне бы не удалось – и я сбежал при первой возможности. Я мечтал вернуться домой: найти родителей, тебя, – Анри чуть улыбнулся, мягко и грустно.

Но улыбка тут же исчезла, и он покачал головой:

– Теперь я понимаю, что нужно было бежать куда угодно, только не сюда. Здесь он найдёт меня. Я старался не спать в пути – чтобы не останавливаться, не тратить время и не быть совсем беззащитным. Но вчера я, всё же, заснул.

Лицо его дрогнуло:

– И Этьен был в моём сне. Я понимаю, что сам привёл его – как иначе он смог. Он сказал, чтобы я возвращался. Что он всё равно найдёт меня. Что мы связаны, и эту связь никто не может разорвать.

– Но теперь я с тобой, – я взял его за руку, – И буду охранять тебя в твоём сне. Ты же не можешь не спать вечно.

– Не могу, – он устало покачал головой, – рано или поздно я засну. И сны мои будут принадлежать ему.

– Мы найдём, как прервать эту связь. В конце концов, мы оба можем управлять снами. И придумаем, как избавиться от него.

Анри смотрел на меня, словно пытаюсь понять: действительно ли я думаю то, что говорю. Потом кивнул:

– Давай попробуем. Кроме этих путей мне нечего терять. Как хорошо, что мы снова вместе, – он улыбнулся, но тут же вновь стал печально серьезным, – Прости, что подставил тебя под удар.

– Даже не думай об этом. Это самое малое, что я могу для тебя сделать. Анри... Я... – слов не нашлось, и я просто обнял его.

Это же мой брат, ближе него у меня никого нет. И пусть мы не виделись столько лет – мы семья. Я нужен ему. И я буду его защищать.

– Не бойся, – я чуть отодвинулся от него, – Засыпай спокойно. Я тоже усну. И буду в твоём сне. Я буду рядом с тобой, Анри – во снах и наяву.

Он улыбнулся:

– Ты настоящий старший брат.

Несмотря на все волнения и опасения, Анри заснул быстро. Видимо, это у нас семейное – мы легко погружались в сон по своему желанию. Я лёг рядом и, засыпая, нащупывал дорожку в его сновидение.

Анри сидел на холме, густо заросшем травой. Волосы его трепетали на ветру, так же как и трава.

– Это место, я помню его, – он оглядывался по сторонам, – Оно же реально существует? Мне было хорошо здесь.

– Да, это похоже на холм рядом с именем Джеффри, – я стоял рядом и смотрел на него, – Мы часто гуляли тут в детстве.

Анри откинулся на спину и подложил руки под голову. Улыбаясь, он смотрел в небо:
– Хорошо бы вернуться в прошлое. Или хотя бы... остаться навсегда здесь. Где тихо, спокойно и лишь трава и ветер.

Я молчал. Мне тоже было знакомо желание остаться во снах. Ты можешь быть где угодно и кем угодно. И даже с кем – хотя бы отчасти.

– Жаль нарушать идиллию. Но Анри, дорогой мой, ты бы умер с тоски.

Голос, вязкий и липкий, как мёд. Как мёд с привкусом полыни. Я понял, кто это. Но почему-то не спешил оборачиваться. Я взглянул на Анри: его словно парализовало, в глазах был ужас. Ужас и обречённость. Но нет, этого я не позволю. Я обернулся.

В нескольких шагах от нас стоял мужчина одного роста со мной: густые светлые волосы, голубые глаза – холодные, пронзительные.

– Не смотри на него! И не слушай! – Анри дёрнул меня за руку.

– О-о, Анри, ты преувеличиваешь мои способности. Кто твой друг? – в голосе читалась мягкая улыбка; так и хотелось посмотреть на его обладателя, – Хотя... можешь не отвечать. Я знаю. Ты более чем предсказуем, Анри. Вы похожи. И кто ещё мог быть здесь с тобой на равных. Ты привёл его ко мне, да? Ты нашёл его для меня.

– Нет!!! – Анри яростно обернулся, – Я не собирался приводить его к тебе. И не смей его трогать!

– М-м... Обещаю подумать над этим, если ты вернёшься. Когда ты вернёшься.

– Я не вернусь. Никогда! Ты слышал? Убирайся!

– Он не вернётся, – меня самого удивило собственное спокойствие. Но ведь это всего лишь сон, разве нет?

Теперь Этьен смотрел на меня. Он рассматривал, склонив голову на бок и чуть улыбаясь:

– Ты действительно выглядишь так, как сейчас? М-м... неплохо. Но Анри красивее. Намного. А вот как насчёт таланта?

– Ты убил наших родителей, похитил моего брата. И причастен к смерти других людей. Ты должен сидеть в тюрьме, в психушке или вовсе... сдохнуть. И я постараюсь, чтобы так оно и вышло.

– Вот как? – из его голоса исчезла мягкость, как и улыбка с лица, – Мой маленький Виктор. Что ж, давай поиграем. Это будет забавно. И твоя ставка, сдаётся мне, больше, чем моя.

Этьен повернулся к Анри, и голос его снова стал обволакивающе мягким:

– Я жду тебя, мой дорогой.

Анри покачал головой, не в силах что-то произнести.

– Тогда я приду сам. И заберу тебя и его.

– Нет! – во взгляде Анри ненависть мешалась с отчаянием.

– Ты же знаешь, тебе будет лучше со мной. Ты не сможешь без меня.

– Он не вернётся, – чёрт, и почему я не мог сказать ничего другого.

– Вернётся, – Этьен мягко улыбнулся, – если не хочет сойти с ума.

Злость, казалось, заполнила меня всего. Я хотел обрушить мироздание на этого ублюдка. Пусть провалится в тартарары!

Земля задрожала под ногами. Воздух пошёл рябью. Всё вокруг словно покрылось волнами, стремившимися к Этьену. Но... достигнув его, волна разрушения остановилась. Он самодовольно улыбнулся:

– Не ты один здесь Мастер сновидений.

Я непонимающе взглянул на Анри. Он стоял, бессильно и безвольно опустив голову и руки, и избегая смотреть на меня:

– Я обязан защищать его.

– Нет! Ты ничего ему не должен! – я не понимал, как Анри мог даже подумать об этом.

- Его подсознание с тобой не согласно, – мягко сказал Этьен, глядя на меня
- Как бы мне хотелось заткнуть этот улыбающийся голос.
- Словно в ответ на мои мысли, Этьен добавил стали в свои интонации:
- Ты уже проиграл, Виктор.
- Не дожدهшься, – я схватил Анри за руку и вынырнул с ним из сна.

Так вот он какой, значит. Этьен. Он существует. Я был почти уверен, что это не проекция, созданная Анри. Слишком самостоятелен и осязаем. С какой-то стороны это и лучше – значит, Анри не выдумал его и не сошёл с ума. Но это значит, что Этьен – реальная угроза и не только для нас.

Я повернулся к Анри: он сидел рядом со мной на диване, погружённый в какие-то свои печальные размышления.

- Есть что-то ещё, что я должен знать?

Он виновато взглянул на меня:

– Я рассказал всё – что знал и мог. Мне и в голову не пришло, что ты решишь напасть на него!

- А как ещё я могу защищать тебя?

Анри раскрыл было рот, но так и ничего не сказал. Лишь отвернулся, подтянув колени к груди и обхватив их руками. Он вёл себя как капризный обиженный ребёнок. И всегда был таким. Но... могу ли я винить его, что он таким и остался?

- Прости. Прости меня, – я старался говорить как можно мягче.

Он повернулся ко мне – печальный, не то ангел, не то демон с картины художника-романтика:

- Нет, это ты меня прости. Я... Я должен вернуться к нему.

- С ума сошёл?!

Анри покачал головой, на удивление спокойный, почти отрешенный:

– Пока нет. Но, видимо, мне это предстоит – с ним или без него. Но хотя бы до тебя он не доберётся. А мне уже не спастись.

Он избегал моего взгляда.

- Даже не смей так думать! Мы найдём выход. Пока ты не сдался – ты не проиграл.

Анри все же взглянул на меня:

- И как долго мы сможем не спать?

– М-м... просто не будем спать в одно время с ним, – я улыбнулся простоте этого решения.

– Ага, спать тогда, когда он активно бодрствует – значит, быть уязвимым перед ним в реальности. Он заявится, когда мы заснём.

Но, все же, в голосе брата появились признаки жизни.

– А мы будем спать по очереди, – я закивал головой, стараясь поддержать в Анри эту слабую искру сопротивления.

Он задумался. Затем пожал плечами:

- Ладно, давай попробуем. Мне особо нечего терять. А вот тебе...

- А мне главное – тебя не потерять.

- Ну и кто из нас сумасшедший? – Анри улыбнулся, – Ладно, тогда ты ложись спать.

А я буду бодрствовать и охранять тебя.

- М-м-м... – мне совсем не хотелось оставлять его одного.

- Хоть один из нас должен выспаться. Чтобы нормально соображать.

– Ничего, если я одну ночь не посплю, – я был полон сил и оптимизма, – Ничего со мной не случится. А дальше придумаем что-нибудь.

– Ты боишься, что я сбегу? Или боишься спать, когда я рядом? – Анри старался говорить спокойно. Но вышло нервно и резко.

– Анри, это паранойя.

– Она самая. Ну так можешь привязать меня – чтобы я ничего не натворил, – голос его задрожал.

Замерев, я смотрел на него:

– Он... привязывал тебя?

– Нет! – злость Анри улеглась так же быстро, как возникла, сменившись бессильным отчаянием, – Ему не было нужды. Мои узы – здесь, – он ткнул пальцем себе в лоб. И добавил, глядя мне в глаза:

– Вик, у тебя есть пистолет?

На какое-то мгновение мне захотелось застрелить его за такой вопрос. Как раз этого он и хотел.

Анри пожал плечами и отвернулся:

– Это бы решило все проблемы.

Я молчал. Что мне делать: заорать на него? Ударить? Это вызвало бы новую вспышку истерии? Может быть, истерика лучше апатии. Но мне не хотелось ни того, ни другого. Я хотел встряхнуть его, чтобы он проснулся и ожил. Но я понимал, что это вряд ли случится прежде, чем я выгоню Этьена из его головы.

Я тихонько коснулся его волос. Я гладил его по голове, как в детстве, когда он расшибал себе колени или его обижал кто-то в школе. Анри сидел неподвижно, глядя в никуда. Потом лицо его исказилось, и он разрыдался, уткнувшись мне в плечо. Хорошо бы напряжение ушло из него с этими слезами.

Мы лежали рядом на диване, и я рассказывал Анри обо всём, что произошло со мной за эти годы – просто, чтобы отвлечь его и скоротать время до утра. Мы решили, что можем довериться Джеффри и Оливеру – жизненного опыта у них больше, да и возможностей. Этим я эгоистично оправдывал себя; а ещё тем, что они захотели бы знать и помочь. Так незаметно я заснул.

III. Виктор

Та, что чувствует тебя

Что-то разбудило меня – тихий звук или просто дуновение ветра. На мгновение я подумал, что просто задремал с книгой на диване – и потому лежу одетый здесь, а не в своей кровати. Но тут же вспомнил, что засыпал я не один. Я вообще не должен был спать!

В комнате Анри не было. Меня окружала абсолютная тишина. Как будто я один. Один! Я вскочил и побежал на кухню – никого, заглянул в ванную – никаких следов. Как и в спальне. Я скатился по лестнице в мастерскую – Анри не было и там.

Проклиная всё на свете и, прежде всего, себя, я выскочил на улицу и огляделся по сторонам. Вовремя, чтобы заметить, что кто-то очень похожий на моего брата свернул за угол дома в квартале от меня. Я бросился туда. Огляделся. И снова увидел его, сворачивающим за угол. Ситуация повторилась ещё раз два. Это было похоже на дурной сон – когда догонишь кого-то, но он ускользает в последний момент. Я ущипнул себя, подпрыгнул – нет, не сон. Собравшись с силами, я поднажал – и вылетел на центральную площадь.

Утро было ранним, и народу вокруг не так много. Я вертел головой во все стороны, высматривая Анри среди прохожих. Наконец я увидел его – на другой стороне площади. Он словно ждал кого-то. Я бросился к нему. Рядом с ним затормозил автомобиль, седан. Дверца открылась, Анри залез внутрь, и машина тут же сорвалась с места. Взвизгнув тормозами, она свернула на ближайшую улицу и скрылась из виду.

Я стоял... И пытался понять, что же произошло. Что я наделал. Это словно один кошмарный сон. Только я не знал, когда заснул. Когда начался этот кошмар. Когда убили моих родителей? Когда Анри вернулся? Или когда он исчез?

– С Вами всё в порядке?

Я обернулся: рядом стояла женщина средних лет и участливо смотрела на меня. Я кивнул:

– Да-да. В порядке. Спасибо.

Она немного помедлила и пошла дальше.

А мне что делать? Куда идти?

Из кармана джинсов раздался звук, мелодия. Телефон. Я машинально сунул руку в карман и достал мобильник:

– Да?

«Привет. Это Жасмин. Не слишком рано звоню? Не помешала тебе?» – её голос звучал бодро, но неуверенно.

Я покачал головой. И, как всегда, лишь потом понял, что жест мой не видят.

– Нет, не помешала.

«Что-то случилось?» – это было почти утверждение.

Да, случилось. Что я – идиот. Из тех, что надо пристреливать сразу, чтобы не мучились.

И других не мучили.

«Виктор?»

– Да, случилось.

Должен ли я рассказать ей? Нужно ли?

«Ты где? Я сейчас приеду».

Волнуется за меня?

– На Центральной площади.

«Буду минут через двадцать. Пожалуйста, дождись меня. Или мне лучше приехать к тебе домой?» – она явно была встревожена.

– Дождусь. Я буду здесь. На скамье у фонтана.
«Хорошо», – она положила трубку.

Я сел и попытался собраться с мыслями. Но в голове была звенящая пустота. Тогда я решил взять небольшой тайм-аут и дожидаться Жасмин.

Так я сидел, неподвижно, изучая брусчатку под моими ногами – пока чья-то ладонь не легла на мою руку. Ладонь была прохладной, маленькой и нежной. Я поднял голову: рядом со мной сидела Жасмин. Она казалась застывшей – лишь глаза оставались живыми на бледном лице. Но и глаза эти смотрели словно в никуда, на что-то, невидимое мне. Прошло мгновение – и она ожила, взглянула на меня с состраданием. Ощущение от её руки стало иным: я чувствовал, будто холод и боль истекают из меня. Мне стало спокойнее, и в голове прояснилось. Но сама Жасмин как-то сникла.

– Что... ты делаешь? Ты что-то делаешь со мной, да? – не уверенный, как мне реагировать, я чуть нахмурился.

Жасмин, вздохнув, отвернулась и убрала руку:

– Он вернулся и снова исчез, да? Твой брат.

– Ты... экстрасенс? – нельзя было сказать, что я удивлён или потрясён. Разве что тем, что она не сказала мне об этом раньше.

– Я не знаю, кто я. Да, наверное, что-то в этом роде, – голос её звучал тускло и подавленно. Мои ли ощущения она забрала себе, или у неё есть другие причины для этого – я должен это исправить:

– Спасибо, что приехала, – я вложил так много тепла и нежности в эти слова, как только мог.

Она взглянула на меня и, к счастью, улыбнулась в ответ:

– Я почувствовала... что тебе нужна помощь.

Я кивнул. Мне стало легче от того, что кто-то рядом. Кто знает, что происходящее со мной – не сон, и не безумие.

– Ты уже сама всё знаешь, или мне нужно рассказать?

Жасмин вновь стала серьёзной:

– Расскажи. Я не уверена, всё ли я смогла прочесть.

– Прочесть?

– Да. На самом деле, не обязательно прикасаться. Но так надёжнее – контакт сильнее. Я воспринимаю эмоции, чувства. Те образы, что их рождают. Иногда – как свои собственные.

Жасмин поёжилась и обхватила себя руками:

– Но именно чувства, не мысли. Так что, не пугайся.

– А я и не пугаюсь.

Она распрямилась и взглянула на меня:

– Тебя бы не тревожило, если б кто-то читал твои мысли? Или хотя бы знал твои чувства?

– М-м... Но ведь и я, бывает, узнаю чужие тайны, проникая во сны. Так что это было бы всего лишь расплатой, – я улыбнулся, – За мои грехи. Mea culpa.

– Хм-м. А ведь так и есть. Тогда можешь воспринимать меня как заслуженное наказание, – Жасмин улыбнулась, тут же снова нахмурившись, – Это лучше, чем...

– Не бери в голову. Со мной ты... в подходящей компании. К тому же, у меня как раз проблема с выражением чувств. По мне так очень здорово, что тебе не нужно будет ничего объяснять.

Она вопросительно взглянула на меня.

– То, что я чувствую. Не нужно объяснять, – я смутился: вечно я несу что-то... что-то делаю не так.

Улыбка Жасмин стала шире:

– Да, похоже, мы подходящая команда.

Я облегчённо кивнул.

– Так... что случилось? – она подбадривающее коснулась моей руки, но лишь на мгновение.

Сбивчиво я принялся рассказывать Жасмин, как встретил брата, о чём мы с ним говорили, и что мне удалось узнать. И о стычке с Этьеном в сновидении Анри. Когда я впервые произнёс это имя, Жасмин замерла, словно ей пришло что-то в голову, но продолжала молча слушать меня. И лишь когда я закончил, сказала:

– Бойся Этьена де Сен-Клера: никогда не смотри ему в глаза и не слушай, что он говорит, – произнесла она это так, словно цитировала что-то.

Но... почти то же самое крикнул во сне и мой брат. Я уставился на Жасмин. Стоп. Она назвала и фамилию.

Жасмин взглянула на меня и кивнула:

– После того, как мы расстались, я вернулась домой и принялась искать в своих дневниках записи о времени, когда умер отец. И – представляешь! – под моей заметкой, сделанной незадолго до его смерти, я нашла приписку, оставленную чужой рукой – как мне кажется, рукой отца. Те слова, что я только что произнесла. Но... я никогда не давала ему свой дневник – мне и в голову не приходило, что он мог взять его.

– Наверное, он пытался предупредить тебя. Но так, чтобы никто другой не узнал. Вот и сделал запись в твоём дневнике.

– Но почему просто не сказал мне?

– Почему мой отец мне не сказал? Должна быть причина. Возможно... такая же, как у Анри: он просто не смог мне рассказать – так плохо ему стало.

Жасмин задумалась:

– Может быть. Но... что нам делать?

«Нам». Мне так сладко стало от этого «нам». Хотя и сладость была с горечью.

– Почему-то мне кажется, что Этьен не успокоится, вернув Анри. Ведь теперь он нашёл и меня. Возможно, нам и не придётся его искать. Скорее... прятаться. Вернее, спрятаться до тех пор, пока мы не придумаем, как дать ему отпор. Хорошо бы узнать что-нибудь про него – тогда было бы легче к нему подобраться.

– Да, но как? Мы знаем его имя и как он выглядит – если в том сне он выглядел так же, как в жизни. Я пыталась найти упоминания о нём в Интернете – но ничего не вышло: видимо, он не публичный человек.

Я задумался:

– «Де» перед фамилией значит, что он аристократического рода?

Жасмин пожала плечами:

– Наверное.

– Тогда, возможно, Джеффри что-то знает о роде де Сен-Клер. Нужно всё ему рассказать – боюсь, их с Оливером это тоже коснется. Я должен хотя бы предупредить их. И у Оливера, как я помню, есть знакомые в полиции. Хотя... не знаю, поможет ли это. Я буду ждать ночи и постараюсь найти Анри или Этьена во снах.

– А ты можешь взять меня с собой... в сон? – Жасмин смотрела на меня так, словно очень хотела услышать «да».

– Наверное. Но...

– Если мы столкнёмся с Этьеном, я бы постаралась узнать что-то о нём. Я никогда не делала этого во сне. Но со мной и не было Проникающего в сны, – она робко улыбнулась.

– Это ведь опасно. И Этьен узнает про тебя, – я нахмурился.

– Да что он узнает? Я буду всего лишь персонажем из сна, – её улыбка стала почти беззаботной.

И совершенно напрасно – я знал, чем это грозит:

– Но он поймёт, что ты – со мной.

– Я всё равно хочу попробовать, – сказала Жасмин уже серьёзно, – Если ты позволишь. Пожалуйста. Вдруг это поможет. Вдруг получится. Должно получиться.

– Я... я подумаю. Хорошо? – желание принять помощь боролось во мне с опасением подставить ее.

Жасмин, вздохнув, кивнула.

Я почувствовал себя виноватым:

– Не думай, я очень благодарен тебе...

– Но не хочешь подвергать меня риску. Виктор, подумай – ведь не только я помогаю тебе, но и ты мне. Я хочу знать, что случилось с отцом. И почему. И кто в этом виноват. Если это сделал Этьен, то я хочу добраться до него не меньше тебя. Позволь мне... Позволь нам помочь друг другу, – её зелено-карие глаза смотрели так, словно от меня зависела её судьба.

– В одиночку мы не справимся. Вернее, ты не один – у тебя есть брат, и крестный, и твой наставник. А я... – голос её дрогнул, и она отвернулась.

Вот чёрт. Этого я совсем не хотел. Что ж, если так...

Я взял её за руку:

– Ты тоже не одна. У тебя есть я. Если хочешь.

Жасмин взглянула на меня и, улыбнувшись, благодарно кивнула.

Спустя несколько минут мы уже ехали на моей машине к имению Джеффри. Я позвонил ему и Оливеру и попросил о встрече. Оба без лишних вопросов согласились, и прямо сейчас. Я знал, что для этого им придётся отложить дела и обязанности.

– Может быть... не стоит говорить твоим друзьям о моих... способностях? – Жасмин сидела рядом со мной на переднем сиденье, но смотрела совсем не на меня.

– Мне кажется, это будет не совсем честно – не предупредить их. Не беспокойся. Они нормально относятся к подобным вещам: привыкли иметь дело со мной, – я улыбнулся. Но Жасмин продолжала хмуриться.

– У тебя были проблемы из-за этого?

Она повернулась ко мне:

– Я тоже как-то подумала, что это нечестно – и рассказала своему парню. Сначала он посчитал меня ненормальной – и не поверил. А потом поверил – назвал меня монстром и сбежал.

– Да сам он урод, раз сказал такое. Не переживай. Он просто тебя не заслуживал.

Жасмин улыбнулась:

– А сам ты часто рассказываешь знакомым о своём даре?

– Хм-м... у меня и знакомых-то мало. А из близких – только Джеффри и Оливер. Но... да, ты права – кроме них никто и не знает.

Я невольно задумался. Черт. Все так и было. Большинство посчитает тебя как минимум чудачком, если начнешь рассказывать, что умеешь проникать в чужие сны. Да и мало кому понравится, чтобы за ним «шпионял» во снах.

– Эй, ты на дорогу не забывай смотреть, – мягко одернула меня Жасмин.

Я встрепенулся:

– Извини. Обычно я внимателен за рулем.

Некоторое время мы оба молчали. Видимо, погружившись в невесёлые воспоминания. К счастью, мы уже подъехали к воротам во владение Джеффри, и это вернуло нас к реальности.

– Твой крёстный живёт здесь? – Жасмин с растерянным изумлением смотрела на высокие красивые ворота чугунного литья, на видневшиеся за ними подъездную аллею с вековыми деревьями и трёхэтажный особнячок красного кирпича в викторианском стиле.

– Да, – я подумал, что следовало бы сказать об этом раньше, – Джеффри – потомок одного очень старинного рода.

– Ой. А я даже не знаю, как себя правильно вести в таком светском обществе, – Жасмин смущённо заёрзала на сиденье.

Я рассмеялся:

– Не бери в голову. Сейчас познакомишься с ним и поймёшь, что все твои опасения напрасны.

Крёстный ждал нас в дверях – высокий, статный; как всегда, в хорошем, но простом костюме, и с очаровательно-искренней улыбкой на губах.

– Добрый день, Виктор, – Джеффри приветствовал меня более официально, чем если бы мы были одни.

– Юная леди, – он чуть поклонился Жасмин, – к сожалению, Виктор не назвал Вашего имени по телефону.

– Жасмин. Жасмин Гримвуд.

– Джеффри Ланкастер, к Вашим услугам.

Джеффри протянул ей руку и, заполучив в ответ ладонь Жасмин – нет, не поцеловал её, но пожал. Всё-таки крёстный был неплохим психологом. Но я ведь ещё не предупредил его... Я взглянул на Жасмин – как мне показалась, она улыбалась ему хоть и смущённо, но вполне тепло и искренне – значит, не нашла в нём ничего, что оттолкнуло бы её. Я облегчённо вздохнул – почему-то мне хотелось, чтобы они понравились друг другу.

Холодные капли упали мне на лицо – начался дождь.

– Заходите скорее, а то промокнете, – Джеффри приглашающее распахнул перед нами дверь. Мы шагнули внутрь. Но тут перед домом остановилась ещё одна машина, и из неё вылез Оливер. Он захлопнул дверцу и широкими торопливыми шагами направился к нам. Зонта у него не было, так что, он успел изрядно намокнуть, прежде чем добрался до дверей: короткие чёрные волосы, чёрные же глаза и сутана делали его похожим на взъерошенного ворона.

– Что за привычка – ходить без зонта, – проворчал Джеффри, пропуская Оливера вперёд, но ворчание это было очень мягким.

– Хастингс, – крёстный позвал своего камердинера, – пожалуйста, принесите отцу Оливеру полотенце.

Оливер фыркнул:

– И так обсохну. Не нужно, Хастингс, спасибо.

– Чтобы твоя простуда была на моей совести? – Джеффри кивнул камердинеру, и тот ушёл.

Оливер взглянул на него снисходительно-обречённо и решил больше не препираться. Он повернулся к Жасмин и, чуть улыгнувшись, сказал:

– Извините, нас не представили друг другу, – и протянул ей руку, – Оливер Брэдшоу.

– Жасмин Гримвуд.

Как мне показалось, рукопожатие их было достаточно крепким – почти дружеским. Я улынулся про себя: что ж, знакомство с семьёй состоялось. Хотя, почему меня вообще волновало, понравятся ли они друг другу? Ведь мы с Жасмин едва знакомы. Или я боялся, что благодаря своим способностям она узнает о них что-то, чего не знаю я сам? Но ведь проникая во сны, так же узнаешь чувства и желания, иногда потаенные. А я видел сны Оливера и Джеффри. Редко, иногда случайно – но всё же.

Следом за крёстным мы прошли в гостиную. Я пытался решить для себя проблему: как рассказать ему и Оливеру про Жасмин, про её способности. Конечно, я не сомневался: они оба будут вести себя сдержанно и корректно. Слишком сдержанно, я опасался.

Когда все расселись – я рядом с Жасмин на диване, а крёстный и Оливер напротив нас – я рассказал всё: начиная с моего сна и поездки в колледж отца и заканчивая утренним исчезновением Анри и разговором с Жасмин. Джеффри пытался сохранять невозмутимость, но под конец уже сидел, подавшись вперёд и опираясь локтями на колени. А вот Оливер – всё также прямо и неподвижно, и лишь внимательный взгляд его скользил от меня к Жасмин и Джеффри, и обратно.

– Жасмин... тоже обладает даром, – я старательно подбираю слова, – она... чувствует других людей. Их эмоции и чем они вызваны. Что-то вроде сверхчувствительности, – я смотрел на Оливера и Джеффри. А они оба, конечно, смотрели на Жасмин. Но если взгляд Оливера выражал спокойный интерес, то в глазах крёстного была... встревоженность? Я знал, что он редко кого допускает в свой внутренний мир. И что ему есть, что скрывать от меня и Оливера. Но Джеффри быстро взял себя в руки и улыбнулся:

– Вот как? Мисс Жасмин – экстрасенс?

Я знал, что Жасмин чувствует то, что скрывают мягкие интонации крёстного.

– Наверное, можно и так сказать, – она смотрела на него, не отводя глаз, – но в том нет моей вины.

Джеффри раскрыл было рот, но Оливер опередил его:

– Никто вас не обвиняет, – в голосе его и взгляде было столько тепла, мягкости и искренности, что мне показалось – я увидел слёзы в глазах Жасмин, смотревшей теперь на Оливера. Джеффри тоже смотрел на него, и я подумал – как хорошо, что никто не смотрит на самого Джеффри. Но он, как всегда, быстро скрыл в себе то, что не считал нужным показывать:

– Позвольте предложить всем чай или кофе?

– Кофе, – Оливер, улыбнувшись, взглянул на Джеффри.

– Мне тоже, – я облегчённо вздохнул.

Джеффри кивнул и вопросительно посмотрел на Жасмин.

– Чаю, пожалуйста, – ответила она, словно ожидая подвоха.

Некоторое время они смотрели друг на друга. Наконец, Джеффри не удержался от улыбки, на этот раз вполне искренней, и кивнул. Затем он встал и отошёл к столу у стены, где дворецкий оставил поднос с кофейником, чайником, чашками и всем прочим.

– Позвольте мне Вам помочь, – Жасмин вскочила и подошла к Джеффри. Они вдвоём принялись за дело, и я видел, как Жасмин что-то тихо сказала ему. Несколько мгновений он молча смотрел на неё, а потом чуть кивнул.

Когда все вновь расселись, Джеффри заговорил:

– Так этот человек похитил Анри, чтобы создавать сны?

Я кивнул:

– Но, думаю, не для самого Этьена. А для тех людей, чьими снами он хотел управлять.

– Управлять снами... Плюс его собственный дар внушения, – Джеффри задумчиво нахмурился, – С такими возможностями этот человек должен быть очень влиятельным. Но между тем мы о нём ничего не знаем и даже не слышали.

– Что тут удивительного? – Оливер взглянул на него, – Истинное влияние всегда скрытно. Истинная власть – всегда тайная.

– Я не думал, что ты интересуешься политикой, – Джеффри немного удивлённо посмотрел на друга.

Оливер вздохнул:

– Ты забываешь, что Церковь – это тоже система власти, – а потом добавил, – Но этот человек должен был хоть как-то проявить себя. Наверняка остались следы его вмешательства. Свидетели, – он взглянул на Жасмин. Та кивнула:

– Да. Но я знаю о нём ещё меньше, чем Виктор.

– Но если он убил ещё кого-то во сне – должны же быть случаи непонятных, нераскрытых смертей, – я переводил взгляд с одного собеседника на другого, но, похоже, никто не помнил ничего подобного.

– Не обязательно, – вздохнув, Жасмин взглянула на меня, – Причиной смерти моего отца был инфаркт.

– Так, что нам о нём известно? – Джеффри откинулся на спинку дивана и соединил кончики пальцев перед собой, – Голубоглазый блондин, обладающий даром внушения, по имени Этьен де Сен-Клер. Де Сен-Клер. Если он из тех де Сен-Клеров, о которых я слышал – это очень древний род. У них имение где-то на юге. Но о последнем его владельце давно нет вестей, и я даже не помню его имени. А предыдущий маркиз де Сен-Клер, кажется, погиб в автокатастрофе – вот уже сколько лет назад.

– Но Этьен может быть их родственником, – я с надеждой смотрел на Джеффри. Он взглянул на меня в ответ и кивнул:

– Я постараюсь что-то узнать.

– Но, пожалуйста, будь осторожен, – Оливер серьёзно смотрел на него.

Джеффри улыбнулся самой невинной и очаровательной улыбкой:

– Как мило, что ты беспокоишься обо мне.

– Джеффри.

Тот отвёл глаза и кивнул. Оливер вздохнул и тихонько коснулся рукой его плеча. Мне почему-то стало неловко: как будто я стал свидетелем чего-то очень личного.

– Ты прав, – Джеффри взглянул на него и улыбнулся. А потом посмотрел на меня:

– Извини, Виктор. Твоему крёстному иногда тоже нужен воспитатель, – и он кивнул головой в сторону Оливера. Тот принял невозмутимый вид и, повернувшись ко мне, спросил:

– Ты не думаешь, что стоит обратиться в полицию?

– Я не знаю. Что мне им сказать? – я развел руками, – У нас нет улик. И я боюсь, что если полиция начнёт искать Анри или его самого, то Этьен скроется куда-то далеко и надолго. Пока он чувствует себя в безопасности, он будет действовать смелее. А значит, у нас больше шансов столкнуться с ним.

– А ты хочешь с ним столкнуться? – Джеффри серьёзно смотрел на меня.

– Я хочу вернуть брата. Встречи с Этьеном не избежать. И он подсказал мне неплохой способ до него добраться – его собственные сны. Правда... Анри будет его охранять. Мне нужно придумать, как одолеть Этьена, не навредив брату.

– И как не дать Анри навредить тебе – если Этьен прикажет ему тебя атаковать. Что очень вероятно, – Жасмин озвучила то, о чём мне не хотелось думать.

Мой брат может стать моим врагом. Пусть и невольным.

– Будь осторожен, Виктор. Ты отправишься туда, где мы не сможем тебе помочь, – Джеффри тревожно смотрел на меня.

– Вы помогаете мне уже тем, что вы есть, – я улыбнулся. А потом добавил, уже серьезно:

– Я буду осторожен. Но боюсь, что и вы теперь под угрозой. Пожалуйста, будьте осматривательны и не доверяйте никому. Я... я не хочу больше никого терять.

Оливер подошел и сел рядом со мной. Положил руку мне на плечо:

– Мы с тобой. Чтобы не случилось.

Я кивнул. В глубине души надеясь, что ничего и не случится. Ничего, что затронет моих близких.

IV. Этьен

Возвращение блудного ангела

Я стоял на крыше, облокотившись на ограждение и глядя на город. Мне нравилось смотреть с высоты на всю эту суету внизу – и быть выше её. Хотя гораздо больше я любил вид из окон моего поместья – запущенный сад и цветущие кусты роз. Я был его единственным владельцем. Здесь же мне приходилось терпеть миллионы людей под боком. Что ж, надеюсь, это ненадолго. Город хорош только в очень маленьких дозах. Правда, появление брата Анри несколько меняло расклад. Я ничуть не сомневался, что мой маленький ангел вернётся ко мне. Но вот что делать с Виктором? Заманчиво получить его. Но смогу ли я удержать их двоих? Что ж, поживём – увидим.

Даже жаль, что мой дорогой Анри оказался настолько предсказуем. Да, побег его был неприятным сюрпризом. Но я знал, что он не выживет без меня – мой хрупкий ангел, в этом жестоком мире. Он вернётся. Я лишь хотел понаблюдать, что он будет делать. Несложно догадаться, куда он отправится. Если бы Анри хоть иногда мыслил логически, то ему стоило скрыться где-то в безлюдных местах. Хотя бы попытаться затаиться. Но дикая природа пугала его ещё больше, чем я. Ему нужно, чтобы о нём заботились. И защищали. Конечно, он постарается вернуться домой и найти кого-то, кто сделает всё это для него. Но даже если ему удастся – боюсь, ему будет очень непросто: кто ещё станет терпеть его капризы и вздорный характер? Правда, он не всегда ведёт себя как испорченный ребёнок – он бывает спокойным и тихим, почти нежным. Конечно, я его испортил – взрастил это маленькое чудовище. Но я не против терпеть его и дальше, таким, каков он есть – мой прекрасный взбалмошный ангел. Иногда жестокий – как все ангелы.

Я знал, что наша встреча во сне подтолкнёт его в нужную сторону. Я знал, что он придёт туда, куда я сказал ему прийти. Рано или поздно. Я просто отправлюсь туда и подожду.

Спустившись через люк по лестнице на последний этаж здания, я вернулся в квартиру и, как всегда неохотно, позвал:

– Джон! Кэссиди! Иди сюда.

Через мгновение дверь в комнату открылась, и он вошёл, взглянув на меня и тут же опустив глаза. Я, мягко говоря, неприятен ему так же, как и он мне. Каждый раз, видя его и помыкая им, я испытывал странную смесь ненависти, отвращения и удовлетворения. Он был жалок тогда – был жалок и сейчас. Но тогда я был ребёнком, маленьким и беззащитным. Беспомощным. А теперь он в моей власти. И я могу заставить его делать всё, что взбредёт мне в голову. Например, разбить его собственную об стену. Я бы сделал это – если бы он не был мне полезен. Сделаю – как только он перестанет быть таковым.

– Спускайся вниз и заводи машину. Жди меня.

Он кивнул, развернулся и вышел. Жалкий бесцветный таракан. Надо бы подумать о том, чтобы подыскать ему замену. Довольно с меня его общества.

Конечно, приятно, когда твои прогнозы сбываются – Анри стоял на Центральной площади и ждал меня – но слишком уж всё просто. Я распахнул дверцу машины, и он сел рядом со мной на заднее сиденье.

– Возвращаемся, – приказал я сидевшему за рулём Кэссиди, – И быстро.

Машина резко развернулась и рванула в ближайший переулок.

Анри сидел тихо, молча, поникнув головой – как нашкодивший ребёнок, каким он и был. Как же быстро он сдался. Он совсем не воин. Подавлен и напуган. Мой бедный ангел.

– Всё хорошо, Анри. Мы едем домой. Закрой глаза, – он не должен был видеть, куда мы едем. Анри послушно выполнил указание. Лицо его стало расслабленным, почти безмятежным – как всегда, когда я вводил его в транс. Видимо, сейчас мне придётся делать это чаще.

Мы возвращались в снятую мной квартиру на верхнем этаже нового высотного здания – дом был ещё мало заселён и большей частью пустовал. Потому я и выбрал его.

Приказав Кэссиди сидеть тихо и не беспокоить нас, я отвёл Анри в комнату, приготовленную для него, усадил на кровать и сам сел напротив. Он смотрел в никуда невидящими глазами – живая статуя. Я должен поработать с его памятью: он должен рассказать мне, а потом всё забыть. Чтобы он стал прежним – моим Анри. Держать его в трансё все время было бы невыносимо – для нас обоих. Я вовсе не хотел делать из него механическую куклу – только не из него.

– Анри, – никакого движения; но я знал, что он слышит и слушает меня, – Где ты был? – я догадывался, но мне нужно было услышать это от него.

– У брата, – голос звучал бесцветно.

– У Виктора? Как ты нашёл его?

– Встретил на кладбище, у могилы родителей.

Я не хотел убивать их. Не хотел смерти Полю Леграну и уж тем более его жене – у меня не было причин для этого. Захватив детей, я хотел принудить Поля работать со мной – хотя мальчишки «обещали» быть одарённые своего отца. Но Кэссиди нанял для похищения близнецов некомпетентных идиотов. Вне себя от злости и досады я заставил их застрелить друг друга. Но ошибку этим не исправишь. Я старательно заблокировал детские воспоминания Анри – он считал меня своим опекуном. Что было правдой, так или иначе. Я заботился о нём. Воспитывал его – так, как нужно мне.

– Виктор был рад видеть тебя? – я бы на его месте огорчился.

– Да. Он сказал, что я нужен ему.

Я усмехнулся:

– Настолько нужен, что он не искал тебя все эти годы?

Что-то еле уловимо дрогнуло в его лице – я знал, что задел его за живое.

– Он был ребёнком, когда всё это случилось.

Я тоже был ребёнком, когда меня похитил Кэссиди – это не помешало мне, повзрослев и научившись пользоваться своим даром, найти похитителя, вытащить его из тюрьмы и сделать из него раба.

– Ну да. А когда он вырос – ему просто было не до того. Своя жизнь. Свои проблемы. Где он был всё это время? И чем занимается сейчас?

– Жил в монастыре у отца Оливера. Реставрирует книги.

Я фыркнул про себя, едва удержавшись, чтобы не сделать этого вслух. Что ж, образ вполне ясен. Думаю, мне не трудно будет справиться с ним. Нужно лишь решить – убрать его с дороги или пополучить себе? Думаю, стоит начать со второго.

– Что за Оливер?

– Преподобный Оливер. Друг отца. Настоятель монастыря.

Как интересно. Друг Леграна-старшего... Явно не случайная личность в этой истории. Если он воспитывал Виктора – вероятно, они близки, и можно воздействовать через него на нашего книжного мальчика. Священник. С ними я ещё не работал. Будет занятно.

– Виктор живёт один?

– Да.

– У него есть девушка, друг? С кем он общается?

– Я не знаю. Мы так мало были вместе.

Что это? Грусть в его голосе? Но они, и правда, недолго общались – вряд ли успели сблизиться.

– Он упоминал ещё хоть кого-нибудь? Наверняка же рассказывал тебе о своей жизни.

– Только Джеффри. Джеффри Ланкастер, наш крёстный.

– Он имеет отношение к аристократическому роду Ланкастер?

– Да, он потомок.

Занятная компания. Интересно, насколько близки их отношения? Насколько они преданы друг другу? Это мы скоро выясним. Что ж, сыграем, малыш Виктор?

Но сначала я должен подправить кое-что в памяти моего драгоценного пленника.

– Анри, – я придал голосу всю возможную мягкость, при этом вложив в него абсолютную уверенность, – твои родители умерли очень давно. Ты остался один. Совсем один. Беспомощный и незащищённый. Но я позаботился о тебе. Я опекал тебя и защищал тебя. Я всегда рядом. И так будет всегда.

По его щеке скатилась слезинка.

– Анри, ты слышишь меня?

Он кивнул.

– Ты понимаешь меня?

– Да. Этьен.

– Что ты чувствуешь ко мне?

– Я люблю тебя.

Ох, если бы он сказал то же самое, проснувшись. Я коснулся губами его щеки, почувствовав вкус его слезы. Он знает, что и я люблю его. Должен бы знать. Но я не хотел любви послушной куклы – я жаждал страсти настоящего Анри. Настоящие чувства внушить нельзя, к сожалению. Приходится довольствоваться тем, что есть. Так что, в каком-то смысле, мой маленький ангел владел мной, а не я им. И это, должен признаться, иногда меня очень злило.

Я встал и вышел из комнаты. Нужно решить, как быть дальше. Узнать как можно больше о Викторе и его близких.

Начнём с самого простого и доступного – покопаемся в Интернете. Я раскрыл ноутбук. На Виктора Леграна не было ничего. Ровным счётом ничего. Кроме упоминания в старых хрониках о случившемся с его семьёй. Но об этом я знал больше старых газет. Что ж, придётся вести разведку боем.

А вот найти информацию о его крёстном, Джеффри Ланкастере, не составило большого труда: если ты потомок и наследник древнего рода, о тебе нет-нет да напишут в светских изданиях. Хм-м... он явно не любитель позировать – фотографий немного, и на редкой – взгляд в камеру. Это странно, учитывая его... экстерьер – рост, стать, правильные черты лица – я бы сказал, аристократические. Да, информации немного: не женат, бездетен, экзальтированных увлечений нет; в легкомысленных связях не замечен. Продал фабрику элитных автомобилей, доставшуюся после смерти отца – не приносящую сверхдоходов, но вполне окупавшую себя. Но, может быть, он не любит автомобили. Или отца. Хм, я смотрю, у нас немало общего, Джеффри Ланкастер. У таких, как мы, всегда есть «скелеты в шкафу». И я найду твои.

Попасть в поместье, конечно, будет непросто. Особенно Кэссиди. Гораздо легче следить за Ланкастером где-то в городе – сомневаюсь, что он сидит безвылазно в своём гнезде. Нужно узнать, где он бывает – клубы, рестораны, магазины. Но, опять же, оборванца Кэссиди туда не пустят. Разве что у входа потолкается. Придётся заняться самому.

Так, теперь поищем «святого отца». Если информация верна – в городе и окрестностях есть три монастыря – два мужских и один женский. Женский можно отбросить, думаю. Ах, как хорошо, что Церковь у нас стала прогрессивной – даже у монастырей есть сайты. Вернее,

у одного из двух. И настоятелем там – не Оливер. Остаётся монастырь Святого Франциска. Туда я и отправлю Кэссиди – с этим он должен справиться.

– Джон.

Он появился в дверях. С трудом верится, что моя мать, пусть даже в молодости, могла обратить внимание на эту бесцветную моль: светло-русые волосы, серые глаза, невыразительное лицо. И интеллектом не обременён. Разве что физически не плохо развит – в этом качестве я его и использовал, обычно – как охранника, шофёра, грузчика и тому подобное.

– Отправляйся в монастырь Святого Франциска – вот адрес. Настоятелем там должен быть отец Оливер. Выясни это. Если так – следи за ним, но не привлекай к себе внимание. Узнай о нём всё, что возможно. И сфотографируй. Понял?

Он кивнул. Взял бумажку с адресом и молча вышел.

Хорошо было бы заняться и Ланкастером. Или самим Виктором. Но я не хотел оставлять Анри одного. Не сейчас. Я должен быть уверен, что он ничего не натворит и не попытается бежать.

V. Виктор Друг и враг

Я покидал имение крёстного в полной растерянности. Старался выглядеть уверенно перед Джеффри и Оливером, но на самом деле плохо представлял, что мне делать. Я знал лишь, что должен вернуть Анри.

Все были согласны с тем, что мне небезопасно возвращаться домой, и Жасмин предложила пожить в квартире, которая досталась ей от бабушки и часто пустовала. Мне было неловко; но этот вариант лучше, чем гостиница – где Этьену проще меня найти.

Сев в машину и оставшись наедине с Жасмин, я совсем растерялся. Я не знал, как вести себя с ней. Да, у нас была общая цель – найти и остановить Этьена. Но ведь, на самом деле, происходящее её не касалось: это мой брат был во власти Этьена; это мне, возможно, грозила опасность. И моим близким. Про Жасмин Этьен ничего не знал. И мне было известно о ней немногим больше. Она появилась прямо перед нашей встречей с Анри. А что если... ее подослал Этьен?

Я внутренне вздрогнул и посмотрел на Жасмин.

Она взглянула на меня, пытаясь понять, что со мной происходит. «Чувства, не мысли». Мысли она не читает.

Жасмин немного нервно улыбнулась:

– Что-то не так?

Я покачал головой:

– Всё нормально. Едем.

Вряд ли они связаны с Этьеном. Мне ее телефон дал доктор Марли. Или он тоже – агент Этьена? Я усмехнулся собственной паранойе. Если все они – одна шайка, ты обречен, Виктор.

Нет, я верил Жасмин. Хотел ей верить. И логика подсказывала, что мои сомнения пригнаны за уши. А если она, и правда, «человек Этьена» – то это палка о двух концах. И я смогу использовать ее связь с ним.

– Ты не веришь мне.

Сказано было почти ровным голосом. Я взглянул на Жасмин.

Чуть нахмурившись, она смотрела на меня:

– Я бы на твоём месте тоже не верила.

– А ты мне веришь?

На мгновение она задумалась:

– Да. Верю. Но я знаю твои чувства. Потому мне проще. Могу сказать только одно: пока не доверишься – не узнаешь.

Я кивнул:

– Пожалуй, так я и сделаю, – и улыбнулся, абсолютно искренне.

Жасмин пыталась хмуриться и дальше, но губы ее сами расползлись в улыбке:

– Вот и отлично.

Квартира оказалась небольшой, но уютной: две комнаты и маленькая кухня. Наверное, после смерти бабушки Жасмин не меняла обстановку. Но я любил старые вещи – мне было спокойно среди них.

– Располагайся, – Жасмин улыбнулась и сделала приглашающий жест рукой.

– Я тебя точно не стесняю?

Она покачала головой:

– Я не живу здесь. Прихожу сюда, лишь когда хочу побыть одна.

Ага, а теперь мы здесь вдвоём. То, что Жасмин предложила мне эту квартиру как убежище, не отменяет того, что я с девушкой у неё дома. Но я бы не должен думать об этом. Наверное.

– Если ты не против, то эта комната будет твоей, – Жасмин указала на ту, что побольше, похожую на гостиную, – а я останусь в этой, – она кивнула на соседнюю дверь.

– Останешься? – вырвалось у меня раньше, чем я успел подумать.

– Но ты же не будешь возражать, если я останусь здесь, при необходимости? – зелёно-карие глаза Жасмин теперь казались совсем тёмными. Или это просто из-за сумрака?

– Нет, конечно, это твой дом... Я просто... Я...

– Мне кажется, что мы уже всё обговорили насчёт моей безопасности и участия в этом деле. Разве что... тебе неприятно, когда я рядом.

– Нет, – я совсем смутился, – ты же знаешь, что это не так... Ты ведь легко читаешь мои чувства, разве нет?

Мгновение она задумчиво смотрела на меня.

– Да, прости. Но человек – это не только его чувства. Всё гораздо сложнее.

– Это хорошо?

– Что? – она непонимающе склонила голову на бок.

– Что я достаточно сложен для тебя? – я попытался говорить серьёзно, но, всё же, улыбнулся.

Жасмин улыбнулась в ответ:

– Знаешь, даже если человек – экстрасенс, это не значит, что мир для него – открытая книга.

Я хмыкнул:

– Во всяком случае, подозреваю, что ты знаешь о нём больше чем я, – и, уже серьёзно, добавил, – И обо мне знаешь больше, чем я о тебе.

– Это то, что тебя беспокоит?

Я уже начал привыкать к этому проникающему внутрь меня взгляду и кивнул.

– Хорошо, я... Давай поговорим. Я постараюсь рассказать о себе. Хотя я и не мастер в этом, – она как-то съёжилась и обхватила себя руками.

– Я вовсе не собираюсь допрашивать тебя, – произнёс я как можно мягче, уже чувствуя себя виноватым, – я просто хотел бы узнать тебя... немного лучше.

Жасмин улыбнулась и кивнула:

– Пойдём на кухню. Выпьем чаю. Или кофе?

– Чаю, – я вздохнул с некоторым облегчением.

Мы сидели на сумрачной кухне за столиком у окна, друг напротив друга – так что лицо каждого из нас было освещено лишь наполовину. Я подумал, что сейчас мы видим одновременно светлую и тёмную сторону друг друга. Жасмин сидела, обхватив чашку ладонями – как тогда, в кафе. Но теперь она не казалась потерянной. Скорее, задумчивой. Интересно, каким она видит меня?

– На самом деле, ты знаешь обо мне почти всё. После того, как отец умер, я осталась вдвоём с матерью. И она... так до конца и не пришла в себя после его смерти. Она тоже что-то чувствовала. Хоть у неё и нет дара, как у нас с отцом. Просто женская интуиция и чутьё любящего человека. Или же... – Жасмин чуть нахмурилась, – Этьен коснулся и её. Она старалась держаться, пока я росла. Но... В общем, она выпивает. Так что, я живу с ней, и присматриваю.

Я видел, что Жасмин тяжело говорить об этом.

– Зато она жива, – я попытался приободрить её.

Она кивнула и чуть улыбнулась:

– Ты скучаешь по своим родителям?

– Да. До сих пор. Но у меня есть Джеффри и Оливер: теперь они моя семья, – я вспомнил реакцию крёстного на талант Жасмин и улыбнулся, – Кстати, о чём вы секретничали с Джеффри, когда разливали чай?

– Не скажу, – лицо Жасмин приняло заговорщицкий вид.

– Он испугался, что ты узнаешь его секреты? – я всё ещё надеялся выведать хоть что-то.

– Секреты есть у всех, Виктор.

– И у Оливера? Расскажи мне о нём, ну пожалуйста. А то он такой скрытный.

Жасмин фыркнула:

– Оливер – самый открытый из вас.

– Да? – я всерьёз задумался. Ведь я-то не знал о нём почти ничего, кроме фактов биографии.

Жасмин кивнула:

– Он не пытается скрывать что-то ни от самого себя, ни от окружающих. Не пытается казаться лучше. Он такой, какой он есть.

Вот так вот. За несколько минут она может узнать человека лучше, чем я – за несколько лет. Потрясённый, я взглянул на неё:

– Каково это – так чувствовать людей? Что происходит с тобой в этот момент?

Жасмин задумалась:

– Я словно становлюсь этим человеком. Но ощущаю и себя. И иногда бывает очень трудно понять, где мои чувства, а где – чужие, – она снова смотрела в никуда с отрешённым видом.

– Я испытываю чужую боль или радость, чужое счастье и горе как свои собственные. Иногда я воспринимаю чувства от нескольких человек. Тогда эта волна грозит затопить меня. Поэтому я не люблю быть в толпе, – она снова поёжилась и взглянула на меня.

Она выглядела такой хрупкой и уязвимой, что мне невероятно хотелось защитить её. Захотелось обнять и сказать, что будет всё хорошо.

Жасмин улыбнулась:

– Спасибо.

Я смутился:

– За что? – хотя сам уже понимал, наверное.

– За твоё тепло.

– Абсолютно не за что, – пробурчал я, смущаясь ещё больше.

– Что мы будем делать дальше? – не знаю, нарочно или случайно, но Жасмин вернула меня к печальной реальности.

Я взглянул в окно – уже темнело.

– Как ты думаешь, когда Этьен спит? Не вторгается в чужие сны с помощью Анри, а спит сам?

– Тогда, когда его жертвы не спят?

Я пожал плечами:

– Хорошо бы это выяснить. И до того, как он поймёт, что мы пытаемся проникнуть в его сон.

– Мы? Ты всё же возьмёшь меня с собой? – Жасмин заметно оживилась.

– Если получится – я ведь никогда не делал такого. И если это не будет опасно.

– С тобой – не будет, я уверена.

Я про себя улыбнулся. Что это, она флиртует со мной?

– Ты легко засыпаешь?

– Я? – Жасмин задумалась, – более-менее.

И, улыбнувшись, добавила:

– Когда хочу спать – точно легко.

– Хорошо. Не хотелось бы использовать снотворное – с ним труднее контролировать время пробуждения. А спать нам, возможно, придётся много.

Жасмин слушала меня со вниманием ученика. Но роль учителя несколько смущала меня:

– Что ж, давай попробуем. Просто попробуем. Надо же с чего-то начать.

Она кивнула.

– Тогда... Нужно лечь и постараться заснуть.

Жасмин встала и направилась в ту комнату, что отдала мне. Я – за ней.

– Наверное, нужно разложить диван – иначе мы вдвоём едва уместимся.

Вдвоём? Ну да, наверно, так. Я ведь понятия не имел, как задействовать её способности экстрасенса во сне. Чтобы привести в сон человека, мне не обязательно быть рядом с ним. Но ведь мне нужно было как-то отслеживать процесс засыпания и пробуждения Жасмин.

Пока я размышлял, она разложила диван и бросила сверху подушки и плед.

– Я не знаю, как лучше. Как надо, – она немного смущённо смотрела на меня, прервав мои размышления. Но как только я вынырнул из своих мыслей и взглянул на Жасмин, на диван и потом снова на Жасмин... я смутился сам; ещё более от того, что она знала о моих чувствах.

– М-м... да... Нормально. Главное, чтобы было удобно спать, – о том, что мне придётся сейчас засыпать рядом с ней, я старался не думать.

– Вот и не думай. А то мы оба не заснём, – буркнула Жасмин, глядя на меня чуть исподлобья. Но потом подняла голову и улыбнулась:

– Расслабься.

Не знаю, её ли улыбка подействовала на меня, или я просто взял себя в руки, но мне удалось расслабиться. Устроившись поудобнее, я взглянул на Жасмин:

– Готова?

Она кивнула:

– Надеюсь, буду готова и когда засну.

– Я в тебя верю, – я улыбнулся, – и я с тобой.

Жасмин улыбнулась и закрыла глаза.

Я быстро заснул. И отправился искать Жасмин. То, что мы спали рядом, не означало, что и в мире сновидений мы окажемся в одном месте.

Я нашёл её на центральной площади города – там, где мы встретились во второй раз. Там, где я снова потерял Анри.

– Привет. Ты помнишь меня?

Жасмин улыбнулась:

– Конечно.

– Ты знаешь, что ты спишь?

Она на мгновение задумалась:

– Да. Теперь знаю. Но как проверить – чтобы знать наверняка?

– Сделай что-нибудь, что не возможно в реальности.

Жасмин помедлила, а потом легонько подпрыгнула. И не опустилась – так и осталась парить в полуметре над землёй.

– Здорово, – она улыбалась.

– Ты никогда не летала во сне?

– Конечно, летала. Но не так осознанно. Идём искать Анри? – она опустилась на землю, – Или Этьена?

– Кого-нибудь из них. Как повезёт.

Я взял Жасмин за руку:

– Так мне будет проще вести тебя за собой.

Она кивнула и улыбнулась:

– Я в любом случае не против.

Эх-х. И почему всё так? Почему сейчас? Хотя я тут же поймал себя на мысли, что в других обстоятельствах мы могли бы не встретиться. А если бы и встретились, то прошли мимо друг друга, не заговорив. Даже если бы заговорили... Слишком много «если». И потому пусть всё идёт так, как идёт.

Я сконцентрировался на своих воспоминаниях об Анри, на его образе. И ничего не почувствовал. Я не чувствовал его во снах. Тогда я попытался настроиться на Этьена – нашёл в своей памяти отпечаток его образа и тех чувств, что он вызвал у меня. Этьен. Этьен де Сен-Клер. Я пытался найти его облик или имя в сознаниях спящих людей.

Я и Жасмин оказались во мраке – словно туман окутывал нас. Но вот он прояснился, и мы разглядели полутёмный подвал, заваленный рухлядью.

Я различил шорохи где-то впереди, за скрывавшим обзор стеллажом, и обернулся к Жасмин – по её лицу я понял, что она тоже слышала. Мы осторожно подошли ближе и выглянули из-за полка: у стены, прикованный наручниками к трубе, сидел, сжавшись в комок, светловолосый мальчик лет семи-девяти. Над ним угрожающе нависал мужчина – он стоял к нам спиной, так что его лица не было видно:

– Вот такая сука твоя мать. Скажи ей за всё спасибо. Маленький засранец, – он ударил мальчика, и ещё раз, – Лучше бы я убил тебя тогда, Этьен. Я исправлю это сейчас.

Мальчик поднял голову, и лицо его отнюдь не было лицом жертвы – он улыбался, голубые глаза светились злым торжеством:

– Ты – неудачник, Джон Кэссиди. И ты – мой раб.

Мужчина не смог его ударить снова, глядя ему в лицо. И отпрянул.

– Этот мальчик – Этьен? – спросила Жасмин очень тихо.

Я кивнул:

– Но сон – не его. Этого мужчины.

– Так-так, у нас тут гости, – холодно-насмешливый голос позади нас.

Я обернулся: рядом стоял Этьен, в своём взрослом воплощении.

– Отлично, Виктор, мне даже не нужно тебя искать, – он перевёл взгляд на Жасмин, – А это кто? Твоя подружка?

– Никто, – я дёрнул Жасмин за руку, собираясь вывести нас отсюда.

Но, почти одновременно со мной, её схватил за руку и Этьен:

– Куда-то собрались? А я хотел познакомиться ближе и продолжить наше общение.

Жасмин смотрела на него, широко раскрыв глаза. Но то был не страх. Скорее, шок. Этьен взглянул на неё... И так и продолжал смотреть – в полном недоумении. Мы оба держали её за руки. Что она чувствует сейчас, находясь словно меж двух огней? Я взглянул на удерживающую Жасмин руку Этьена, и мне показалось, что он ослабил хватку. Я резко дёрнул Жасмин – и мы выскочили из сна.

Мы лежали, словно рыбы, выброшенные волной на песок, хватая ртом воздух. Просыпаться так быстро – не очень приятно. Но нужно было сбежать от Этьена. Мы оказались не готовы к встрече с ним. Что следовало ожидать.

– Мы сбежали, – озвучила мои мысли Жасмин.

– А ты хотела бы остаться?

Она покачала головой:

– Нет. Не в тот момент.

– Что... ты почувствовала?

Я не хотел её тревожить. Но мне нужно было знать:

– Что ты чувствовала, когда он держал тебя за руку?

– Торжество. Злость, любопытство. Желание подчинять. Но где-то глубже – страсть.

И боль.

– Страсть?

Жасмин кивнула:

– Но к кому – не поняла.

Взгляд её снова стал затуманенным.

– Тебе не было страшно?

Она покачала головой:

– Не особо. Но я чувствовала твой страх, – её зелёно-карие глаза внимательно смотрели

на меня.

– Я боялся за тебя, – это было правдой.

И она, конечно, знала это:

– Я буду тебе плохим помощником, если ты боишься за меня.

Я вздохнул:

– Как-нибудь справимся.

Жасмин молча смотрела на меня, словно размышляя о чём-то. А потом спросила:

– Как ты думаешь, что всё это значило? То, что мы видели во сне?

Я сел, стараясь вспомнить все детали:

– Прикованного в подвале мальчика и угрожающего ему мужчину? Сны, конечно, не всегда отражают прошедшие события, но часто имеют реальную основу. Сновидение принадлежало тому мужчине. И вёл он себя так, будто знаком с Этьеном. Знал его в детстве.

Жасмин уселась рядом, задумчиво теребя длинную прядь волос:

– Они не похожи на отца и сына – я не чувствовала родства между ними. И Этьен назвал его по имени.

– Джон Кэссиди. Но был ли это образ из подсознания, или произошло на самом деле?

– Этьен был зол из-за того, что мы увидели – он не хотел, чтобы мы знали. Реальность это или кошмар – но сильно его задело.

– Подвал и угрозы? Похищение?

Она кивнула:

– Кэссиди держал его взаперти. А ещё он сказал что-то о матери Этьена.

– Что она во всём виновата.

Жасмин нахмурилась:

– Это было большой травмой для мальчика.

– Ты жалеешь его?

Почувствовав холодное напряжение в моём голосе, Жасмин вскинула голову и посмотрела на меня:

– Если его похитили ребёнком и держали в подвале – да, жалею. Но это не оправдывает того, что он делает с другими. Что он сделал с нашими семьями.

На это мне нечего было возразить.

– Знаешь, наша вылазка была не такой уж провальной. Мы узнали кое-что о нём. Я увидела его. И почувствовала. Думаю, это поможет. И теперь мы знаем, что мои способности работают и во сне, – она улыбнулась.

– Меня радует твой оптимизм.

– Да, и хорошо бы, чтобы ты им заразился, – она тихонько пихнула меня, – Что будем делать дальше?

– Я хочу найти Этьена и забрать у него Анри. Нужно узнать, где он скрывается.

– Ты сможешь сделать это через его сны? – ее зелено-карие глаза заинтересованно смотрели на меня. И почему-то мне стало труднее соображать:

– Я не знаю. Вряд ли Этьен так просто скажет. Но я хочу поговорить с Анри. Может, он даст какой-то знак.

– Хм. Да, хорошо бы. Или как-то выманить Этьена, – Жасмин задумчиво сощурилась, – Встретиться с ним в реальности.

– Боюсь, в реальности у него преимущество перед нами – он владеет гипнозом. Наши способности тут бесполезны, – я покачал головой.

– Но вдруг мы сможем проследить за ним? И узнать, где он прячется? – казалось, Жасмин готова прямо сейчас отправиться выслеживать Этьена.

Я пожал плечами:

– Что ж, если получится выманить его, то так и сделаем.

– Он захочет встретиться с нами, если мы скажем, что готовы работать на него?! Как ты думаешь?

Я озадаченно смотрел на неё, не понимая, ребячество ли это или действительно хорошая идея:

– Не думаю, что он так легко купится на это. И это очень опасно. Если мы попадемся, боюсь, нас спасти будет уже некому. Давай сначала попробуем другие варианты. А уж если не получится, тогда...

Жасмин пожала плечами:

– Я просто предложила, – но в голосе её чувствовалось лёгкое разочарование.

– И это хорошая идея. Но... слишком уж игра ва-банк, – сказал я примирительно, чувствуя себя неисправимым пессимистом.

– Угу. И что теперь? – она хмуро смотрела на меня.

Мгновение я молчал.

– Мне нужно подумать. И... побыть одному, – добавил я не очень решительно.

Жасмин снова пожала плечами, словно говоря «как хочешь», встала и со словами: «Когда понадобится – позови», вышла из комнаты.

Я не хотел обижать её. Но мне нужно спокойно всё обдумать наедине с собой. А ещё... я собирался вернуться в сон и найти Этьена. Или Анри – как повезёт. И сделать это один.

Заснул я быстро, как всегда. И... как странно... оказался в своей келье в монастыре – той самой, что покинул несколько лет назад. Но почему я здесь? Ведь я искал Этьена.

– Виктор? Как хорошо, что ты вернулся, – в дверях стоял Оливер, – Здесь безопасно. Тебе не нужно было покидать монастырь.

Оливер никогда бы так не сказал.

– Неплохая попытка. Но неужели ты думаешь, что я не отличу образ от присутствия?

– Была такая надежда, не скрою. Хотя и не очень большая, – Этьен улыбнулся и принял свой собственный облик, – Но скажу то же самое: тебе не нужно было покидать этих стен, Виктор. Ты прост, доверчив и наивен.

Этьен расхаживал вокруг меня, так, что уже начинала кружиться голова в попытке уследить за ним:

– Мир слишком сложен для тебя. Ты – книжный мальчик. Вот и нужно было остаться здесь, среди книг, со своим любящим опекуном. И не вставать у меня на пути, не лезть не в своё дело – а оно не твоё. Но теперь поздно. И даже эти стены тебя не укроют. Даже здесь не безопасно.

Я слышал нарастающий шорох, еле слышный топоток и попискивание. И оглаживался, пытаюсь найти источник звука. Он, казалось, шёл изо всех щелей. Этьен улыбался:

– Я должен тебя оставить, друг мой. Потому что даже я не люблю подобных зрелищ.

Крысы. Это были они. Это их хвосты шуршали по камням, коготки легонько цокали, голодные носы вдыхали воздух в поисках пищи.

Я мысленно провёл линию вокруг себя.

– Не поможет, – мягкий, сладкий голос, – ты их не удержишь. Ты слаб.

Крысы столпились у возведённого мной невидимого барьера. Я отчётливо видел их жадные носы, чёрные глазки смотрели на меня. Одна из них шагнула внутрь круга.

И в следующий миг волна их тел накрыла меня. Я чувствовал их лапы, хвосты. Их зубы. И закричал.

Кажется, я всё ещё кричал, когда осознал себя сидящим на диване. Я в квартире Жасмин. И это её ладони согревали мои. А сама она сидела у моих коленей, глядя мне в лицо:

– Ты кричал, – произнесла она, словно извиняясь, что потревожила меня.

Я был между сном и реальностью, образы и ощущения накладывались одно на другое: кирпичные стены, крысы; Жасмин, держащая мои руки в своих.

– Да, прости.

– За что? – мягко спросила она.

– Я, должно быть, напугал тебя.

Жасмин покачала головой:

– Тебе не за что извиняться.

Я не знал, что сказать. И молча сидел, глядя в пол. На неё я не мог смотреть. Слова, сказанные Этьеном, всё ещё звучали в моей голове. Он прав: я слабак. Книжный червь. Беспомощный и бесполезный.

Но я чувствовал, как боль и холод выходят из меня. Я ощущал тепло. И тепло это исходило из ладоней Жасмин. Поняв это, я отдернул свои руки.

– Я не хочу, чтобы ты делала это, – я взглянул на неё: она непонимающе смотрела на меня.

– Не хочу, чтобы ты принимала эту боль. Не хочу, чтобы ты согревала меня. Я... я не заслуживаю этого.

Она смотрела, всё ещё не понимая. Хотя теперь в её взгляде сквозили обида и упрёк.

– Оставь меня. Я... Не хочу, чтобы ты видела меня таким! – я встал и отошёл к окну. Как сказать ей, чтобы она поняла?! Я не хотел обижать её. Но обидел. И не знал, что делать дальше. Мои мысли и чувства металась в хаосе.

Я понял, что Жасмин стоит рядом, и обернулся. И тут же получил звонкую пощёчину.

– Лучше? Пришёл в себя?

Как ни странно, но да. Боль отрезвила меня и вернула к моменту «здесь и сейчас». Я кивнул:

– Ага. Спасибо.

– Не за что. Обращайся, если снова понадобится, – Жасмин скрестила руки на груди и покачала головой. Выглядела она сердито, но при этом забавно – так что я невольно улыбнулся.

Она взглянула на меня и тоже не удержалась от улыбки:

– Извини.

– Тебе не за что извиняться. Я веду себя... не лучшим образом, я знаю.

– Всё в порядке, Виктор. Я ведь... понимаю, – она смотрела на меня, и глаза её казались совсем тёмными в полумраке комнаты. И в этом полумраке вернулись образы из сна.

– Он знает об Оливере. И о монастыре.

– Он взял их из твоей памяти?

– Или из памяти Анри. Я успел ему кое-что рассказать, – и теперь я жалел об этом, – Даже не знаю, можно ли надеяться, что Этьен ограничится образами и снами. Что он не тронет тех, кто близок мне и дорог. Я не знаю, как защитить вас.

Кажется, Жасмин заметила, что я и её включил в этот круг, но предпочла не говорить об этом:

– Ты можешь управлять снами так же, как и твой брат. Ты сможешь защитить наши сны, – она не дала мне возразить, – Пусть не так легко и сразу, но сможешь. А в реальности... что ж, жизнь вообще – опасная штука.

– Но иногда она опасней, чем могла бы быть. Может быть, тебе, Джеффри и Оливеру нужно куда-то уехать – хоть на время.

– Я не уеду – ты это знаешь. И очень сомневаюсь, что твои друзья согласятся спасти свои жизни и бросить тебя одного. Виктор, прекрати решать за других.

Я хотел что-то возразить. Но, глядя на сердитое лицо Жасмин, передумал:

– Тогда мне нужно остановить Этьена как можно скорее.

Она тут же смягчилась:

– Что ты видел во сне?

Я немного помедлил, но, всё же, рассказал о своём столкновении с Этьеном.

Жасмин взглянула на меня, чуть нахмурившись:

– Как ты понял, что перед тобой – не Оливер?

– Хм. Как сказать. «Присутствие» – всегда более полное, одушевленное, чем «образ», «проекция». Это как... как живой человек и изображающий его робот. Конечно, умелый мастер может создать робота, почти не отличающегося от человека – внешне и по поведению. Теоретически. Но в реальности большинство отличит одного от другого. Во всяком случае, я отличаю образ от присутствия.

– Интересно, я смогу их различить?

– Сможешь, если потренируешься.

Жасмин в задумчивости уселась обратно на диван:

– На самом деле, всё не так плохо: теперь мы кое-что знаем об Этьене, и о том, как он действует. Нужно лишь выяснить, где его уязвимые места.

Я сел рядом:

– Что у нас есть? Что его самого держали в подвале в возрасте восьми – десяти лет?

Жасмин кивнула:

– Мужчина по имени Джон Кэссиди.

– И что, похоже, они до сих пор связаны – раз мы видели Этьена в его сне. И потому, что Этьен быстро нас нашёл.

– Ты думаешь...

– Что Этьен настолько ненормален, чтобы поддерживать отношения со своим мучителем? Думаю, с него станется. И он назвал Кэссиди своим рабом.

– И теперь Джон Кэссиди – слуга Этьена? – Жасмин поморщилась.

Я кивнул:

– Очень может быть.

– Безумие, – она покачала головой.

– Похоже, Этьен любит рискованные игры.

– И у него есть как минимум один помощник.

– И мой брат, – добавил я с горечью, – так или иначе, но он создаёт сны по указанию Этьена. И, похоже, он делает это лучше, чем я.

– Если бы освободить Анри из-под влияния... – Жасмин в задумчивости закусила губу, – Мы можем поговорить с ним во сне?

– Я постараюсь. Но и при встрече мне не удалось растормошить его. Боюсь, это будет непросто.

– Но что ещё мы можем сделать? – у неё явно закончились идеи. Поэтому я вернулся к своей, единственной:

– Постараться узнать, где они скрываются. Пойти туда и забрать Анри.

И, помолчав, добавил:

– У меня есть пистолет. И я умею стрелять. Джеффри меня научил.

В любых других обстоятельствах я был бы рад, что удивил Жасмин.

VI. Этьен

Новые игрушки

Когда я вернулся к Анри, он так и сидел на кровати, блуждая рассеянным взглядом по комнате. Я взял стул и уселся перед ним. Теперь он был вынужден смотреть на меня, но в мои глаза так и не взглянул.

– Я хочу, чтобы ты помнил брата, мой дорогой Анри. Сохрани воспоминания о нём. Твой брат бросил тебя. Ты ему не нужен.

– Не нужен, – голос тихий, как умирающее эхо, и почти такой же бесплотный.

Помолчав, он произнёс:

– Я хочу домой.

– Домой?

– В твоё поместье. Там просторно. А здесь – так тесно, в этой комнате, – он взглянул на закрытое ставнями окно. Я закрыл его намертво, чтобы исключить для Анри возможность понять, где он.

– Давай вернёмся, – он наконец-то посмотрел мне в глаза – тусклым, почти безжизненным взглядом. Во мне проснулась жалость, но...

– Сначала я должен разобраться с твоим братом. Наказать его за то, что он предал тебя. Анри покачал головой.

– Он может быть нам полезен. Твой Виктор. Но может быть и опасен. Я не хочу, чтобы ты общался с ним без моего разрешения.

– Оставь его в покое.

– Ты защищаешь его?

– Тебе не достаточно меня, Этьен?! Моей жизни?!

Неожиданный всплеск эмоций. Куда же подевалась апатия? Анри смотрел на меня... Нет, в его взгляде не было ни злости, ни возмущения – скорее, горькое отчаяние.

– Как драматично. Но ты сам виноват – ты привёл меня к нему.

– Оставь его. Ведь у тебя есть я, – а вот это уже похоже на злость.

– Я подумаю над этим. Если будешь себя хорошо вести.

– Я буду. Когда вернёмся домой, – Анри не сводил с меня глаз.

Я изобразил задумчивость:

– Посмотрим.

– Я ненавижу тебя, Этьен.

Проигнорировав его злость, я встал и направился к двери:

– Веди себя хорошо.

– Иди к чёрту!

Определённо, в ярости он нравился мне больше, чем в апатии.

Я ощутил себя голодным – со всеми этими событиями и размышлениями я не ел со вчерашнего вечера. Да и пленника надо бы покормить.

Холодильник на кухне был заполнен полуфабрикатами и готовой едой. Мы сделали запасы, на всякий случай. Если бы я был у себя в имении – ни за что бы не стал есть эту замороженную гадость. Вытащив наугад пару упаковок – как оказалось, бифштекс и куриное филе с гарниром – я сунул их в микроволновку.

Выложив всё на две тарелки, я отправился к Анри. Он встретил меня настороженным взглядом.

– Что будешь: курицу с рисом или мясо с картошкой?

– Курицу.

Я протянул ему тарелку.

Какое-то время мы молчали, занятые едой. Потом Анри спросил:

– Что собираешься делать дальше?

Я пожал плечами. Конкретных планов у меня не было:

– Импровизировать, – я улыбнулся.

Анри хмуро смотрел на меня.

– Послушай. Я не собираюсь делать с твоим братом что-то ужасное. Во всяком случае, до тех пор, пока он не захочет сделать это со мной. А, боюсь, он может этого захотеть. Но тебе – не всё ли равно? Вы – чужие люди. Он отлично обходился без тебя все эти годы, Анри. Да и ты, как мне кажется. Ты помнишь, как мы жили вдвоём?

Он кивнул.

– Разве тебе было плохо?

– Нет. Но я ничего не помнил. Не помнил своей семьи, – просто вселенская печаль на лице.

Я вздохнул:

– Лучше бы и не вспоминал.

Он покачал головой:

– Лучше бы всех этих лет с тобой не было. Лучше бы не было тебя.

Почему-то это задело меня за живое. Я встал:

– Знаешь, Анри. Я ведь могу быть и жестоким. Я могу прекратить всю эту болтовню с тобой и просто приказывать. Ты сделаешь всё, что я скажу.

– А ты не боишься меня сломать? Ведь тогда ты лишишься не только своей любимой игрушки, но и ценного инструмента.

– Хм. Но ведь есть ещё твой брат, – я усмехнулся и вышел, оставив его злиться и обдумывать своё положение в одиночестве.

Ближе к вечеру вернулся Кэссиди.

– Почему так долго? – не то, чтобы я скучал по нему, конечно.

– Думаешь, легко следить за монахом? – он посмотрел на меня исподлобья, – В монастырь так просто не войдёшь, не привлекая внимания. А наружу они выходят только на службу во внешний храм.

– И?

– Я нашёл этого Оливера, – он достал из-за пазухи мини-камеру и протянул мне, – Надеюсь, фото получились, – не так просто сфотографировать священника в храме.

Я взял камеру и подключил к ноутбуку. Просмотрел фотографии: некоторые вышли вполне сносно – мой шпион набирался опыта. Во всяком случае, можно разглядеть этого Оливера: он явно старше меня – думаю, ему под пятьдесят, как и Ланкастеру; достаточно высок, чёрные волосы коротко стрижены – на вид ничего особенного. Но чувствуется в нём какое-то напряжение: во взгляде, в позе. Хорошо бы взглянуть на него живьём.

– Что ты можешь сказать про него? – я обернулся к Кэссиди.

– Да ничего такого. Обычный поп, – ему явно не терпелось закончить наш разговор.

– А подробнее? Расскажи всё, что ты видел.

– Да что тут рассказывать. Я услышал, как к нему обращаются по имени – так и вычислил. Он провёл службу в соборе, принял исповедь у желающих – и ушёл обратно в свой застенок.

Что за скудный ум и язык. Где детали? Мне нужны детали. Вечно всё из него вытаскивать приходится.

– Джон. Стой спокойно и смотри на меня. Сейчас ты расскажешь мне всё, как было. Всё – что – ты – видел. Говори.

– В монастырь так просто не пускают всех подряд, во внутренний двор. Так что я пошёл в собор – но дневная служба уже закончилась, а до вечерней было ещё далеко. Я снова вышел на улицу и стал слоняться вокруг храма и во внешнем дворике, надеясь узнать, кто из монахов тот чёртов Оливер, которого ты послал меня искать. Хотелось курить. Но в монастыре – нельзя, и дома ты мне запрещаешь. И... – он замолчал.

– Что дальше? Что было дальше, Джон?

– Я... мне стало плохо.

– Плохо?

– Голова... удушье...

– А. Ты что-то нехорошее подумал про меня. Хотел убить, наверное. В очередной раз. И тебе стало плохо, – я не без злорадства усмехнулся. Конечно, я вложил в его голову код, запрещающий любые опасные для меня действия, – И что дальше?

– Ко мне подошёл этот самый поп. Спросил, как я себя чувствую и не нужно ли вызвать врача. Я ответил: нет, не надо. В этот момент появился другой монах, и назвав его «Отец Оливер», сказал, что его ждёт прихожанка. Тот кивнул ему и спросил у меня, не хочу ли я хотя бы присесть и выпить воды или чаю. Я подумал, что на ловца и зверь, и сказал – ага, не откажусь. Он отвёл меня в храм, усадил на скамью. Спросил, что мне принести: чаю или воды, и вышел.

Через пару минут он вернулся с чашкой чая, убедился, что я в порядке, и направился к ожидавшей его женщине. Она, кажись, была чем-то расстроена. Я не слышал, о чём они говорят. Но зато сделал фотографии. И должен сказать, так он хорошо с ней поговорил, что она совсем успокоилась, аж на лицо просветлела. Есть в нём что-то, что успокаивает.

Потом он вернулся ко мне, сказал, что я похож на приезжего и спросил, есть ли мне где жить и на что. Я ответил, что да, с этим порядок. На что он сказал, что если мне нужна будет помощь, то я могу прийти сюда и спросить настоятеля, отца Оливера – это он и есть. Я кивнул: спасибо, так и сделаю. И решил, что пора сваливать оттуда – и так глаза намозолил.

– Да уж, незаметно – это не про тебя. Что ж, наш святой отец – на вид вполне таков. Но, как известно, святости способствуют прошлые грехи. Уверен, что он – не исключение. Ладно, на сегодня ты свободен. Но присматривай за дверью в квартиру: если кто-то выйдет или войдёт без моего разрешения – это будет последний промах в твоей жизни.

Интересно, когда Виктор спит? Пора бы мне встретиться с ним самим. Узнать получше. Произвести разведку боем.

Анри расхаживал по комнате, когда я вошёл. Я не дал ему возможности ничего сказать – хватит этих разговоров. Просто дёрнул его за руку и усадил на кровать:

– Спи, мой дорогой. Спи крепко и хорошо. И возьми меня с собой. Отведи меня к своему брату.

Чтобы он ни думал, он не мог ослушаться. Анри закрыл глаза. Я сел рядом и погрузил себя в транс, переходящий в сон.

Мы нашли Виктора на удивление быстро и близко: он и какая-то девчонка стояли в подвале и из-за стеллажа наблюдали... как Джон Кэссиди разбирается со мной девятилетним, прикованным наручниками к трубе. Злость вскипела во мне мгновенно. Я едва удержался, чтобы не разметать тут всё и вся к чёртовой матери:

– Так-так, у нас гости.

Девушка обернулась. Виктор медлил. Но, всё же, повернулся и он.

– Отлично. Мне даже не нужно тебя искать, – я кивнул в сторону девчонки, – А это кто? Твоя подружка?

– Никто, – Виктор собрался было дать дёру, прихватив и девушку.

Но я успел схватить её за руку:

– Куда-то собрались? А я хотел познакомиться ближе и продолжить наше общение, – я взглянул на девушку. Она смотрела на меня. И было что-то странное в её взгляде. Какое-то пронизывающее внимание. И почти полное отсутствие страха. Да кто она такая?

Тут Виктор дёрнул её сильнее, и они исчезли.

– Анри, кто она? Кто она, Анри – отвечай!

«Я не знаю. Я не знаю её».

Ладно. Он не может врать – я запретил ему. Придётся выяснить это как-то иначе. Но есть ещё кое-что.

– Кэссиди, – я сделал шаг и оказался рядом с ним. В его глазах был шок и страх.

– Развлекаешься, да? Легко было справиться с девятилетней мальчишкой? Ну так вот он, взрослый я, – и со всех сил ударил его под дых, очень надеясь, что тело его почувствует боль.

– Анри, забери меня отсюда.

Я открыл глаза. Что ж, Виктор оказался довольно прытким. Наверное, он искал Анри. Или меня. Но нашёл мой образ во сне Кэссиди. И моё появление собственной персоной застало его врасплох. Но что это за девица?

– Анри, – я повернулся к нему, – Проснись.

Он заморгал и открыл глаза.

– Ты точно не знаешь её?

Он покачал головой:

– Никогда не видел раньше.

– И Виктор не говорил о ней?

Тот же ответ.

– Ладно, позже с этим разберёмся.

Я сходил за ноутбуком и показал Анри фотографии монастыря, которые нашёл в Интернете:

– Создай для меня это место во сне. А ещё, – я вывел на экран фотографию Оливера, – мне нужен образ этого человека.

Анри несколько мгновений всматривался в него:

– Но это же...

– Отец Оливер, – я усмехнулся, – Хорошо, что ты помнишь его. Мне понадобятся и твои воспоминания.

– Что ты задумал? – Анри непонимающе смотрел на меня.

– Ничего такого. Просто поболтать с твоим братцем. Меньше знаешь – лучше спишь.

Виктор не заставил себя долго ждать. Он стоял посреди кельи, растерянный, явно не ожидая оказаться здесь. Правда, он быстро сообразил, что перед ним – не Оливер. Но я и не надеялся надолго ввести его в заблуждение – мне было достаточно показать ему, что я знаю и про это место, и про этого человека. Я кружил вокруг него, не давая сосредоточиться. Он не казался напуганным. Но ведь я ещё и не был страшным. Страшным. Добавим немного страха. И много крыс. Мне всегда нравился образ Крысолова, подчиняющего их себе своей флейтой. Ты слышишь их, Виктор? Слышишь. И видишь. Этих маленьких голодных тварей. Которые сожрут тебя.

Конечно, он не стал ждать, пока его съедят – трусливо сбежал. Думаю, этой ночью мы уже не встретимся.

Я был вполне доволен своей маленькой победой. Но Анри, конечно, не разделял моего торжества:

– Ты говорил, что не собираешься причинять ему вреда! Я... Ты заставляешь меня нападать на собственного брата! Я не буду этого делать. Я не стану причинять ему боль.

– Как будто тебя спрашивают, Анри, – как мне надоели эти капризы, – Как будто ты тут что-то решаешь.

Он открыл было рот... но не нашёлся, что сказать.

– Вот и молчи. Не заставляй меня быть жестоким и к тебе.

– Ты уже жесток.

Я взял ноутбук и направился к двери.

– Ты способен только разрушать, Этьен.

Я на мгновение обернулся к нему:

– Никто не научил меня созидать, – и вышел из комнаты.

Умеешь ты испортить настроение, Анри. Машинально я раскрыл ноутбук и проверил почту. Не то, чтобы я ждал писем, но заказы от моего агента приходили на e-mail. И сейчас там было сообщение от него. Хм, это более, чем занятно. Агент сообщал, что некоего аристократа заинтересовала возможность создания снов на заказ. И зовут этого джентльмена Джеффри Ланкастер.

На мгновение я не знал, что и подумать. Он знает, кто я и чем занимаюсь? Знает, как меня найти? От таких мыслей неприятный холод скользнул в мою душу. Но нет, вряд ли Ланкастеру всё про меня известно. Скорее, ему что-то рассказал Виктор. И его добрый крёстный фей решил ему помочь. Но что Виктор мог узнать? Должно быть, совсем немного. Анри разболтал ему? Да, это я мог предположить. Но и Анри мало что знал про меня. Но это мы сейчас проверим.

– Что ты рассказал своему братцу обо мне? – я уселся рядом с ним, глядя глаза в глаза.

Но Анри был почти спокоен:

– Только то, что ты умеешь внушать. И используешь свой дар вместе с моим.

– И всё?

– А должен был что-то ещё?

Мне показалось, или лёгкая ирония была в его голосе? Несколько мгновений я продолжал молча сверлить его взглядом. Но он не врал. Он не мог мне врать. Значит, Виктор или его крёстный сделали выводы самостоятельно. И Джеффри Ланкастер как-то пересёкся с моим агентом. На самом деле, в этом не было ничего невозможного и даже удивительного: я искал клиентов среди богатых и знатных – тех, у кого были прихоти и кто мог их оплатить. Мой агент присылал мне всю информацию на e-mail. Мы очень редко встречались с ним лично, и он не знал ни моего настоящего имени, ни того, как именно я действую. И уж конечно, я сделал ему внушение, чтобы он не мог причинить мне вреда. Так что, Ланкастера на меня вывела логика и стечение обстоятельств. Но, тем не менее, он принадлежит к клану врага. И действовать нужно соответственно.

– Ладно. Покажи мне, что снится сейчас Джеффри Ланкастеру. Но не вводи меня в сон – я должен остаться «за кадром», как и ты. Мы просто посмотрим.

Анри мрачно посмотрел на меня, но послушаться не мог.

Я увидел холм, густо поросший травой. И двух мужчин, сидящих рядом на его вершине. Одним из них был Джеффри Ланкастер. А вторым... какое занятное совпадение... наш «святой» Оливер.

– Столько лет прошло, и мы снова здесь, да? – Оливер улыбнулся и взглянул на Ланкастера.

Джефффри молча кивнул. По лицу его я видел, что он хотел бы многое сказать, но что-то ему мешает. После минутного молчания он не без труда, но произнёс:

– Ты стал священником, как и хотел. Ты счастлив, Оливер?

Тот взглянул на него и несколько мгновений молча смотрел, а потом отвернулся, так ничего и не сказав.

– Я бы очень хотел, чтобы ты был счастлив.

На этом всё исчезло, словно растворившись в серой мгле – видимо, Джефффри вошёл в стадию сна без сновидений.

«Занятно. Анри, ведь Оливер не был проекцией? Это был он сам».

«Да».

«Должно быть, их многое связывает, если они могут видеть один сон на двоих».

Сновидения вернулись. Теперь Джефффри стоял в коридоре, слабо освещенном, с крашеными стенами и потолком. В другом конце его появился Виктор, вернее, его образ, и поминал за собой. Джефффри побежал за ним, пытаясь нагнать:

– Виктор, подожди! – но безуспешно.

Завернув за очередной поворот, Джефффри остановился: впереди коридор заканчивался открытой площадкой с перилами и лестницей, спускавшейся куда-то вниз. На площадке стояли несколько рабочих и, кажется, спорили. Один парень отступал, прижимаясь к перилам, а несколько мужчин как будто обвиняли его в чём-то или угрожали.

Джефффри словно парализовало, но, всё же, он сделал шаг вперёд, и ещё один. Парень взглянул на него, и в этот момент кто-то из стоявших рядом его толкнул. Он покачнулся, взмахнув руками и пытаясь удержать равновесие... и рухнул вниз.

– НЕТ!!! – Джефффри бросился вперёд, сбежал по ступеням и склонился над телом. Явно мёртвым. Но телом уже не рабочего, а Оливера.

Всё резко исчезло – Джефффри Ланкастер проснулся.

«Возвращаемся, Анри».

Да, мне было, над чем подумать. Но кое-что я уже понял. Позволив Анри отдохнуть, я пошёл в свою комнату и набрал номер телефона Ланкастера. Я не боялся разбудить его в такой поздний час – я знал, что он не спит.

«Да?»

– Джефффри Ланкастер?

«Он самый».

– Если Вас всё ещё интересуют сновидения на заказ, приходите завтра в шесть часов в кафе «Паяц».

«Хорошо, я буду».

– Приходите один. Иначе встреча не состоится.

Я положил трубку. Я почти не сомневался, что он придёт. И, судя потому, что он не задал лишних вопросов, он знал, с кем встретится.

VII. Виктор Познавая друзей и врагов

Под утро Жасмин всё же заснула. Я сидел рядом, пытаюсь понять, кто я для неё и кто она для меня. Кто она вообще? Меньше, чем за сутки, мы стали близки. Ведь стали? Она знает обо мне такое, что до сих пор не знал никто, кроме моих опекунов. Но на самом деле, мы почти не знакомы. Да, она рассказала о себе. Совсем немного. Это она читает меня, как открытую книгу – не я её. Могу ли я ей доверять? Уже ведь доверился. Стоило ли?

От этих мыслей мне стало не по себе. Я не хотел думать так о Жасмин. Но почему? Влюбился? Можно ли так назвать ту симпатию и интерес, что я испытывал к ней?

Я вглядывался в бледный овал её лица, длинные тёмные ресницы, скрывавшие... такие удивительные глаза. Я никогда раньше не видел таких глаз – пронзительных и в то же время мягких. Да, они видят тебя насквозь; но не судят, а страдают. Правда, в тот момент, когда загораются гневом – они жгут немилосердно. Её губы кажутся такими мягкими. Я хотел бы их коснуться. Даже наедине с самим собой мне стало неловко от этой мысли. Может быть, потому, что я смотрел на неё, спящую, без её разрешения, украдкой. Но ведь я ничего такого не делаю. И спала Жасмин одетой.

Её лицо дрогнуло и приобрело потерянное выражение. Ей явно что-то снилось. Это шанс для меня узнать её получше. Мгновение поколебавшись, я прилёг рядом, закрыл глаза и вошёл в её сон.

– Уродка! Ты подслушивала? И подсматривала? – стервозного вида старшеклассница орала на Жасмин, а та зло, но при этом растерянно смотрела на неё:

– Ничего такого я не делала! Больно надо.

– Тогда откуда ты всё знаешь? Откуда? Ты просто мерзкая ведьма!

Жасмин опустила голову. А когда подняла её снова, вместо девчонки рядом с ней стоял высокий темноволосый мужчина с сединой на висках, мягко и печально глядя на неё. Жасмин точно так же взглянула в ответ:

– Папа. Почему ты мне ничего не сказал? – в голосе её была нежность и горечь, – Почему не объяснил, как жить с этим?

– Бойся Этьена де Сен-Клера. Не смотри в его глаза и не слушай, что он говорит, – голос её отца звучал безжизненно, механически. И сам он стал похожим на куклу.

– Отец, – Жасмин хотела его обнять, но он рассыпался на мелкие осколки. Жасмин стояла, потерянная:

– Бояться его? Но кто он, Этьен де Сен-Клер?

– Кто я? – мягкий обволакивающий голос.

Этьен?! Нет, всего лишь его проекция – образ из подсознания Жасмин. Но она-то об этом не знает, не осознаёт.

Откуда-то сверху опустились верёвки и обвили запястья и колени Жасмин; она повисла на них, словно марионетка. Этого я не мог допустить. Усилием воли изменил ландшафт на песчаный морской берег. Верёвки, подвесившие Жасмин, исчезли, и она рухнула в мои объятия.

Я ощущал её в своих руках, она казалась мне такой хрупкой и уязвимой. И я втянул её в опасное дело, я виноват перед нею. Жасмин открыла глаза. Я не понимал, узнала ли она меня. Но взгляд её стал мягким и почти нежным. И я... я поцеловал её.

Наверное, я хотел бы большего. Но не посмел. Не так. Не во сне, где она не совсем понимает, что происходит. Даже если она желает того же. Ведь наши желания во снах – не совсем те же, что в реальности. И потому я счёл за лучшее исчезнуть, оставив её на сол-

нечном морском берегу. Я не позволю кошмарам вторгнуться сюда. Но буду охранять её извне.

Я проснулся, как можно осторожнее поднялся и оглянулся на Жасмин: она по-прежнему спала, но лицо её было спокойным и безмятежным. Мне хотелось прикоснуться к ней, лежать рядом, чувствуя её тепло; чтобы она спала в моих объятьях. Я хотел заботиться о ней и защищать её. Мне было всё равно, что это за чувство – я не спешил давать ему название. Я понимал, что не смогу скрывать его от Жасмин. И не был уверен, что хочу. Я улыбнулся: пожалуй, это даже удобно, что мне не нужно объясняться.

За окном уже светало. Я привык просыпаться рано, чтобы видеть меньше снов. Да и монастырская привычка сохранилась. Монастырь. Оливер. Я должен рассказать ему, предупредить.

Я вышел на кухню и набрал номер монастыря – личные телефоны не разрешались монахам уставом. Когда кто-то взял трубку, я поздоровался и спросил отца-настоятеля. Через некоторое время Оливер взял трубку:

«Алло».

– Доброе утро. Это Виктор.

«У тебя всё в порядке? Есть новости?» – голос звучал взволнованно, хотя Оливер старался говорить спокойно.

– Мы встретились с Этьеном во снах. И... Оливер, он знает про тебя.

Пауза была лишь мгновенной:

«Этого следовало ожидать. Ничего страшного, Виктор. Не переживай. Я смогу за себя постоять. И, конечно, буду осторожен. Что ещё произошло... там?»

– Наверное, лучше рассказать при личной встрече. Я постараюсь как-нибудь заехать, при возможности.

«Могу я чем-нибудь помочь?»

– Береги себя.

«Конечно. Ты тоже. Передавай привет Жасмин».

Привет я передал сразу же – Жасмин стояла в дверях и смотрела на меня.

– Не хотел тебя будить.

– Как ни странно, я хорошо спала.

– Хм, – я отвёл глаза, стараясь не вспоминать своё вторжение в её сон.

– Это твоих рук дело? – Жасмин пыталась изобразить возмущение, но это у неё плохо получалось. Она никак не могла определиться, сердиться ей на меня или нет.

Я решил на всякий случай оправдаться:

– Я боялся, что Этьен станет искать тебя.

– Но он же не знает, кто я. Или это не помеха? – Жасмин обеспокоенно посмотрела на меня.

Я пожал плечами:

– Не зная имени и места нахождения – трудно. Но возможно.

– Ясно.

– Ты всё ещё можешь...

Жасмин посмотрела на меня так, что я решил не продолжать. Быстро сменив гнев на милость, она спросила:

– Что ты хочешь на завтрак: омлет, сосиски, хлеб с маслом, сыр? Боюсь, ничего интереснее нет. Ещё есть мюсли и молоко – но, думаю, ты это не ешь.

Я улыбнулся:

– Я ем всё. В монастыре меню не обсуждается. Да и дома у меня в холодильнике не густо.

– Ладно, – Жасмин улыбнулась в ответ, – тогда я достаю всё – а ты бери, что хочешь.

– Ага, только Джеффри сначала позвоню.

Я набрал номер крёстного.

«Виктор, доброе утро. Как вы?»

– Неплохо, – я рассказал ему, что мы увидели во сне Джона Кэссиди, смягчив описание столкновения с Этьеном. И умолчав о том, что произошло дальше. Не то, чтобы я хотел скрыть это от крёстного. Но не хотел рассказывать сейчас и при Жасмин.

«У меня тоже есть для вас информация. Я нашёл человека, который учился в колледже вместе с Этьеном де Сен-Клером. Не в одной группе, но всё же. Это один мой знакомый. И он согласился поговорить с вами. Я бы тоже с удовольствием поехал, но... я опасаясь, что, желая найти тебя и, возможно, зная о наших отношениях, Этьен может следить за мной. И я не хотел бы привести его к тебе».

Чёрт! Во что я втянул их: его и Оливера. Хотя, если уж на то пошло, «втянул» их ещё мой отец. Но я ведь продолжаю это «славное дело».

– Да... Джеффри, я...

«Всё в порядке, Виктор. Пока будем общаться по телефону. И лучше ты сам звони мне. Запиши адрес. Чарльз Уотерберри готов встретиться с вами уже сегодня. Расскажи потом, как всё прошло. И звони по возможности, пожалуйста. Ах да, ещё я встретил человека, который предложил мне воплотить все мои желания и мечты во снах», – даже по телефону я почувствовал улыбку в голосе Джеффри, – «Но это был не Этьен. Постараюсь узнать о нём что-то ещё».

– А это не опасно?

«Виктор, ты же знаешь, осторожность – моё второе имя».

Я хотел было сказать, что это далеко от истины; но лишь попросил его не рисковать.

Поблагодарив крёстного, я повернулся к Жасмин:

– Кажется, нам есть, чем заняться до вечера.

Знакомый Джеффри согласился встретиться с нами во время ланча в одном из кафе в центре города. Когда мы вошли, из-за столика навстречу нам поднялся мужчина лет сорока: в деловом костюме, явно не дешёвом; с тёмно-русыми волосами и загаром любителя горных лыж. Но улыбался он приветливо и смотрел доброжелательно:

– Чарльз Уотерберри, – он крепко пожал мне руку.

– Виктор Легран и Жасмин Гримвуд.

– Очень приятно, – ответил Уотерберри, пожимая руку Жасмин.

Когда мы все уселись, он, изучающе глядя на меня, спросил:

– Так Вы – крестник Джеффри? Тогда странно, что мы не были знакомы.

И, улыбнувшись, добавил:

– Или Вы – ещё больший не любитель светских вечеров, чем Ваш крёстный?

– Боюсь, что так. Спасибо, что согласились встретиться с нами.

– О, совершенно не за что. Джеффри теперь мой должник, – и снова улыбка, –

А он очень не любит долги и потому охотно их отдаёт. Я понимаю, вы хотели поговорить об Этьене де Сен-Клере, – добавил он уже серьёзно и тихим голосом.

Я кивнул, стараясь скрыть волнение.

– Что ж. На самом деле, мне не так много о нём известно, и отнюдь не тайные факты. Я вырос в тех же краях, откуда родом Этьен. Но мы не были знакомы. И впервые я услышал о нём, когда его похитили – как потом оказалось, бывший ухажёр его матери. Говорили, что она вышла за его отца, маркиза де Сен-Клера, из-за титула; а тот, в свою очередь, женился из-

за денег её отца. И брак не был особо счастливым. Похищение наследника, как ни странно, совсем не сблизило семью. Тем более, что похитили мальчика не из-за денег, не ради выкупа: похититель – не помню, как его зовут – хотел свести счёты со своей бывшей невестой. Говорили даже, что когда Этьена нашли, спустя неделю, маркиз сделал тест на отцовство. И, к счастью, отцом мальчика был именно он. Но, всё равно, не повезло парню с родней.

Мы учились в одном колледже – но в разных группах и на разных факультетах. Этьен и тут умудрился стать печально известным. Его не любили. Не потому, что он был очень богат – бедных среди учащихся и не было. И не потому, что некрасив или не так одевался – нет, он был привлекателен внешне: белокурый, голубоглазый, высокий; и вкуса не лишён. Но было в нём что-то, что отталкивало людей. Этот непроницаемо холодный взгляд. Как у рептилии. Совершенно не понятно, что он думает о тебе и думает ли вообще. По видимости, думал – так как учился он хорошо. Что не прибавляло ему популярности. Этьен часто служил объектом для нападок и насмешек.

Однажды после занятий я вышел во двор кампуса, и моё внимание привлёк шум голосов: неподалёку о чём-то спорила группа студентов. Вернее, двое молодых людей выясняли между собой отношения. Одним из них был Крейг Дженнингс – крепкий и нахальный парень, а вторым, как нетрудно догадаться, Этьен. Похоже, Крейг толкнул Этьена, и тот упал, рассыпав вещи из сумки и вызвав новую волну насмешек. Но Этьен не торопился вставать – так и сидел на земле, молча сверля обидчика взглядом. И было что-то в этом взгляде, что заставило всех смолкнуть: что-то пугающее, пробирающее холодом до костей. Крейг стоял, словно загипнотизированный. Потом, пошатнувшись, подошёл к кирпичной стене кампуса и стал биться об неё головой. С такой силой, что разбил её до крови. Его пытались оттащить, но он вырывался; и далеко не с первой попытки удалось отвести его в лазарет. Под совершенно демоническим смехом Этьена. Надо ли говорить, что толпа быстро рассосалась. А Этьен просто поднялся, отряхнулся и пошёл, как ни в чём не бывало. И конечно, с тех пор его никто не трогал.

Чарльз замолчал, задумчиво вертя в руках бокал – словно всё ещё под впечатлением от увиденного тогда.

– И больше Вы о нём ничего не слышали?

– Только то, что он с отличием закончил колледж и вернулся домой. Через год или два его родители погибли в автокатастрофе, и Этьен унаследовал имение и огромное состояние. Где он и чем сейчас занимается, я не знаю. И ни разу не слышал, чтобы о нём говорили. До тех пор, пока Джеффри не спросил меня вчера, – Чарльз улыбнулся, – Надеюсь, я хоть чем-то вам помог.

– Да, конечно, очень помогли, – я видел, что ему хочется знать, почему и зачем мы расспрашивали об Этьене, но учтивость не позволяет ему спросить прямо. А я не стал рисковать, посвящая его в детали. Мы поблагодарили его ещё раз и распрощались.

Всё это время Жасмин задумчиво молчала. И лишь когда мы сели в машину, произнесла:

– Мы были правы: его похищали. И, похоже, жизнь у него была не сахарная.

Ну вот, она уже оправдывает его.

– У всех бывают трудности, но не каждый становится садистом и убийцей.

– Я просто пытаюсь понять, что им движет.

– Ты жалеешь его. Хотя совершенно не за что, – я старался говорить спокойно.

– Не сердись, – примиряюще сказала Жасмин, – Наверное, это потому, что я – женщина.

А женщины склонны проявлять жалость больше, чем мужчины.

– Меня ты тоже «просто» пожалела? – я с горечью смотрел на неё.

Несколько мгновений она молчала.

– Тебя незачем жалеть. Ты сильный. Только сам не знаешь, насколько. А вот у Этьена, как мне кажется, есть слабое место.

– И какое же?

– Любовь.

– Моё тоже, – тихо сказал я.

– Да, но его слабость – в её отсутствии. Тогда как рядом с тобой были и есть люди, которые любят тебя, и которых любишь ты. В его жизни этого нет. Так что, ты в большом преимуществе, – она, улыбаясь, смотрела на меня.

А мне очень хотелось спросить, считает ли она себя одной из этих людей.

Немного смущённо Жасмин отвела глаза и спросила:

– Если у нас нет других планов до вечера, может, подбросишь меня домой? Проведаю маму и возьму кое-что из вещей.

– Да, конечно.

Тем более что планов действительно не было.

Когда мы подъехали к дому, Жасмин неловко произнесла:

– Извини, не приглашаю тебя сейчас. Потом – обязательно.

– Тебе не за что извиняться. Всё в порядке. Когда за тобой заехать?

Она задумалась:

– Если я не нужна тебе до вечера... давай, я сама приеду на ту квартиру. Хочу дожидаться, когда мама придёт с работы. Не знаю точно, сколько понадобится времени. И чтобы ты не ждал напрасно.

– Ничего, я бы и подождал, – я улыбнулся, – Но хорошо. Давай так.

– А ты сейчас... поедешь туда?

– Наверное. Может быть, немного поболтаюсь по городу.

– Звони, если что, – Жасмин обеспокоенно смотрела на меня.

– Ты тоже, – я улыбнулся, желая показать, что всё в порядке.

Она наклонилась ко мне, чмокнула в щёку и вылезла из машины.

Это был почти сестринский поцелуй, но от того не менее тёплый для меня. И на мгновение я почувствовал, что действительно сильнее Этьена. Я много чего почувствовал.

Мне очень захотелось увидеть кого-то ещё из моих близких. Джеффри предполагал, что за ним могут следить и не стоит нам встречаться. Возможно, он прав. К его имению трудно подъехать незамеченным. Но вот к монастырю... Даже если Этьен наблюдает за ним, то, скорее всего, за главным входом. Он просто не может знать обо всех чёрных ходах и калитках, о которых знаю я. А значит, я смогу пройти, не привлекая внимания. И поговорить с Оливером.

Я оставил машину в нескольких кварталах от монастыря и, оглядываясь по сторонам, подобрался к одной из малых башенок с калиткой. К счастью, она была открыта. Изнутри за ней присматривал брат Томас. Поздоровавшись и узнав, как он поживает, я сказал, что пришёл к отцу Оливеру.

– Кажется, он должен быть у себя, – добродушно сказал Томас.

Я кивнул и отправился в келью Оливера. За исключением входных ворот, ни одна дверь в монастыре не запиралась. И всё же я постучался. Но не дождался ответа. Тогда я медленно открыл дверь и вошёл. И никого не увидел. В келье настоятеля было две маленькие комнатки: первая служила кабинетом, а вторая – спальней. И именно в ней я услышал какой-то шорох. Сделав пару шагов, я осторожно заглянул туда.

Оливер молился, стоя на коленях. В этом не было бы ничего необычного, если бы не выражение его лица, которое я никогда раньше у него не видел: смятенного, почти стра-

дающего человека. Я хотел тихонько уйти, но боялся быть замеченным. В конце концов, я сделал шаг назад, другой – и задел так некстати подвернувшийся стул. Через мгновение Оливер показался из спальни.

– Извини... Я... не хотел мешать, – я готов был провалиться под землю.

Оливер улыбнулся:

– Ничего. Ты же знаешь, ты не можешь помешать мне, Виктор.

Если у них с Джеффри и было что-то общее, то это умение владеть собой.

Через минуту мы уже сидели рядом, на двух древних жёстких стульях, которые Оливер каждый раз чинил самолично; и я рассказывал ему обо всём, что произошло со мной с момента нашей последней встречи. И как-то невольно – о том, что меня беспокоило.

– Во сне Этьен привёл меня в келью и, сначала притворившись тобой, сказал, что мне нужно было остаться в монастыре и стать монахом. И я подумал... может, так оно и есть...

Оливер мягко смотрел на меня:

– Но ведь ты хотел жить в миру. И мне кажется, ты принял правильное решение.

Честно говоря, я ожидал несколько иных слов: что Оливер был бы рад, если бы я остался с ним и нашел свое призвание здесь.

– Почему ты ушёл из монастыря?

– Я хотел... увидеть жизнь за пределами этих стен. Возможно, иметь семью. Конечно, вы с Джеффри – моя семья. Но я хотел... – почему-то я смутился и отвёл глаза.

– Узнать любовь женщины.

Я взглянул на Оливера: он понимающе улыбнулся.

– Это же самая естественная вещь на свете.

– Да, но ты...

– Я принял сан, а вместе с ним и обет.

– А... до этого?

– Личная жизнь не очень складывалась, – его улыбка стала немного грустной.

– И потому ты...

– Нет. Конечно, нет. На то было несколько причин. Отсутствие денег на образование – мне хотелось учиться, а в семинарии обучали бесплатно. Конечно, я мог бы пойти работать и копить на учёбу, но... Я не был уверен, что поступлю куда-то ещё. То, что я прилично окончил школу, было заслугой Джеффри – он занимался со мной. Другой причиной, возможно, более важной, было то, что я искал себя. И Бога. Я подумал, что на этом поприще смогу принести пользу не только себе, но и людям. А третья причина – моя гордость и вспыльчивый характер, которые я хотел смирить. Пока не натворил бед.

– А ты мог натворить бед?

– Да. Например, избить отца – за то, что он бил мать. И это было ещё одной причиной уйти от мира и обуздать свой гнев. Я боялся стать таким, как он.

Я надеялся, что не слишком удивлённо смотрел на него. Оливер – самый спокойный и уравновешенный человек из тех, кого я знаю – вспыльчивый и гордый? Получается, что я не знаю его совсем. Мы почти никогда не говорили с ним так, как сейчас. И, думаю, это по моей вине. Я был эгоистом, замечающим только свои беды и проблемы. Я считал себя одиноким, но не сделал ничего для того, чтобы разбить своё одиночество и одиночество близких мне людей. Надеюсь, ещё не поздно это исправить.

– И ты нашёл себя? И Бога?

Оливер улыбнулся и пожал плечами:

– Более или менее. Мне кажется, я не самый плохой пастырь. Я надеюсь, – он рассмеялся, – но что-то мы больше обо мне говорим.

– Да потому что все предыдущие годы говорили только обо мне, – виновато пробурчал я, опустив глаза.

– Виктор, ты был ребёнком, – мягко произнёс Оливер, – взрослые не обсуждают с детьми свои проблемы, и это нормально. Да и я не из тех, кто легко раскрывает душу. Даже близким, – он несколько смущённо смотрел на меня.

– И всё же, нам стоило бы почаще говорить о том, что беспокоит. Я бы постарался понять – не таким уж ребёнком я был. И... ещё у тебя есть Джеффри – он-то уж точно взрослый.

Оливер хмыкнул и скрестил руки на груди:

– Что-то непохоже.

Я осторожно спросил:

– Почему?

– Потому что он из тех, кто проблемы создаёт, а не решает. Особенно на свою... голову.

Да, сегодня Оливер был совсем не таким, каким я его привык видеть. Но зато казался мне более живым и настоящим.

– Да ладно, я знаю, что ты любишь его.

Оливер взглянул на меня и несколько мгновений молчал. А потом усмехнулся:

– Да. Только ему не говори. Он и так абсолютно уверен в своём неотразимом обаянии.

– Но оно, и правда, работает. Взять хотя бы его знакомого, который рассказал нам об Этьене. А ещё... Джеффри, вроде бы, встретил человека, который создаёт сны на заказ... и попытается узнать что-то ещё, – какое-то неприятное чувство кольнуло меня.

– Знаешь... Я опасаюсь за него. Кажется, он затеял собственное расследование, – я достал из кармана телефон и набрал номер Джеффри. Оливер обеспокоенно смотрел на меня.

«Да, Виктор?»

– Ты... в порядке?

Джеффри рассмеялся:

«Почему я должен быть не в порядке? Всё хорошо. Но пока новостей у меня нет. А как старина Чарльз, рассказал вам что-нибудь полезное?»

– Да, – я вкратце изложил ему историю Этьена, – Спасибо, что устроил нам эту встречу.

«О, совершенно не за что, друг мой. Я делаю всё, что могу. Позвоню тебе, как только узнаю что-то ещё. Береги себя. И передавай привет чудесной девушке Жасмин».

– И ты, пожалуйста, будь осторожен.

– Скажи, что если он не будет – я сам убью его, – добавил серьёзно Оливер.

Я передал Джеффри его слова и в ответ получил новую порцию смеха:

«Так ты сейчас с ним? Завидую тебе. Но конечно, раз Оливер сказал, то слушаюсь и повинуюсь. До встречи, Виктор. Надеюсь, до скорой».

Вздыхнув, я взглянул на Оливера:

– Конечно, он сделает всё по-своему.

– Не беспокойся. Я поговорю с ним.

– Ты думаешь, он послушается?

Оливер печально улыбнулся:

– Если не меня, то никого другого.

Я был рад, что поговорил с Оливером – у меня стало легче на душе. Но, всё же, мне было тревожно за Джеффри; и я решил, что если ничего не изменится, то завтра встречусь с ним.

Я вернулся в нашу с Жасмин квартиру. Ну да, сейчас она и была нашей – моей и её. Пусть я был всего лишь жильцом. За окном темнело. А это значило, что скоро я снова столкнусь с Этьеном. Во всяком случае, я на это надеялся. И был готов. Теперь я вполне представ-

лял, с кем имею дело и на что он способен. Но это пугало меня меньше, чем неизвестность. Я знал, что в этот раз не сбегу. Во что бы то ни стало.

Замок во входной двери повернулся, и я невольно вздрогнул. Но конечно, то была всего лишь Жасмин. «Всего лишь» – в том смысле, что не тот, кого нужно опасаться. Я был очень рад её видеть.

– Как дела? Как мама?

Она пожала плечами:

– Всё как обычно.

– Ты рассказала ей что-нибудь? С кем ты и чем занимаешься?

– Нет, конечно. Зачем ей лишние тревоги? У меня была идея рассказать ей, что я встречаюсь с тобой – на случай, если ты всё-таки маньяк, – она улыбнулась, – но тогда было бы много лишних расспросов: она бы подумала, что ты – мой парень или что-то вроде.

– А я, конечно, даже не что-то вроде, – я театрально вздохнул, пытаясь скрыть то, что меня очень интересует этот вопрос.

– М-м... А ты хотел бы? – Жасмин задорно улыбнулась.

– А если я скажу «да»? – я продолжил эту игру, надеясь, что выгляжу убедительно.

Жасмин подошла ко мне вплотную и, глядя в моё лицо снизу вверх, хитро сказала:

– А ты попробуй.

Сам себя загнав в угол, я смутился: запутавшись, где игра, а где – нет. Или от близости Жасмин.

Она, смягчившись, вздохнула:

– Ладно, не мучайся. Я знаю, что у тебя проблема со словами, – она отступила назад, – Вернее, с тем, чтобы выражать ими чувства.

– Может быть, ты научишь меня? – спросил я, всё ещё смущаясь.

Она улыбнулась:

– Я и сама – не большой мастер. Но если хочешь, могу попытаться.

И уже серьёзно добавила:

– Хотя лучше я приму тебя таким, какой ты есть. Тем более, для меня это не большой недостаток.

– Да, я хочу, чтобы ты была моей девушкой, и чтобы мы встречались, – выпалил я, немного неожиданно и для себя самого. Но я чувствовал, что должен сказать это сейчас.

Почему так трудно признаться другому человеку даже в том, что он и так знает? Потому что одно дело догадки, мысли и намерения, и другое – их открытое объявление.

Несколько мгновений Жасмин молча смотрела на меня. Она явно не ожидала, что я всё же произнесу это, и именно в этот момент. Она снова приблизилась ко мне, обвила мою шею руками и поцеловала. Через секунду я тоже целовал её, тихонько скользя руками по её спине и длинным шёлковым волосам. Она казалась мне такой хрупкой, что я боялся обнять её крепко. И я всё ещё не решался.

Жасмин чуть отстранилась и смущённо взглянула на меня, а потом и вовсе выскользнула из моих объятий, отступив на шаг. Как будто она сама немного испугалась нашего внезапного порыва.

Что ж, на большее я и не рассчитывал.

Жасмин шагнула ближе и взглянула на меня чуть исподлобья:

– Ты... Тебе надо быть увереннее в себе, – сказала она немного сердито, – Ты вообще-то симпатичный, ты знаешь об этом? И... лучше многих.

– Вообще-то, комплименты положено женщинам делать, – я улыбнулся, смущаясь не то от её слов, не то от собственной неуклюжести.

– Хм. Ну, поскольку я их от тебя не дождалась, то решила взять всё в свои руки, – Жасмин ещё пыталась сердиться, но я видел, что она сдерживает улыбку.

– Что ты делал всё это время? – она уселась на диван и взглянула на меня.

– Навестил Оливера. Чему очень рад, – а ещё тому, что разговор сменил направление, – Потому что мы наконец-то поговорили не как ученик с наставником, а как взрослые близкие люди. Хм, и я, наверное, узнал о нём больше, чем за все предыдущие годы.

– Рада за вас. Думаю, вы оба в этом нуждались.

Я кивнул:

– Знаешь... я думаю, это твоё влияние. Ты всё время тормозишь меня. Ты разбудила во мне что-то. Вытащила меня из раковины. Оливеру этого не удавалось сделать – потому что он сам такой же как я. Да и Джефффри тоже. Ведь его шарм и позёрство – всего лишь маска.

Она кивнула:

– Да, я знаю.

Я улыбнулся:

– Я до сих пор до конца не привык, что тебе не нужно ничего объяснять.

Жасмин набрала воздуха и выдохнула:

– Нет уж, объясняй. Говори со мной, Виктор. Мне это нужно. Да и тебе тоже. Я хочу слышать твой голос, – она смотрела на меня снизу вверх: маленькая, немного сердитая, но при этом очень нежная.

– Да. С тобой мне хочется говорить, – я переступил через свои глупые страхи и обнял её, крепко, но бережно, стараясь передать ей всё то тепло, что было во мне. Которое рождалось благодаря ей. И я хотел его вернуть.

Несколько мгновений мы так и стояли, молча, замерев. Потом Жасмин, не размыкая объятий, сказала:

– Наверное, уже пора.

Я чуть отстранился и посмотрел на неё, встретив взгляд уже столь дорогих зелёно-карих глаз.

– Пора отправляться в сон.

Да, пора. Пора сделать следующий шаг.

Я оказался в толпе. Плотной колышущейся зыбью она обволакивала меня, постепенно подталкивая куда-то. Жасмин рядом не было. Я попытался оглядеться, но всё, что я видел вокруг, было море людей, наполнявшее большой продолговатый зал. Метро. Да, это похоже на вестибюль метрополитена с платформами по бокам, и толпа, колыхаясь, несла меня к одной из них. Эти люди вокруг... я присмотрелся к ним – не все из них были лишь образами. А это значило, что кто-то притащил в один сон и удерживает несколько десятков, а быть может, и сотен людей. И этот кто-то – мой брат. Его возможности явно превосходили мои.

Я крикнул:

– Жасмин! – в надежде, что она отзовется. Но если так и было, я не услышал её голос в гудении толпы. Но зачем столько людей? Несмотря на свой образ жизни отшельника, я не боялся быть в толчее. Не боялся метро и поездов. Жасмин. Жасмин боится толпы. Вот почему. Но... как он узнал?

– Жасмин!!! – я подпрыгивал, пытаюсь смотреть поверх голов. Но Жасмин с её ростом легко не заметишь и рядом. Нет, Виктор, ты всё делаешь не так. Это же сон. Постарайся почувствовать её. Попробуй разогнать толпу.

Толчея усилилась. Меня пихали и толкали, и влекли куда-то. Невозможно сдержать натиск, зацепиться за что-то. Я был словно щепка в водовороте. И в какой-то момент не почувствовал опоры под ногами. Я куда-то падал. Но падал недолго – я оказался стоящим на путях метropоезда. Толпа колыхалась плотной стеной у самого края перрона, лишая возможности взобраться на него – меня отпихивали обратно, наступая на пальцы. Я огляделся:

вместе со мной на пути свалились ещё несколько человек. И некоторые из них были настоящими людьми, не проекциями. А значит, реальность кошмара могла нанести им вред. Стараясь, чтобы голос звучал как можно более властно, я заорал:

– Отойдите от края!

Толпа чуть отодвинулась, и я принялся выталкивать вверх на платформу тех, кто был рядом со мной. Краем глаза я уловил свет в туннеле. Последней я подсадил женщину, и уже готовился, что железная махина поезда выбросит меня из сна, или же погрузит в дальнейший кошмар, когда чья-то рука с силой дёрнула меня на перрон и сквозь толпу увлекла в маленькую нишу в стене. Где я, наконец, смог разглядеть своего спасителя – то был Анри. Несколько мгновений мы, молча, смотрели друг на друга. А потом обнялись.

– Как ты? Где ты? – я чуть отстранился и взглянул на него.

Он выдохнул:

– Так, ничего. Терпимо. Не знаю, где я – окна закрыты ставнями. Но это похоже на обычную квартиру. Виктор, я... я не хочу причинить тебе вреда. Ни тебе, ни этой девушке.

– Жасмин... Ты знаешь, где она? Что с ней?!

– Она в безопасности. Он хотел поговорить с ней.

– Что?! – я выскочил из ниши на платформу, – ЖАСМИН!!!

Да чтоб вы все исчезли!!!

Эхо прокатилось по опустевшему залу. Я выбежал на середину и огляделся: в другом конце вестибюля стоял Этьен. И рядом с ним – Жасмин. Нет, я не позволю ему даже прикасаться к ней. Я вскинул руку вперёд, и в то же время в ней оказался пистолет. Выстрел. Я чувствовал пулю, её стремительное движение к цели, и как на миг что-то вязкое пыталось удержать её – но не смогло. И в то мгновение, когда она должна была войти в голову Этьена, он исчез. И вместе с ним – всё вокруг.

Я открыл глаза. Моя рука нащупала рядом руку Жасмин.

– Я в порядке, – услышал я её голос, – А вот Этьен сбежал.

Я взглянул на неё: она улыбалась.

– Знаешь, я бы выпила чашечку чая. Думаю, мы заслужили. Особенно ты, – Жасмин встала и направилась на кухню.

И я – следом за ней. Пока она ставила чайник и насыпала заварку, я уселся за стол, всё ещё находясь во власти сна:

– Он знал, что ты боишься толпы. Он... Что он сказал тебе? – я произнёс это резче, чем хотелось бы.

Жасмин обернулась и какое-то время молча смотрела на меня:

– Пытался убедить, что с ним мне будет лучше, чем с тобой, – она усмехнулась.

– И... это ему удалось? – я напряжённо ждал ответа.

Она фыркнула:

– Виктор... Если бы я уже не знала тебя достаточно хорошо, и что ты чувствуешь – я бы обиделась.

– Да, прости, – я облегчённо вздохнул, – Но как он узнал о твоих способностях? И страхах?

– Он не стал объяснять. Видимо, чтобы сохранить ореол таинственности. Но он выдернул меня из толпы за руку, и продолжал держать, зная, на что я способна. Не понимаю, зачем, – она покачала головой, – Вернее, понимаю. Но всё ли так просто? Или это очередная его игра?

– Хотел, чтобы ты прочла его чувства?

Жасмин кивнула:

– Похоже на то.

– И что же он чувствует?

– Любовь к Анри. Усталость. Одиночество.

Я фыркнул:

– А не мог он вызвать в себе эти чувства, зная, что ты их прочтёшь?

– Мог. Но... я бы почувствовала и это. Наверное.

– Хороша ж его любовь к Анри, если он держит его на привязи и использует.

Жасмин покачала головой:

– Он не умеет любить иначе. Он чудовище. Но мне всё ещё жаль его.

– Да вот поэтому он и хотел, чтобы ты почувствовала – хотел, чтобы ты его пожалела, – сказал я с горечью.

– Знаешь, – Жасмин печально смотрела на меня, – некоторые нуждаются и в жалости. Чтобы их хотя бы пожалели, если не полюбили, – но понимая, что я чувствую, добавила:

– Я не оправдываю его, Виктор. Ни того, что он сделал; ни того, что делает сейчас.

И я не простила его.

Я кивнул:

– Я верю тебе. Просто... – на мгновение я отвёл взгляд, – слишком боюсь потерять тебя.

– Ты не потеряешь, обещаю, – она смотрела на меня так... тепло и нежно.

Мне хотелось большего. И уже было всё равно, что она знает, чего я хочу. Я смотрел на Жасмин, совершенно не скрывая, о чём я думаю и что чувствую. Она подошла и села ко мне на колени. И поцеловала, скрыв от меня весь мир за каскадом своих волос. И... дальше я уже плохо что-либо понимал. Лишь как-то уловив её слова о том, что вряд ли Этьен так быстро вернётся в сон, и у нас есть время... я кивнул, подхватил её на руки и отнёс на кровать.

VIII. Этьен

Хочешь выиграть – бей больнее

Назначив встречу Ланкастеру, я позволил себе расслабиться. Счёт был в мою пользу, и пока малыш Виктор пытается побороть свои страхи и сомнения, я могу спокойно всё обдумать и действовать неспешно. Главный вопрос сейчас: что за девица была с ним? Анри её не знал – значит, она не родственница и не подруга детства. Подружка-невеста? Хм. Но тогда Виктор упомянул бы её в разговоре с Анри. Да и зачем тащить подружку с собой на поиски брата? Она была бы обузой. Случайно? Нет, похоже, что она действовала осознанно и общалась с ним.

Кто она? Зачем проникла в сон? Она знала, кто я, и не боялась. Я не помню, чтобы мы когда-либо встречались. А у меня хорошая память на людей. Значит... она слышала обо мне. И зачем-то помогает Виктору. Или ей нужно было увидеть меня. Должна быть причина, должна. Зачем Виктор пытается противостоять мне – я разрушил его семью и похитил брата. Что если у неё схожий мотив? Но я больше никого не похищал, и не... убивал... Артур Гримвуд, он умер во сне. Я тогда ещё плохо контролировал наши с Анри совместные возможности, и кто ж знал, что у Гримвуда слабое сердце? Я хотел, чтобы он работал на меня, как и Поль Легран. Ещё одна ошибка молодости.

Гримвуд обладал сверхчувствительностью – границы его психического поля были столь тонки, что в него проникали эмоциональные образы других людей; но по той же причине их психополя были проницаемы для его собственных чувств. Что если у него была дочь? И, как Виктор и Анри, она унаследовала способности своего отца? Но как она узнала, что я причастен к его гибели? И как встретила с Виктором? Гримвуда, Леграна и меня связывали только исследования Эшби. Чёртов полоумный старик. Так и знал, что недостаточно подчистить ему память – нужно было уничтожить его. Конечно, только так девчонка Гримвуда и Виктор могли найти друг друга. Ладно, нет худа без добра – может быть, они заменят мне своих родителей. Нужно разыскать семью Артура Гримвуда. У меня будет время до встречи с Ланкастером. Но всё это завтра. А сейчас я могу позволить себе выспаться. Даже если Виктор решится на новое вторжение, Анри легко остановит его.

Как я и ожидал, ночь прошла спокойно. Оставив Кэссиди присматривать за Анри, я отправился разыскивать семью Артура Гримвуда. Я помнил его прежний адрес, но, добравшись туда, узнал, что жена его и дочь Жасмин – бинго! – переехали на новое место. И, конечно, соседка была так «любезна», что назвала мне их адрес. Конечно, она никому не скажет, что я приходил.

Что ж, теперь хорошо бы устроить последнюю проверку и убедиться, что Жасмин Гримвуд и есть та девчонка, что была с Виктором во сне. Но идти и стучаться в дверь мне не хотелось – если мы столкнёмся с ней лоб в лоб, она тоже узнает меня. И тогда я не смогу просто наблюдать за ней и, возможно, узнать, где прячется Виктор – я сомневался, что он укрылся у крёстного в имении или в монастыре. Лучше послать Кэссиди следить за квартирой, где жила Жасмин с матерью, и сделать фотографии.

Вернувшись в своё убежище, я дал Джону адрес, описал ему Жасмин – такой, как я запомнил её – и сказал, что если похожая девушка появится возле дома – сфотографировать её; и наблюдать за тем, кто входит и выходит из квартиры. Причём сделать это незаметно, а не как в прошлый раз. И он должен вернуться к пяти часам вечера, так как в шесть у меня была встреча с Ланкастером. Отдав ему ключи от машины, я решил проверить, как там Анри.

Казалось, он спал. Интересно, не говорит ли он сейчас с Виктором? Я всматривался в его лицо. Нет, вряд ли Виктор станет днём пытаться найти Анри во снах – точное время неизвестно, а спать весь день – как минимум неудобно. Во всяком случае, лицо Анри было спокойно. И я мог любоваться его тонкими чертами, длинными ресницами, изящным изгибом губ. Он похож на творение художника-романтика – слишком красив для мужчины. Но и женственной его красота не была. Вот потому он казался ангелом-демоном – слишком утончённо красив, чтобы быть человеком. Хотя, возможно, лишь в моих глазах. Но что мне до мнения других.

– Я – твоё слабое место, – его голос звучал мягко, почти нежно. Ресницы дрогнули, и Анри открыл глаза. Он смотрел на меня, и во взгляде его не было ненависти.

– Да, но это мне не мешает.

– Ты не боишься меня потерять? Что я для тебя, Этьен? Просто игрушка? Рабочий инструмент? – теперь голос его звенел, и я чувствовал, как в нём растёт напряжение.

– Ты... ты знаешь, что нечто большее.

– Тогда отпусти меня.

– Если я отпущу... ты уйдёшь? – я едва сдерживал дрожь в голосе.

Казалось, он на миг задумался:

– Да.

– Значит, я не могу сделать этого.

А что ещё я мог сказать?!

Анри выдохнул:

– Значит, ты не любишь. Ты всего лишь собственник!

Я взглянул на него: в его глазах были злость и отчаяние. И мне это совсем не доставляло удовольствия.

– Как я буду без тебя?! Ты бы подумал! – слова вырвались прежде, чем я успел их остановить. Я чувствовал себя слабым и уязвимым, и это разозлило меня:

– Я никому тебя не отдам!!! – я вылетел из его комнаты, хлопнув дверью.

Как я позволил себе так влипнуть?! В какой момент я допустил в себе привязанность к нему? Я и сам был ещё молод, когда Анри появился в моей жизни. Я обучал и воспитывал его. Во всём мире у меня не было никого, кроме него и Кэссиди. Но последнего я презирал и ненавидел. Я много кого ненавидел в этом мире. Но к Анри, этому мальчику, который на моих глазах стал взрослым, я не мог испытывать ненависть. Мне не за что было его не любить. Он же считал меня своим опекуном, и постепенно я вошёл в роль. Я привязался к нему. Как и он ко мне. На какое-то время я почти забыл, что этот иллюзорный мир создан мной. А потом к нему вернулась память. И он сбежал. И теперь его братец хочет забрать его у меня. Не выйдет. Потому что забрать у меня Анри – значит забрать мою душу. Которая так некстати появилась.

Чтобы успокоиться, нужно заняться делом. Я вспомнил, что хотел выяснить кое-что про сны Ланкастера. Включив ноутбук, я набрал в поисковике: «Джеффри Ланкастер Оливер Брэдшоу».

Информации было немного. Но и одной статьи мне хватило:

Трагический случай на фабрике

Рабочий Томас Эллиот (20 лет) погиб в результате падения с лестницы в производственном помещении. Сын владельца фабрики, сэра Эдварда Ланкастера – Джеффри Ланкастер – утверждает, что была драка между рабочими и Эллиота столкнули. Но объективно ли его мнение? По нашей информации, Ланкастер-младший имел с погибшим рабочим интимные отношения. Это опровергает его школьный друг, выпускник семинарии Оливер

Брэдшоу, заявляя, что у Джеффри Ланкастера не было близких отношений с Эллиотом и всё это время Ланкастер-младший проводил с ним.

Да, эти двое стоят друг друга. С такими скелетами в шкафу, мой дорогой Джеффри, тебя легко не только поймать на крючок, но и закопать совсем. И сомневаюсь, что твой любимый Оливер и в этот раз поможет тебе. Впрочем, пока вы оба интересуете меня лишь как близкие Виктора. Будете вести себя благоразумно – я вас не трону. Но что-то мне подсказывает, что с благоразумием вы не в ладу.

Через несколько часов вернулся Кэссиди и показал мне фотографию. Да, это была она – Жасмин Гримвуд, девушка из сна. И я держал её за руку. Интересно, во снах её способности действуют так же, как и наяву? Нужно будет это проверить. А сейчас пора на встречу с Джеффри Ланкастером.

Кафе было заполнено людьми. На это я и рассчитывал: в пустом зале каждый посетитель заметен, а мне нужно было раствориться в толпе – и до, и после разговора. Да и во время нашей беседы не привлекать внимания. Потому я выбрал недорогое, но стильное кафе – чтобы я и Ланкастер не так бросались в глаза.

Он ждал меня за столиком с элегантно скучающим видом. Я узнал его – несмотря на то, что на носу его красовались очки-хамелеоны – и улыбнулся про себя: он явно прятал глаза. О, Джеффри, ты забываешь, что голос часто оказывает более сильное действие, чем взгляд.

– Мсье Ланкастер? Меня зовут Этьен, и это я звонил Вам вчера.

Он кивнул, едва взглянув на меня:

– Пожалуйста, присаживайтесь. Рад нашему знакомству.

Так уж и рад? Несмотря на то, что он старался быть естественным, я чувствовал в нём некоторое напряжение. Он, конечно, знает, с кем имеет дело. Что ж, посмотрим, Джеффри, что за игру ты ведёшь.

– Вы хотели бы реализовать свои самые сокровенные желания? – произнёс я тихо и мягко.

– Хм. Сначала мне хотелось бы узнать, что вы можете предложить, – его голос звучал деликатно-заинтересованно.

– Всё, что может удовлетворить ваш изысканный вкус, – я добавил в свой тембр низких частот, и поймал его взгляд через очки, но лишь на миг, – Неужели мне нельзя увидеть ваши глаза? Это способствует установлению контакта, который так необходим в нашем деле, – я выдал самую очаровательную улыбку, какую только мог. А потом наклонился к нему поближе:

– Или Вы чего-то боитесь? Меня, быть может?

– У меня нет причин вас бояться, – произнёс он уверенно и с улыбкой, и снял очки – но на меня взглянул лишь мельком. М-м, достойный противник.

– У вас красивые глаза, – и это было правдой. Даже я невольно любовался им. Нет, он совсем не так красив, как мой Анри; но было в нём то, что зовётся шармом и обаянием. Какие-то тонкие флюиды притягивали взгляд к его фигуре, рукам, аристократическим чертам лица. С него только картины писать о жизни богемы. Он абсолютно очарователен в своём лицемерии.

Ланкастер улыбнулся:

– Спасибо за комплимент. Но я хотел бы узнать подробнее, как всё будет происходить? Если я соглашусь.

– Очень просто. Вы расскажете мне о своих желаниях, или изложите их любым другим способом – если трудно произнести вслух – и я реализую их в виде сновидения. Очень реалистичного и детального. Вы не разочаруетесь, поверьте мне.

– А возможна сначала... некоторая демонстрация?

– Для Вас – всё, что угодно, мсье Ланкастер, – я накрыл его ладонь своей. Он не отдернул руку – сделал вид, что не придавал этому значения.

Я встал из-за стола:

– Думаю, сегодня вечером. До скорого свидания, Джеффри.

Конечно, я заметил двоих, сидевших неподалёку и как бы невзначай наблюдавших за нами. Когда я вышел, они проследовали за мной. Ай-яй, Джеффри, ты мог бы нанять более умелых детективов. Я запудрил им мозги и отпустил блуждать по городу – пусть Ланкастер думает, что они всё ещё следят за мной и я знать ничего не знаю. Но его инициативы начали несколько утомлять меня. Нужно разобраться с ним, чтобы не путался под ногами и не отвлекал меня от основных целей.

Гораздо больше меня занимала таинственная девушка по имени Жасмин. Насколько она привязана к Виктору? Какие у них отношения? И, конечно, особенности её таланта: что она знает о нём сама, что умеет, что может? Всё это надо выяснить незамедлительно. Дело усложнялось тем, что узнать я мог только у неё самой. Или у Виктора. Конечно, было бы время – я бы попытался найти других её знакомых: тех, с кем она общалась раньше. Но боюсь, времени у меня нет. Правда, одну её особенность я знал почти наверняка: она должна очень неуютно чувствовать себя в толпе, когда на неё обрушиваются эмоции стольких людей сразу.

Вернувшись домой, я вошёл в комнату Анри и уселся перед ним, молча сверля взглядом. Долго он не выдержал:

– Что ты хочешь?

– Мне нужно, чтобы ты собрал в одном сновидении как можно больше людей. Именно живых людей, а не образы, – я внимательно смотрел на него.

– Это трудно, ты знаешь, – Анри чуть нахмурился.

– Знаю. Но уверен, что ты сможешь. Если захочешь и постарайся. Я в тебя верю, – сказал я без тени иронии.

– Зачем тебе это? – он несколько напрягся.

– Хочу создать подходящую обстановку для разговора.

– С кем?

– Неважно. Просто сделай. Пусть это будет вестибюль метро, до отказа набитый толпой. И поезд мне тоже понадобится.

Обречённо вздохнув, Анри кивнул:

– С тобой я чувствую себя повелителем кошмаров, – сказал он мрачно.

Я улыбнулся:

– Ты и есть, мой дорогой Анри, – и, помолчав, не без горечи добавил, – Насколько наша совместная жизнь была бы проще, если бы ты иначе относился ко мне.

Он отвернулся:

– Я не могу, ты же знаешь.

Мне только кажется, или я не услышал уверенности в его голосе?

– Точно? Точно-точно? – сдерживая дрожь, я коснулся пальцами его щеки, – Только подумай: больше никаких страхов, никаких угроз – всё как раньше. Тебе было хорошо со мной, я знаю. Всё можно вернуть.

– А Виктор? – Анри хмурился и по-прежнему не смотрел на меня.

– Боюсь, тут уже не я решаю. Не только я. Ведь он не успокоится, пока не вернёт тебя. Как будто тебе с ним будет лучше. Что он может тебе дать, что не могу дать я?

– Свободу, – теперь он смотрел на меня горящим взглядом, и голос его звенел, – Пойми, выбор человек может сделать, только когда он свободен. А ты не оставляешь мне выбора, Этьен. Тебе нужна любовь раба?

Впервые мне было нечего ему сказать. И ничего не хотелось говорить.

– Ладно, оставим эту философию. Просто сделай то, что я сказал. Когда сделаешь – приведи меня в этот сон. Приступай.

Анри лёг и закрыл глаза. У меня было ещё немного времени, прежде чем он закончит приготовления – в транс полусна я вводил себя достаточно быстро. Я сидел, откинувшись на подушку, рядом со спящим Анри, и думал: зачем мне всё это. Зачем, Этьен? Чего ты хочешь добиться? Что и кому доказать? Ты хотел мести – ты вполне осуществил её. Ты хотел власти над людьми и силы? Что ж, в определённом смысле, всё это есть у тебя. И что? Что дальше? Ты доволен? Счастлив? Единственный человек, которого ты умудрился полюбить, не испытывает к тебе тёплых чувств. Хотя... мне не всегда ясно, что творится в голове Анри и в его душе. Думаю, он сам не всегда это понимает. Знаю лишь одно: это не те чувства, которые хотелось бы мне. Но я не могу отпустить его. Не могу, не могу! Что я буду делать без него? Кем я буду?! За эти годы он стал частью меня. Лишиться его – всё равно, что совершить самоубийство. А я к этому не склонен. Пока, во всяком случае. А значит, я не могу позволить кому-либо забрать Анри у меня. Это просто самооборона.

Я закрыл глаза и погрузился в транс. Через несколько мгновений я уже стоял в забитом людьми вестибюле метро. Но толпа не касалась меня: словно невидимый барьер ограждал пространство радиусом в метр вокруг.

«Анри, твой брат уже здесь?»

«Пока нет».

«Когда они появятся, я хочу, чтобы девчонка оказалась поблизости от меня. А вот Виктора держи подальше. Для его же блага».

Долго ждать не пришлось: в нескольких метрах от себя я увидел Жасмин. Она явно растерялась, никак не ожидая оказаться в плотной толпе и без Виктора. Люди, перемещаясь, толкали и пихали её. Некоторые из них были настоящими и растеряны или испуганы не меньше её. И она принимала в себя все эти эмоции.

Достаточно. Я сделал несколько шагов, поймал её руку и вытащил на свободное пространство рядом с собой.

– Ты ведь Жасмин, да? Жасмин Гримвуд? И обладаешь талантом своего отца.

Про отца, кажется, упоминать не стоило: растерянность на её лице тут же сменилась на злость, а тёмные глаза её хотели прожечь меня насквозь:

– Которого ты убил.

Я пожал плечами:

– Это был несчастный случай.

– Так я тебе и поверила.

– Так проверь – я держу тебя за руку.

– Даже если правда, это мало что меняет, – она отдернула руку, и я отпустил её.

– Твой дар силён. Но ты и наполовину не умеешь им пользоваться. Ты не умеешь закрываться от чужих эмоций. Ты не умеешь проникать в психополе других людей, заставляя их чувствовать то, что ты хочешь. Ты можешь лишь считывать. И, может быть, вытягивать эмоции в себя.

Мои слова возымели должный эффект: она слушала меня, хотя и пытаюсь сделать вид, что это не так. И я знал, что она задумается над этим – если не сейчас, то позже.

– Я помог бы тебе развить дар.

– В обмен на что? – спросила она резко.

– На возможность изучить его вместе с тобой. И да, не буду скрывать – мы могли бы работать вместе, – я не дал ей возразить, – Что связывает тебя с Виктором, кроме общего желания отомстить? Зачем тебе этот неудачник?

Жасмин сощурилась:

– Он не неудачник.

В этот момент толпа исчезла. На другом конце вестибюля стоял Виктор и смотрел на нас. Мне плохо было видно его лицо. Он вскинул руку – и в ней оказался пистолет. Я хмыкнул – дешёвый трюк.

Виктор выстрелил. Но Анри же остановит пулю. Ведь остановит? Я почувствовал, что пространство передо мной уплотнилось. Пуля замедлилась, дёрнулась – и прорвала барьер. Изучать последствия от ранения в голову, пусть даже во сне, мне не хотелось.

«Анри».

Через мгновение я открыл глаза. Что за фокус? Анри не смог остановить пулю? Или не захотел? Я сел на кровати и посмотрел на него – он лежал с закрытыми глазами.

– Проснись.

Он открыл глаза и зло посмотрел на меня:

– А чего ты ожидал?! Ты заставил меня создать сновидение, привести столько людей и удерживать их – мои силы не бесконечны! Я не железный! Даже если ты думаешь иначе.

– Ты хотел, чтобы твой брат уничтожил меня? – спросил я почти равнодушно.

Он фыркнул:

– Не ты ли говорил, что от моих желаний ничего не зависит?

– А вдруг это уже не так. Ты бы убил меня, Анри? – я уже не срывал своей заинтересованности, напряженно ожидая ответа.

Он молча смотрел на меня, а потом отвернулся:

– Нет. Я бы не смог, – а через мгновение взглянул на меня снова и добавил, – А вот за брата своего не ручаюсь.

Я хмыкнул:

– То, что у него получилось сейчас – не значит, что получится в следующий раз. Но с чего он так разозлился? Неужели из-за моего разговора с девчонкой? – я усмехнулся, – Она для него так много значит?

Я заметил, что Анри задумался. И продолжил:

– Похоже, она для него важнее, чем ты. Раз его так задело.

Губы Анри чуть дрогнули, но во всём остальном лицо его осталось спокойным. И всё же я знал, что мои слова попали в цель.

– Что ж, отдыхай пока. А у меня есть другие дела.

– Какие? – спросил он, всё ещё не поднимая глаз, лишь чуть повернув голову.

– Тебя не касающиеся, – довольно холодно ответил я и вышел из комнаты, оставив Анри, как я надеялся, злиться и ревновать. Тебе это полезно, mon cher. Вернее, это полезно мне.

Других дел у меня не было. Я просто хотел всё спокойно обдумать.

Что ж, способности Виктора развиваются – этого я ожидал. Что Анри не всемогущ – для меня тоже не новость. Я не могу знать наверняка, чей талант больше, или же они равны. И преимущество Анри – лишь в его опыте. Надо использовать его, пока оно есть.

Далее, Жасмин. Похоже, и она имеет смутное представление о своих возможностях. До сих пор они приносили ей лишь боль и беспокойство. И что это обоюдоострое оружие, она не знает. Потому Жасмин сейчас не опасна. Да, она может читать мои намерения. Но это, отчасти, мне на руку. Во всяком случае, не особо мешает – я их не скрываю. Насколько

Жасмин связана с Виктором и что они значат друг для друга – пока не ясно. Но какие-то симпатии между ними точно есть. А значит, у Виктора новый союзник. И пора бы уменьшить их число.

Я вернулся в комнату Анри. Он лежал на постели с открытыми глазами, и в свете ночника лицо его показалось мне бледным и уставшим. Нужно дать ему как следует отдохнуть. Но после.

– Анри. Как только твой брат уснёт – приведи его ко мне. А вместе с ним – отца Оливера и Джеффри Ланкастера. Мы с тобой должны остаться «за кадром».

– Я не хочу. Я не хочу больше, – голос его звучал устало и измучено, – я не хочу этого делать, Этьен. Лучше... убей меня. Если бы ты хоть немного меня любил, то не мучил бы так.

– Анри, я... я дам тебе отдохнуть, обещаю. После того, как ты выполнишь эту мою просьбу.

– Просьбу? – у него нашлись силы на ироничное удивление. Может быть, он притворяется?

– Да. Я прошу. И я не собираюсь делать с твоим братом что-то ужасное. Хотя мне всё больше начинает казаться, что он этого заслуживает. Ему нет никакого дела до тебя, Анри. Он просто защищает себя. И свою подружку.

Анри молчал. А потом произнёс:

– Что ж... у меня всё равно нет выбора. Убить себя я не могу.

Даже так? Да ты слишком трус и любишь себя для того, чтобы убить. Я не верил всей этой его патетике.

– Если сделаешь, как я сказал – я сдержу слово и устрою тебе отпуск. А там посмотрим, – я вышел в свою комнату и лёг спать – в ожидании, когда Анри выполнит порученное.

И он сделал всё, как я просил. Джеффри, Оливер и Виктор с Жасмин стояли, в недоумении глядя друг на друга. Прежде, чем они успели заговорить, они услышали мой голос:

– Вы хотели маленькую демонстрацию моих возможностей, мсье Ланкастер. Я выполняю обещанное.

Трое остальных как один взглянули на Джеффри. Что ж, им будет, что увидеть и услышать. Я показал им сон Ланкастера про гибель рабочего на фабрике:

– Почему спустя столько лет ваш дорогой Джеффри всё ещё видит этого паренька во сне? Чувствует себя виноватым? Сдаётся мне, что у них была интрижка. Не поэтому ли рабочие выясняли с ним отношения – они узнали, что парень обслуживает сына владельца фабрики?

Если можно побледнеть во сне, Ланкастер именно это и сделал.

– Что с того? – Оливер шагнул вперёд, – я знал об этом. Единственная вина Джеффри – в том, что он позволил себе отношения с этим парнем, Томми. Их чувства были взаимны.

– Ты так привязан к своему другу, что лжесвидетельствовал ради него в суде.

– Лишь для того, чтобы защитить Джеффри, да и семью погибшего от новых проблем.

– Да, похоже, что Ланкастер только и делает, что создаёт проблемы для тех, кого любит. Правда, того паренька он не любил – лишь секс и ничего более. Потому что – как романтично – всю свою жизнь он любит совсем другого человека. Такого близкого и такого недоступного.

Джеффри Ланкастер стоял как парализованный, расширившимися глазами глядя в никуда.

– Тебя, Оливер.

Одновременно с тем, как я произнёс это, Жасмин резко дёрнула священника за руку:

– Не слушайте его, Оливер.

Ланкастер схватился за сердце, пошатнулся и, падая, исчез.

– Джеффри!!! – Виктор выдернул из сна всю остальную компанию.
«Мы тоже можем возвращаться, Анри».

Я открыл глаза, вполне удовлетворённый произведённым эффектом. Что ж, думаю, теперь Виктору и его друзьям есть, чем заняться, кроме меня. И Анри может отдохнуть. Я пошёл взглянуть, как он там.

Анри лежал с закрытыми глазами и как будто спал. Я положил руку на его плечо:

– Проснись.

Он не открывал глаза и не шевелился. Я громко хлопнул в ладоши перед его лицом:

– Просыпайся, Анри.

Никакой реакции. Если он притворяется, то слишком хорошо. И он ведь должен подчиняться:

– Анри, ты просыпаешься и открываешь глаза. Я приказываю тебе.

Разве он может так крепко спать? Возможно, он действительно устал и погрузился в глубокий сон. Я пощупал его пульс – сердце билось спокойно и ровно. Я вздохнул. Ладно, пусть поспит. Не позже, чем к обеду, проснётся сам. А пока можно расслабиться.

IX. Виктор Моя вина

Едва открыв глаза, я бросился к телефону и набрал номер Джеффри:

– Ну давай же, ответь.

Но в трубке были лишь длинные гудки. Моё сердце боялось биться, пока я звонил Хастингсу, камердинеру Джеффри. Наконец-то раздался его сонный голос:

«Ланкастер Холл, Хастингс у телефона».

– Это Виктор Легран. Прошу Вас, проверьте, как там сэр Джеффри.

«Но он категорически запретил беспокоить его в ночное время».

– Под мою ответственность. Умоляю, Хастингс, быстрее! Это жизненно важно.

«Хорошо, сэр. Я загляну к нему».

– Я подожду.

Ну скорей же, скорее. Мысленно я бежал по коридорам и лестницам особняка в спальню Джеффри, обгоняя Хастингса. А на самом деле замер, в чём мать родила, вжимая телефон в ухо. Но уверен, что холодно мне было не из-за этого. Через мгновение я почувствовал тёплый плед на своих плечах – Жасмин накинула его на меня.

Через несколько бесконечных минут я снова услышал голос Хастингса в телефоне и интонации его были красноречивее слов:

«Сэр... Вы ещё здесь?»

– Да, конечно.

«У него плохо с сердцем. Я вызвал скорую».

Господи, но он хотя бы жив.

– Я сейчас приеду.

Жасмин уже собиралась. Я спешно подобрал свою одежду с пола и кое-как натянул плохо слушающимися руками.

Через пару минут мы уже мчались в машине к имению Джеффри. Но я старался вести осторожно – не хотел убить ещё и Жасмин. За всю дорогу мы не произнесли ни слова. И я был благодарен Жасмин за её молчание. Её поддержку я чувствовал и без слов.

Чугунные ворота усадьбы были распахнуты, а перед крыльцом стояла скорая. Не помню, как я припарковался и выскочил из машины, но как раз в тот момент, когда из дверей врачи вынесли Джеффри. Слава тебе, Господи – не в чёрном пакете.

– Что с ним? Куда вы его везёте?

– А Вы кто?

– Его крестник.

Врач на мгновение остановился рядом со мной:

– Похоже на инфаркт. В центральную больницу.

Носилки погрузили в реанимобиль, и он, мигая огнями и оглашая округу сиреной, помчался по дороге в город. Мы с Жасмин пристроились следом.

Джеффри забрали в реанимацию. А мы остались ждать в коридоре.

– С ним ведь будет всё хорошо, правда? – произнёс я, обращаясь не то к себе самому, не то к Жасмин.

Она накрыла мою сжатую в кулак руку своей тёплой ладонью.

– Только не забирай мою боль. Не надо. Я хочу её чувствовать. Я...

Жасмин хотела что-то сказать, но я не дал:

– И не надо говорить, что я не виноват. Это не так. Я втянул их с Оливером в это, – меня настигла другая мысль, – Оливер... Он-то как? Нужно ему позвонить.

Я набрал номер монастыря. По времени они должны были готовиться к заутренней. Трубку взяли быстро. Я спросил настоятеля. И через минуту я услышал взволнованный голос Оливера:

«Что случилось, Виктор?»

– Джеффри в больнице. В реанимации.

«В какой?»

Я назвал ему адрес.

«Сейчас буду», – он положил трубку.

Что, что я ему скажу?

– Как ты думаешь, они помнят, что было во сне? Оливер и Джеффри, – Жасмин робко смотрела на меня. Не нужно быть экстрасенсом, чтобы понять – она уже боялась моей реакции. Мне стало стыдно:

– Прости. Я... опять веду себя как эгоист и истеричный ребёнок. Нет, не обязательно, что помнят. Мы ведь не всегда запоминаем сны. Даже если это кошмары.

– Я к тому: если кто-то из них спросит, что там произошло...

– Если не вспомнят, то лучше им и не знать. Я так думаю. Во всяком случае, Джеффри. Боже, я не думал, что это настолько... ранит его, – я потёр лоб ладонью и запустил пальцы в волосы.

– Он очень чувствительный.

– Ты ведь знала, да? – я взглянул на Жасмин.

– О его любви к Оливеру? Да.

– Его поэтому напугали твои способности?

Она кивнула:

– Об этом не так трудно догадаться.

– Я просто однажды... увидел один его сон – и понял. Но Джеффри не знает об этом. А Оливер, как ты думаешь?

Жасмин закусила губу и несколько мгновений молчала.

– Догадываться и знать – это разные вещи. Знать и слышать это из уст другого – тоже. О чём-то догадывается. Но не мы с тобой должны сказать ему об этом. И уж тем более не Этьен. Так что, да, ты прав – это должно остаться между ним и Джеффри.

Я молча кивнул. Господи, не дай Джеффри умереть. Не потому, что я буду чувствовать себя виноватым. Он не должен умереть так. И не сейчас. Пожалуйста.

В коридоре послышались шаги, и я поднял голову. Я не сразу узнал Оливера – он был без облачения, в старом джемпере и брюках. И выражение лица его было таким непривычным: потерянное, беспомощное. Лишь глаза – как две чёрные бездны. Он подошёл и сел рядом со мной:

– Как он?

– В реанимации. Врачи пока не выходили, – я боялся, что ещё он спросит. Но Оливер сидел молча, оперевшись локтями на колени, сцепив пальцы рук и глядя перед собой. Через несколько минут он всё же заговорил:

– Что случилось, Виктор? Я проснулся с ощущением, что произошло что-то ужасное.

А потом твой звонок... – он посмотрел на меня.

Я не мог ему врать:

– Этьен раскопал кое-что о прошлом Джеффри. Случай с гибелью рабочего на фабрике.

Лицо Оливера дрогнуло:

– Это то, что было во сне? Смерть Томми?

Я кивнул:

– И то, что ты защищал Джеффри в суде.

Оливер вздохнул:

– Да, это болезненная история. Не знаю, что сказал там этот... но вины Джеффри в произошедшем не было – хотя он и винит себя. Он пытался доказать, что Томми столкнули преднамеренно – ему показалось, что именно это он и видел. Но когда на суде речь зашла об их отношениях... – Оливер закусил губу, – Отец Джеффри запер бы его в психушке, если бы узнал, что он – гей. Предпочёл бы не иметь сына вовсе. Но почему Джеффри скрывал это от меня – я не знаю. Мы ведь дружим со школы. Джеффри бывает таким скрытным. Как, впрочем, и я. Но тогда ему больше не к кому было пойти – и он рассказал всё мне. Это было моё решение – сказать на суде, что всё это время Джеффри проводил не с Томми, а со мной. Иначе бы не только открылись их отношения, но и подозрение пало на Джеффри: что это он убил любовника и теперь наговаривает на других. Его слово против слов причастных рабочих. Присяжные поверили молодому семинаристу, то есть мне. Да и в семье парня не знали об их с Джеффри отношениях – в рабочей среде такое не приветствуется. Доказать, что это было убийство, а не несчастный случай, не удалось. Так что, для всех было спокойнее забыть об этом. Но Джеффри, как видно, не забыл, – меж бровей Оливера легла горькая складка.

Да, но гораздо больше он боялся, что кто-то узнает о его чувствах к тебе. И прежде всего, ты сам. Он слишком боится тебя потерять. Хотя... я не верю, что что-то могло бы оттолкнуть тебя от него. Не его любовь, во всяком случае. Но, может быть, и лучше, что ты не знаешь – это ведь усложнило бы жизнь вам обоим, не так ли?

– И это всё, что произошло? – Оливер внимательно смотрел на меня.

Я кивнул. Хотя, возможно, не очень уверенно.

Оливер вздохнул:

– Года через три после того, как я стал монахом, мой отец умер. Я не особо сожалел об этом – он был не лучше отца Джеффри. Мать осталась одна. Но, казалось, и она вздохнула с облегчением. Я переживал, что не могу помочь ей; а она была рада тому, как у меня всё складывалось – не знаю, почему, но она гордилась мной. Потом у неё нашли рак. И она ничего не сказала мне. А я слишком редко был рядом, чтобы вовремя заметить. Я не был ей хорошим сыном. Хотя... чем бы я мог ей помочь – денег у меня не было, и нет. И лишь после ее смерти я узнал, что ей помогал Джеффри. Он навещал её, покупал продукты и лекарства. Умирая, она сказала, что спокойна за меня – потому что рядом со мной есть человек, который любит меня, – голос Оливера дрогнул, он резко встал и отошёл к окну.

Я молча смотрел на его высокую фигуру, такую непривычную без сутаны. Лишь в её отсутствии я заметил, что Оливер похож на сжатую пружину – напряжение копилось в нём и не находило выхода. Он сдерживал себя, потому что должен был. Он должен быть наставником и пастырем, заботиться о других. Но кто бы позаботился о нём самом? Единственный человек, которому это было под силу, лежал сейчас в операционной. И мы лишь молились и надеялись, что с ним будет всё хорошо.

Дверь отделения реанимации открылась, и вышел врач. Я вскочил ему навстречу.

– У Вашего крёстного был микроинфаркт. Сейчас состояние стабильное, но он ещё нуждается в постоянном наблюдении. И, конечно, ему необходим абсолютный покой.

– Когда его можно увидеть?

– Если осложнений не будет, то во второй половине дня.

– Спасибо. И если можно, передайте ему... что его близкие здесь, и пусть поскорее выздоравливает.

Доктор кивнул:

– Вам не обязательно быть здесь всё время – мы сообщим вам обо всех изменениях.

Я взглянул на Жасмин, а потом снова на врача:

– Если Вы не возражаете, мы останемся.

– Можете подождать в комнате отдыха. Обратитесь к дежурной сестре, она покажет вам.

Врач ушёл.

А мы трое остались на своих местах – никто не нашёл в себе сил уйти, хотя напряжение заметно спало. Помолчав, Оливер произнёс:

– Думаю, кофе нам не помешает. Пойду раздобуду. Вы как?

Мы согласно кивнули.

– Что-нибудь ещё захватить?

Я улыбнулся:

– На твоё усмотрение.

Он кивнул и ушёл.

– Мне кажется, ему просто нужно побыть одному, – я обернулся к Жасмин.

– И оставить нас вдвоём, – она смотрела на меня.

Я вздохнул и обнял её:

– Как-то всё нескладно получилось. Совсем не так, как должно было быть.

– Ничего. В другой раз получится лучше, – Жасмин улыбнулась.

– Хм. Значит, у меня есть шанс... – я улыбнулся в ответ, но тут же вспомнил, где я и почему:

– Это я виноват. Я подставил Джеффри.

Выпустив Жасмин из объятий, я отвернулся – не мог смотреть ей в глаза:

– Я не хочу, чтобы такое случилось с тобой или Оливером. Не хочу... потерять вас.

– Ты не потеряешь, – голос Жасмин звучал мягко и нежно ободряюще.

– Но Джеффри... – я взглянул на нее.

– Нас с Оливером нечем шантажировать. Да и здоровье, думаю, покрепче.

– Джеффри выглядел вполне крепким.

– Только внешне. А я вот и внутри стерва, – но, заметив шуточный скепсис на моем лице, Жасмин добавила, – Вернее, могу ей быть. А Оливер, как мне кажется, очень цельная личность – его не возьмешь просто так.

– Так и есть.

Я обернулся. Оливер стоял неподалеку с кофе и сэндвичами в руках и улыбался:

– Спасибо за такое мнение.

Он подошел ближе:

– Вот, держите. Взял на свое усмотрение, как ты сказал.

Снова усевшись на банкетках, мы принялись за завтрак. Где и просидели, разговаривая, почти до обеда.

Оливер рассказал, как они подружились с моим отцом и с Джеффри в старших классах школы: о том, как Джеффри чуть не побили хулиганы в его первый день в новом классе, и Оливер за него вступился. И как те же парни отобрали у моего отца домашнюю работу по химии, а денег на новые реактивы у него не было; и тогда Джеффри сказал: о'кей, я куплю всё необходимое, но ты поможешь нам сделать это задание. И с тех пор мой отец помогал друзьям с химией, физикой и биологией, Джеффри – с математикой, литературой и прочими общественными и экономическими предметами, а Оливер... Оливера в то время боялись самые отъявленные хулиганы.

Через какое-то время к нам подошла медсестра и сказала, что мы можем зайти к Джеффри, но только по одному и если обещаем не тревожить его. Мы с Оливером переглянулись, и он сказал:

– Иди сначала ты.

Я кивнул. Медсестра проводила меня в палату.

Джеффри лежал с открытыми глазами и чуть повернул голову, чтобы взглянуть на меня. Лицо его было бледным и уставшим. Но в глазах была жизнь.

– Как ты? – спросил я как можно более твёрдым голосом.

Он постарался улыбнуться:

– В порядке. Прости, что напугал.

Я показал головой:

– Тебе не за что извиняться. Как ты себя чувствуешь?

– Боюсь, так же, как выгляжу, – ответил он с той же улыбкой.

– Выглядишь ты неплохо, – соврал я, – так что, постарайся и чувствовать себя не хуже.

Лицо его стало серьёзным:

– Виктор, я... плохо помню то, что случилось. Я...

– Это не важно. Ничего такого и не произошло. Тебе не о чем переживать и волноваться.

Выздоровливай, пожалуйста. Ты так нужен нам.

– Нам?

– Мне и Оливеру точно, – заверил я.

Джеффри на мгновение задумался:

– Он здесь?

Я кивнул.

– Он же был во сне, да? – Джеффри нахмурился.

– Послушай, – сказал я как можно мягче, – Сны – это всего лишь сны. Не нужно придавать им слишком большое значение. А правда жизни в том, что и я, и Оливер любим тебя.

Джеффри молча смотрел на меня, а потом отвернулся. Но через какое-то время снова взглянул и произнёс:

– Пожалуйста, позови его.

Я привёл Оливера и вышел из палаты. Но... я слишком переживал за них, потому прикрыл дверь за собой и замер.

– Ну и напугал ты меня, – Оливер пытался говорить бодро.

Ответа не было. Я услышал лишь шаги Оливера, подошедшего к кровати. И снова тишина. Я не выдержал и осторожно заглянул в палату: Оливер стоял рядом с изголовьем кровати, прикрыв глаза рукой.

– Если бы ты умер... – он покачал головой, и чуть слышно выдохнул:

– Не оставляй меня одного.

Казалось, эти слова вырвались помимо его воли. А потом, уже громче, он сказал:

– Прости.

Джеффри взял его за руку:

– Спасибо, что ты есть, Оливер.

Я ушёл, стараясь не издать ни звука.

Жасмин ждала меня на той же банкетке:

– Ну как он?

– Выглядит не очень. И, боюсь, далёк от покоя. Но, надеюсь, Оливер это исправит.

– Думаю, так и будет, – и, помолчав, она добавила, – Какие у нас планы?

Я сел рядом и задумался. Я не хотел и не мог допустить, чтобы кто-то ещё из моих близких пострадал. Но как защитить их? Что же касается Жасмин... Как я могу думать о ней, когда она сидит рядом?

Я взглянул на неё. Она улыбнулась:

– Я не читаю твои мысли, ты помнишь?

Я не удержался от улыбки в ответ:

– Иногда кажется, что это не так, – и невольно поймал себя на том, что мне хотелось бы оказаться с ней в совсем другом месте: тёплом, уединённом, и повторить то, чем мы занимались прошлой ночью. Прежде, чем уснули и вернулись в кошмар.

– Что я знаю твои чувства, тоже помнишь? – Жасмин взглянула на меня чуть исподлобья, застенчиво и лукаво одновременно.

– Ага. И мне нравится делить их с тобой, – моя улыбка стала ещё шире, и тут же я почувствовал укол вины: состояние Джеффри ещё далеко от радостного. Да и наша схватка с Этьеном только началась.

– Не вини себя – ты и так не страдаешь излишней жизнерадостностью, – сказала Жасмин тихо и мягко.

Чёрт, да я, похоже, нашёл идеальную женщину.

Через некоторое время к нам вышел Оливер. И мне показалось, что «пружина» внутри него хоть немного да разжалась, позволяя дышать свободнее:

– Я ещё побуду с ним, но потом мне придётся уехать. А пока вы можете передохнуть, – Оливер чуть улыбнулся.

Я кивнул:

– Пожалуй, мы так и сделаем.

Мы зашли в кафе и пообедали. Большую часть времени мы сидели молча – нам оказалось комфортно молчать друг с другом. Жасмин и так знала, что у меня на душе. А я... всё ещё боялся лезть ей в душу. Мне казалось, если она захочет, то скажет сама. Ведь, в отличие от меня, Жасмин легко выражала свои чувства.

Вот и на этот раз она заговорила:

– Если я не нужна тебе прямо сейчас, может, отвезёшь меня домой? Хочу поведать маму. У неё сегодня выходной.

Я кивнул:

– Конечно. Скажешь, когда зайти за тобой. Или позвони. А я вернусь в больницу.

Когда мы подъехали к её дому, Жасмин улыбнулась и сказала:

– Когда всё закончится, ты не против познакомиться с моей мамой?

Видя мою озадаченность и смущение, она рассмеялась:

– Никакой официальной встречи. Просто, думаю, маме захочется хоть мельком взглянуть на человека, с которым её дочь проводит столько времени.

– Ты...

– Теперь ты не хочешь, чтобы я говорила, что мы встречаемся? – она лукаво смотрела на меня.

– Да нет... – я совсем запутался.

– Ладно, не переживай. Я всё поняла. Я сказала именно то, о чём подумала: неплохо бы, чтобы моя мама познакомилась с человеком, который так важен для меня.

Я ещё больше смутился:

– Да. Я не против. Тем более, ты уже познакомилась с моей семьёй.

Жасмин, улыбнувшись, кивнула:

– И мне очень нравится твоя семья.

– Потому я и подумал: понравимся ли мы с твоей мамой друг другу, – сказал я тихо.

– Хм. Думаю, вы найдёте друг друга приемлемыми, – Жасмин чмокнула меня в щёку и вылезла из машины, – Я позвоню.

Я кивнул и молча смотрел, как она идёт к подъезду и исчезает в нём. Когда дверь закрылась за ней, я всё так же сидел, представляя себе, как она вызывает лифт, поднимается на свой

этаж, достаёт ключи и входит в квартиру. Мне уже не хватало её рядом. Я нажал на газ и повернул руль, возвращаясь в больницу к Оливеру и Джеффри.

Х. Этьен Разделяй и властвуй

К обеду Анри не проснулся. Он лежал бледный и неподвижный, в той же позе, что я оставил его накануне – словно даже не шевельнулся с тех пор.

– Анри! – я потряс его за плечи. Никакой реакции. Я хлопнул его по щеке, и ещё раз, и ещё. Его тело было тёплым и мягким, но абсолютно безвольным. Я пощупал пульс – сердце билось ровно, но как-то очень уж тихо.

– АНРИ! ПРОСНИСЬ! Я приказываю тебе! – я смотрел на его закрытые глаза и сомкнутые губы. Он казался мне безмерно далеким – не докричаться.

– Прошу тебя... пожалуйста.

Я уже не допускал мысли, что он притворяется. Слишком уж естественно. Но это легко проверить. Я принёс иголку и уколол его палец. Он даже не вздрогнул. Нет, физические реакции тела не возможно настолько контролировать. О, чёрт... Анри...

Что же делать?! Вызвать скорую? Что они понимают в этом?! Как я объясню им, что случилось? Я и сам не представлял, что именно. Если бы я мог знать, что происходит сейчас с Анри...

Стоп. Эта девушка, Жасмин. Она может заглянуть в его чувства. Она даже может войти в него, в его психополе.

Я вскочил и, приказав Кэссиди присматривать за Анри, отправился к Жасмин. Даже если её нет дома, там ведь живёт и её мать, не так ли?

Через полчаса я уже звонил в дверь квартиры, и мне почти сразу открыли. Вдова Артура Гримвуда стояла в дверях, рассеянно глядя на меня. Я не дал ей времени поразмыслить:

– Добрый день, мадам, – сказал я самым мягким голосом, непринуждённо улыбаясь, – Я друг Вашей дочери, Жасмин. Она дома?

Женщина покачала головой.

– Тогда я войду и подожду её, – деликатно отстранив её, я прошёл внутрь.

Она механически закрыла за мной дверь.

– Вы знаете, где она?

Мадам Гримвуд покачала головой.

– Когда она вернётся?

Тот же ответ. Да, это не очень удачно. Но мне кажется, что Жасмин – не из тех девочек, что надолго пропадают из дома, и что я могу подождать. Я взглянул на её мать: она стояла, глядя куда-то в сторону и безвольно опустив руки. Как же её зовут? Маргарет. Да, кажется, так. Маргарет. Я взглянул в её лицо. Когда-то, должно быть, она была вполне красива. Она и сейчас пыталась держать себя в форме. Но изменившиеся черты лица выдавали в ней человека, злоупотребляющего алкоголем. Не опустившегося, но потерянного.

– Маргарет. Расслабьтесь. Всё хорошо. Я друг Вашей дочери, и Вам нечего опасаться. Я просто подожду её здесь. А Вы можете заниматься своими делами. И Вы легко обойдётесь без спиртного. Да, если Жасмин позвонит, скажите ей, чтобы заглянула домой, хоть ненадолго.

Она кивнула.

– Идите. Не смею Вас отвлекать. Не обращайтесь на меня внимания.

Она снова кивнула и отправилась куда-то на кухню. А я прошёл в комнату, похожую на гостиную, и сел на диван. Чёрт, Жасмин, для всех будет лучше, если ты вернёшься домой как можно скорее.

Я вынужден был ждать, понимая, что Анри, возможно, требуется экстренная помощь. Что, если он умирает?! А я сижу тут... Но ведь я жду того, кто поможет. А если нет?! Если ты убил его, Этьен? Убил единственного человека, который... тебе ближе всех. Кто дорог тебе. И, возможно, единственный, кому хоть как-то нужен ты сам.

Давай, Жасмин, сделай доброе дело – иди домой. Мама по тебе соскучилась. Ты же хорошая девочка.

И она пришла. Я услышал, как в замке повернулся ключ, входная дверь открылась и закрылась вновь. Из прихожей послышался шорох снимаемой верхней одежды и обуви.

Я поднялся с дивана и как раз вовремя, чтобы оказаться лицом к лицу с вошедшей Жасмин. Вернее, лицо её оказалось где-то на уровне моей груди. Она подняла голову и тихо охнула.

– Не бойся. Я не собираюсь причинить вреда ни тебе, ни твоей матери. Мне нужна твоя помощь.

Жасмин ошарашено смотрела на меня.

– Вернее... помощь нужна Анри. Если ты пойдёшь со мной – обещаю, что я никого не трону и ты сможешь вернуться домой.

Конечно, она не верила мне:

– Что с Анри?

– Он без сознания. Я не знаю – может быть, кома. Прошу тебя, пойдём со мной.

Жасмин явно колебалась. Но кто-кто, а уж она должна знать, что я говорю правду.

– Чем я могу помочь?

– Ты скажешь мне, что с ним. И тогда я решу, как быть дальше. Пожалуйста, Жасмин. Я не угрожаю, не требую – я прошу. Даже если у тебя не получится спасти его – ты сможешь мне сделать это.

Глядя в мои глаза, она кивнула:

– Только предупрежу маму.

Я хотел было ей сказать, чтобы не болтала лишнего; но она и сама понимала:

– Привет, – Жасмин обняла мать, – Извини, мне снова нужно бежать. Так получилось. Постараюсь вернуться поскорее. Нужно помочь... одному другу. Не грусти тут без меня, – она поцеловала её в щёку и шагнула ко мне, – Идём.

Когда она села в машину, я замешкался:

– Извини, но... мне придётся завязать тебе глаза. И связать руки.

Она возмущённо посмотрела на меня:

– Мне казалось, я еду добровольно, не как пленница.

– Всё так. Но мне не хотелось бы, чтобы ты ехала как разведчик. И ещё я не хочу... чтобы ты натворила что-то, пока я буду вести машину, – вот так вот, не очень-то храбро с моей стороны.

– Почему ты даже не пробовал подчинить себе мою волю? – она смотрела на меня, пытаюсь понять, что у меня на уме. От этого зависела жизнь Анри, так что я выложил карты на стол:

– Я не уверен, что смогу управлять твоим даром сам. И я не знаю, как это скажется на твоих способностях – если я погружу тебя в транс.

Несколько мгновений мы так и стояли, глядя в глаза друг друга.

Потом Жасмин произнесла:

– Давай, делай, что считаешь нужным.

Я попросил её завести руки за спину и связал их – крепко, но не туго. И надел тёмный полотняный мешок ей на голову:

– Лучше будет, если ты ляжешь на сиденье – осложнения в виде полиции нам ведь не нужны?

Она подчинилась.

– Я уже говорил, но повторю ещё раз: тебе нечего бояться меня, сейчас. Я обещал вернуть тебя домой – и я это сделаю. Если ты захочешь вернуться.

Доехали мы без проблем. Всё ещё связанную и с мешком на голове, я ввёл Жасмин в подъезд и затем в лифт. Удачно, что мы и тут никого не встретили. Но я ведь не случайно выбрал малозаселенную новостройку для своего пристанища. Поднявшись на свой этаж и выйдя из лифта, я развязал Жасмин руки и снял мешок:

– Прости, это было необходимо. Сама понимаешь.

Я открыл ключом дверь и сделал приглашающий жест. Она вошла, и я за ней. Проведя её в комнату Анри, я спросил у Кэссиди:

– Он не приходил в себя?

Джон покачал головой. Я указал ему на дверь.

Жасмин с состраданием смотрела на Анри. Затем коснулась ладонью его щеки. Даже в такой момент я почувствовал укол ревности:

– Ну и? Что с ним?

Она задумчиво покачала головой, всё ещё не отрывая глаз от лица Анри:

– Он где-то очень далеко. Он нашёл доступный для себя способ побега, – она с таким укором взглянула на меня, что я смутился и отвёл взгляд:

– Ты... можешь вернуть его?

– Как?

– Войди в его душу. Найди его там, в тех глубинах, где он скрылся, и приведи обратно.

– А если он не захочет возвращаться? – я чувствовал её горечь, даже не глядя на неё.

– О, Боже, Жасмин... Тогда он умрёт! Я не думаю, что ты хочешь этого. Равно как и его брат.

– А чего хочешь ты?

Я на мгновение взглянул на неё:

– Хочу, чтобы он жил! – и вышел из комнаты. Чёрт, чёрт, чёрт! Я не позволю, чтобы она «потрошила» мои чувства. Чтобы кто-либо лез в них. Я...

Я сполз по стене и уселся на полу. Впервые я чувствовал себя таким беспомощным и уязвимым. Нет, не впервые. Кому ты врешь, Этьен. Так было, и не раз. Когда Кэссиди похитил тебя. Когда все эти уроды смеялись над тобой. До тех пор, пока я не открыл свой дар и не научился им пользоваться. Тогда пришёл мой черёд смеяться. Но сейчас... дело было не во мне. Никто не угрожал мне, не причинял боль. Но тогда почему так больно?! Потому что Анри может умереть. Потому что эта девчонка видит меня насквозь.

Казалось, что мир сжался вокруг меня, окружив стеной отчаяния и отчуждения. И лишь сердце моё билось где-то в соседней комнате – там, где был Анри.

Я почувствовал прикосновение. Кто-то коснулся моих волос, провёл ладонью по голове. словно ребёнка. Никто и никогда не делал так. Даже моя мать. Ничего не разбирая, я привстал на колени и уткнулся лицом в чей-то живот, прижался и обхватил руками. Мне не хотелось знать, кто это – хотелось лишь чувствовать это тепло и дальше. Боль отпустила. Я приходил в себя. И, конечно, понял, к кому я прижимаюсь, и чьи руки касались моих волос. То была Жасмин. Я отстранился и взглянул на неё снизу вверх:

– Анри...?

– Он пришёл в себя. Но ему нужен отдых, – она смотрела на меня спокойно и серьёзно.

Я облегченно вздохнул и кивнул. И, помолчав спросил:

– Ты не могла бы остаться, совсем ненадолго – присмотреть за ним?

Она кивнула. В её взгляде не было ни отвращения, ни высокомерия – лишь сострадание. И немного слёз. Как и в моих. Я взял её ладонь и прижал к губам. Впервые я целовал женщину с таким благоговением. Но нет, в тот момент она была для меня почти божеством. Я поднялся с колен и теперь уже смотрел на неё сверху вниз:

– Если тебе что-то нужно...

– Я бы выпила чаю.

Лишь теперь я разглядел бледность и усталость на её лице. Должно быть, она затратила много сил, возвращая к жизни Анри, да и меня...

– Сейчас. Присядь, – я усадил её на диван, а сам пошёл на кухню, поставил чайник и вернулся к ней:

– Как насчёт того, чтобы поесть?

Она кивнула.

– Я.. могу пойти к Анри? – на секунду мне подумалось: а вдруг она обманула меня, и он не пришёл в себя. Внутри всё неприятно сжалось.

– Только не тревожь его, пожалуйста. Я и так еле уговорила его вернуться.

Я сглотнул:

– Да, хорошо.

Анри лежал на кровати, но уже с открытыми глазами. Когда я вошёл, взгляд его обратился ко мне.

– Я... я просто зашёл убедиться, что ты в порядке. Есть хочешь?

Он с трудом разомкнул губы:

– Воды, если можно.

Я кивнул, сходил на кухню и принёс воды в кружке. Помог ему сесть. И смотрел, как он пьёт.

Он вернул мне кружку.

– Что-то ещё?

Анри покачал головой и снова улёгся.

– Пожалуйста, не пугай меня так больше.

Он взглянул на меня, а потом отвернулся:

– Я не собираюсь умирать. Уже нет.

Я облегчённо вздохнул:

– Рад это слышать. Не буду тебя мучить разговорами. И вообще... – мой голос дрогнул, – Если тебе что-то понадобится – скажи.

Анри, не глядя на меня, кивнул.

Я вернулся к Жасмин. Принёс ей чаю. Затем сходил на кухню и разогрел три порции готовой еды: ей, себе и Анри. Не знаю, захочет ли он есть; но хоть будет, что. Я отнёс ему тарелку – пластиковую, и с пластмассовыми же приборами. В прочем, нам с Жасмин тоже – меньше мыть посуды.

Она ела молча, стараясь особо не смотреть на меня. Или же просто о чём-то думала. Я мог предположить, о чём. Но не мешал ей. И лишь когда мы поели, сказал:

– Я благодарен тебе за помощь. Ты, наверное, теперь и сама поняла, что твои возможности гораздо шире, чем просто принимать в себя чувства других.

Жасмин взглянула на меня, но по-прежнему молчала.

– Ты можешь передавать людям свои эмоции, заставляя их чувствовать то, что хочешь ты. Можешь проникать внутрь человеческой души. И уж конечно, научиться ставить блок и не впускать в себя нежеланные эмоции окружающих. Я могу научить тебя.

Она сжала губы и всё так же молча смотрела на меня.

– Думай обо мне всё, что угодно. Но ты не станешь отрицать, что я могу это. Научить тебя.

Наконец она заговорила:

– Да. Наверное.

– И не говори, что не хочешь этого, – в моём голосе было больше воодушевления, чем в её.

– Хочу, – в её ответе читалось явное «но».

– Тогда подумай, что я даю тебе оружие для борьбы со мной, – я несколько натянуто улыбнулся.

Жасмин кивнула:

– Но зачем тебе всё это?

– Считаю, что мне интересно. Я удовлетворяю собственное любопытство, – и это было правдой. Хотя и не всей.

– Я должна подумать. Я останусь... на несколько часов – чтобы присмотреть за Анри. С ним не должно ничего случиться. Но всё же. И хочу сказать тебе, что я делаю это не ради тебя – а ради него самого, и ради Виктора.

– Да куда уж мне – чтобы кто-то что-нибудь сделал ради меня, – произнёс я саркастично, но с изрядной долей горечи. Которая, конечно, не укрылась от Жасмин. Она встала, подошла ко мне и, глядя на меня сверху вниз, сказала:

– А ты не пробовал сделать что-то хорошее авансом? Вместо того, чтобы жалеть себя.

Я взглянул на неё зло и обиженно:

– Никто и никогда не делал ничего подобного для меня, – и, помолчав, добавил, – Я мог бы избавить твою мать от привязанности к алкоголю.

– Она пьёт из-за тебя. Ты убил моего отца, – она гневно смотрела на меня. Если бы словом и взглядом можно было убить – я бы уже был мертв. Если бы в её руках было оружие, я бы опасался за свою жизнь. Но её гнев вызвал странный эффект... Во мне поднималось что-то вроде... желания. Жасмин была прекрасна в этой своей ипостаси фурии, разгневанной богини. Уже дважды за короткий срок я испытывал чувство, которое никогда прежде не испытывал к женщинам – тягу, влечение. Я не назвал бы его сексуальным, но всё же. Мне хотелось познать её. Её душу, прежде всего.

Жасмин несколько испуганно отшатнулась:

– Ты, и правда, садо-мазо.

Я вскочил:

– Нет! Неправда!!! – и вылетел на кухню, яростно хлопнув дверью. Прислонился спиной к стене. Это удар ниже пояса. Нет, нет, нет! Меня нисколько не возбуждают чьи-то мучения. И уж тем более мои собственные! Разве я виноват, что... другая любовь мне не доступна? Я почувствовал, что злые слёзы текут по моему лицу. Что делает со мной эта девчонка?! Я не только второй раз за день испытал влечение к женщине, но и второй раз плачу. А я не плакал... уже сколько лет. Со мной вообще это не часто случалось.

Дверь на кухню тихонько приоткрылась. Потом открылась шире, и вошла Жасмин. Это было смело с её стороны. Я мог и нарушить свое обещание не причинять ей вреда.

– Прости. Это было жестоко с моей стороны. Я... я просто испугалась.

Я взглянул на неё:

– А сейчас ты не боишься?

Она покачала головой.

Я чуть отвернулся и вздохнул:

– Ты очень странная девушка.

Боль, злость и напряжение отпустили меня. Осталась лишь усталость:

– Я не причиню тебе вреда. Я не прикоснулся бы к тебе против твоей воли. И никогда не делал этого с Анри. Никогда.

– Я верю тебе.

Я кивнул. А потом добавил:

– Нет нужды верить, когда знаешь.

– Всё знать невозможно.

Я взглянул на неё:

– А ты хочешь всё знать?

Она покачала головой.

– Но ты узнала достаточно про меня, ведь так? Тогда, когда... – я снова отвёл взгляд, вспоминая, как она гладила меня по голове, а я прижимался к ней... мне стало неловко. И за свои прикосновения, и за то, что она знает, что я чувствовал.

– Теперь у тебя будет повод меня ненавидеть, – она произнесла это ровным голосом, но я чувствовал её горечь. Когда люди боятся или ненавидят тебя за твои способности... нет, за то, кто ты есть... это бывает больно. Но я привык. Я жаждал этой ненависти – ведь она порождалась страхом. А вот Жасмин, похоже, нет. Ей был в тягость её дар. Но ведь это глупо. Нужно просто уметь им пользоваться. Мне хотелось отблагодарить её за то, что она вернула Анри. Как она этого не понимает? Я хотел... любви. Чувствовал это, как никогда. Я жаждал, чтобы меня любили. Или хотя бы понимали и сочувствовали. Но ведь она как раз это и делает, разве нет?

Я развернулся к ней, и она оказалась зажатой между мной и стеной. Я просто пожирал её взглядом, но не смел даже коснуться. Нет, не потому, что робел и трусил. Вовсе нет. Но потому, что она не дала своего позволения. Я никогда ничего не брал силой. Никого, по крайней мере. Я был достаточно привлекателен, чтобы меня хотели. Анри был исключением. И вот теперь – она.

Жасмин смотрела на меня без страха, но и без злости. Ведь она чувствовала мои эмоции.

– Обычно людям льстит, когда их желают, – произнёс я самым низким тембром, на который был способен, – Даже Анри это льстит, я знаю. Ты могла хотя бы немного подыграть мне, – я улыбнулся и чуть отодвинулся от неё:

– Не знаю, кого как, а меня зачаровывает то, что ты знаешь мои чувства, проникаешь в меня. Это почти как секс – но без касаний.

Впервые она чуть смутилась и покраснела.

А я испытывал невыразимое удовольствие от того, что мне удалось хоть как-то пробить её броню. И решил продолжить:

– Подумай, может быть, я могу дать тебе больше, чем он, – сказал я тихо, почти ей на ухо, – Я ведь тоже способен любить.

Дверь на кухню открылась, и вошел Анри, держа в руках пластиковую тарелку, в которой я принёс ему обед. Увидев нас, он застыл, глядя на меня.

– Раз уж ты тут... выкинь, пожалуйста, – сказал он почти ровным голосом и протянул мне тарелку; но взгляд его говорил всё, что он думает о моей «измене». Анри резко развернулся и вышел.

Я фыркнул и взглянул на Жасмин: она смотрела на меня очень сердито.

– Да что такого? – я чуть пожал плечами.

– Ты эгоистичный засранец.

– Сочту за комплимент, – сказал я, улыбнувшись.

– Вот поэтому тебя никто и не любит.

– Да идите вы все к чёрту! – я вышел из кухни, хлопнув дверью. Кому нужна эта любовь?! Какого хрена преподносить себя кому-то на тарелочке – свои чувства, свою страсть – чтобы об тебя вытирали ноги?! И всячески показывали, что ты недостойн?!

И что я с вами нянчусь? Не хотите по-хорошему – будет по-плохому. Раз от меня именно этого и ждут. Не буду разочаровывать.

Жасмин вышла из кухни и наткнулась на мой взгляд.

– Слушай меня, девочка. Слушай и засыпай.

Она смотрела на меня, замерев.

– Твоё тело становится мягким и расслабленным. Твоё сознание – спокойным. Ты слушаешь меня и делаешь то, что я скажу. Кивни, если понимаешь меня.

Жасмин кивнула.

– Вот и чудно, – я смотрел на неё как на новую игрушку. М-м, надо бы ей купить платье – что-нибудь красивое и сексуальное, в отличие от того, что на ней сейчас – невзрачные брюки и блузка. Интересно, сейчас она воспринимает мои эмоции?

– Жасмин, скажи, что ты чувствуешь?

– Пустоту.

И голос такой же пустой.

– А что чувствую я?

– Я не знаю.

Как так? Вот чёрт.

– Проникни в меня, прочти мои чувства. Что я чувствую?

– Озабоченность. Раздражение. Усталость.

Ясно. Просто придётся «дёргать её за верёвочки», как Анри или Джона. Как марионетку. И, что было уже закономерно, моё влечение к ней прошло – стоило мне погрузить её в транс. Куклы меня не привлекали. Что за интерес, когда в глазах нет чувств и эмоций, и тело ни на что не реагирует. Почти ни на что – простейшие физиологические реакции остаются. Но я стал бы противен сам себе, если бы воспользовался этим. Эту чёрту я не хотел переходить.

– Джон, иди сюда.

Кэссиди появился из своей комнаты, как молчаливый призрак.

– У нас новая подопечная. Присматривай за ней. Отвечаешь за неё головой, как и за Анри.

Он несколько мгновений смотрел на меня, а потом кивнул. Я указал ему на дверь, и он вышел.

Жасмин так и стояла на месте. Ничего, пусть постоит. Прилив нежности во мне сменился жестокостью: как всегда, когда меня отталкивали. Зачем быть нежным с тем, кто жесток с тобой?

Анри сидел на кровати и настороженно взглянул на меня, когда я вошёл.

– Нас теперь трое, – я улыбнулся, – вернее, четверо – если считать Джона.

– Я думал... мы вернёмся домой. Ты ещё не наигрался? – его взгляд был печален и тяжёл. Но я и не такое выдерживал:

– Я только начинаю. И у меня теперь есть новая игрушка. Может быть, с ней будет веселее? Замечательная девушка, не правда ли?

– Ты сказал, что дашь мне отдых. Что больше не будешь мучить меня.

– Да, возможно, – я пожал плечами, – Ведь скоро у меня будет твой брат. Думаю, он заменит тебя. И, кто знает, вдруг он окажется сговорчивее? И талантливее тебя?

Я улыбнулся, замечая растущую злость в глазах Анри.

– С чего ты взял, что получишь его?

– О-о, он придёт за ней. Обязательно. За тобой не пришёл. А за ней – придёт. Она дорога ему. А вот ты, мой милый Анри, похоже, никому не нужен. Возможно, даже мне, – я улыбался самой очаровательной улыбкой, какой только мог.

Анри было не до улыбок. Несколько мгновений он молчал. А потом произнёс:

– Может быть, тогда ты освободишь меня? Раз я тебе не нужен.

– Я подумаю.

Он сверлил меня взглядом:

– Всё ты врёшь. Я нужен тебе, Этьен. Я это знаю.

– Пока – да. Но надолго ли?

Помолчав, я решил сменить тактику и, вздохнув, сказал как можно мягче:

– Ты же знаешь... в твоих силах это изменить. Меньше капризов и больше нежности.

– Иди ты к чёрту! – он рассерженно отвернулся.

Я хмыкнул про себя: как всё просто – разделяй и властвуй. Пожалуй, я могу немного отдохнуть. Пока мой падший ангел Анри злится на то, что я лишил его возможности изображать капризного принца.

XI. Виктор Ты нужен мне

Я вернулся в больницу, и Оливер уехал, передав мне дежурство. Состояние Джеффри улучшилось, и он наконец-то заснул. Я сидел рядом, глядя на его непривычно бледное лицо. Мне так хотелось защитить его, уберечь от боли. Крестный наверняка сказал бы что-нибудь вроде: «Нельзя спасти от жизни». Но от Этьена я должен был его уберечь. Его и Оливера, и Жасмин. Я должен быть рядом с каждым из них. Но как? Как мне разорваться? Как мне обойтись без их помощи и освободить Анри? И... хочет ли он быть свободным? Я слышал, что заложники привязываются к своим похитителям. И даже поддерживают их. Не это ли происходит сейчас с моим братом? Насколько им управляет воля Этьена? Но я должен попытаться. Должен достучаться до него.

А пока я оберегал сон крестного. Ведь сейчас ему нужен покой как никогда. Я следил за его малейшими движениями, чтобы не пропустить момент, если ему начнут сниться кошмары. К счастью, этого не случилось.

Наступил вечер. Жасмин не позвонила. И я решил сделать это сам. Но на мобильный она не отвечала, а её домашнего телефона я не знал.

Видя мое беспокойство, Джеффри сказал:

– Поезжай к ней, – и, улыбнувшись, добавил, – Я не собираюсь умирать. Да и Оливер обещал заехать после вечерней службы.

Я кивнул и сказал как можно спокойнее:

– Ты уж не пугай нас так больше.

– Обещаю. Иди, – Джеффри чуть взмахнул рукой, словно прогоняя меня.

Я нервничал всю дорогу, усилием воли заставляя себя внимательно вести машину. Я ещё несколько раз набрал номер Жасмин, но в ответ слышал лишь длинные гудки.

Теперь я звонил в дверь её квартиры. И невольно вздрогнул, когда дверь, наконец, открылась. Я ожидал увидеть Жасмин. Надеялся.

В дверях стояла женщина лет за сорок: длинные тёмные волосы собраны на затылке, тени залегли вокруг уставших зелёно-карих глаз.

– Здравствуйте. Меня зовут Виктор Легран. Я... друг Жасмин. Она дома?

Женщина чуть улыбнулась и покачала головой:

– Она ушла. С мужчиной. Который тоже назвался её другом.

Я похолодел:

– Как... он выглядел?

– Высокий голубоглазый блондин, – она всё ещё улыбалась.

А моё сердце ухнуло в пропасть.

– Она... что-то сказала... при этом? – спросил я машинально.

– Что её другу нужна помощь. И что она скоро вернётся.

На последнее я не рассчитывал. Попрощался с матерью Жасмин, попросив передать, что я заходил – так, на всякий случай.

Всё вокруг стало блеклым и размытым, словно подернутым пеленой. Я двигался, словно преодолевая сопротивление среды. Это явно сон. Или какое-то дурное кино. С трудом я осознавал, что это не то и не другое. Это реальность, в которой я позволил ему добраться до Жасмин.

Я убью тебя, Этьен. Если ты хотя бы притронешься к ней – я убью тебя. Если кто-то ещё из моих близких пострадает – я буду убивать тебя медленно. Ублюдох!

Но как мне найти его? Мы сталкивались лишь во снах. Вернее... когда хотел, он находил тех, кто дорог мне. Он наносил удар и снова прятался в свою нору. Но ведь и я прятался. А не должен был. И больше не буду. И сделаю всё, чтобы он пришёл за мной. Раз я могу найти его лишь во сне – я достану его там. И я постараюсь, чтобы проснулся лишь один из нас, Этьен.

Я сел в машину и отправился на свою собственную квартиру – где не был уже несколько дней.

Я пытался успокоиться и сосредоточиться. Но не мог. Чёрт, чёрт, чёрт! Как я допустил это? Как я мог?! Нужно было ни на секунду не расставаться с Жасмин – ведь мы уже поняли, с кем имеем дело. С опасным беспринципным ублюдком. И теперь Жасмин в его руках. Мне хотелось выть и лезть на стену. Но перед этим мне хотелось разбить об неё голову Этьена! Клянусь, я это сделаю. Ты пожалеешь, что посмел тронуть мою семью, гадёныш!

Ладно, Виктор, успокойся. Ярость – не самый лучший советчик. Особенно в войне с таким холодным и расчётливым врагом. Как заставить его выползти из норы? Предложить ему себя? Сдаться? Он ведь думает, что уже победил. Что оставил меня одного... А разве это не так, Виктор? Ты один. Чёрт.

На мгновение я уронил голову на рулевое колесо. Нет. Я не один. У меня есть Оливер и Джеффри. И Жасмин. У меня есть, кого защищать. И... Анри. Если он, всё же, на моей стороне. Даже если не на моей – я должен освободить его от этого уroda.

Он придёт за мной. Этьен. Я в этом уверен. Иначе его победа не будет полной. И уж, конечно, я буду преследовать его во снах. О, Этьен, ради тебя я стану мастером кошмаров. Тебе будет страшно спать. Несмотря на защиту Анри. Которую я надеялся если не преодолеть, то обойти.

Моя квартира показалась чужой. Столько произошло за эти дни. Много изменилось. Возможно, и я сам. Сейчас мне вовсе не хотелось прятаться в своей мастерской, как в убежище, ото всего мира. Не хотелось, чтобы сны и спящие оставили меня в покое. Наоборот, я хотел творить. И творить кошмары. Ведь от этого зависела моя жизнь и жизни близких. Что самое страшное для Этьена? В чём его слабость? Жасмин говорила, что в отсутствии любви. Мне это казалось недостаточно уязвимым местом. Должно быть что-то еще.

Жасмин. Надеюсь, тебе не так плохо там, где ты сейчас. Я найду тебя. Я заберу вас с Анри. И у нас снова будет семья.

Стемнело. Я погрузился в сон, надеясь встретить там Этьена. Рано или поздно, но он заснёт.

Туман. Почему туман? Я не видел ничего вокруг себя, кроме белой кисеи. И попытался развеять этот морок. Но... это не совсем сон... Как такое возможно? Впереди я увидел что-то... Подойдя ближе, я разглядел фигурку мальчика. Он сидел, сжавшись в комок и обхватив колени руками, уткнувшись в них лицом. Так что я мог видеть только его кудрявые каштановые волосы. Анри? Я хотел шагнуть ближе, но упёрся в невидимую преграду. Да что это такое? Я ударил по ней, но она не исчезла и даже не поддалась.

Кто-то приближался к мальчику сквозь туман. И это была... Жасмин. Жасмин! Я, казалось, кричал; но едва слышал свой голос. Жасмин коснулась рукой волос мальчика и погладила его по голове. Он взглянул на неё. Это, и в самом деле, был Анри – только лет восьми, с бледным лицом и печальными глазами. Жасмин что-то говорила ему, а он слушал. В конце концов, он кивнул, взял её за протянутую руку, поднялся и пошёл следом за ней прочь. Анри! Жасмин!!! Они не слышали меня, и не замечали. Как будто я не существовал.

Что это за преграда не давала мне пройти?! Если я видел Анри... то это его сон? Но как тут оказалась Жасмин? Ведь я не приводил её. Это сделал сам Анри? Но почему он не подпустил меня?!

Я хотел было снова стукнуть по невидимой стене – но она исчезла. Я бросился бежать в ту сторону, куда, как мне казалось, ушли Жасмин и Анри. Но напрасно – меня окружал всё тот же белый туман.

В отчаянии я уселся на то, что считал полом. Чёрт! Да что же это? Я не чувствовал никого из них в мире снов – даже Этьена. Значило ли это, что они не спят? Или... я просто ни на что не способен?!

Туман исчез. Я поднял голову – передо мной стоял Анри. Я тут же вскочил, почему-то не находя, что ему сказать.

Он сделал это сам:

– Ты пришёл за ней?

Пытаясь понять, что за интонации я слышал в его голосе, я ответил:

– За ней. И за тобой.

– Но прежде всего за ней, – Анри смотрел на меня, сощурив глаза. Он... злится?!

– Да о чём ты?

– О том, что какая-то девчонка для тебя важнее родного брата!

– Что за глупости ты говоришь? – я развёл руками, – Разве до этого мы с ней не пытались найти тебя и забрать? Но ты... – глядя на него, я тоже начинал злиться, – ты же сам вернулся к нему! К этому чёртову ублюдку!

– Ему я хотя бы нужен, – взгляд Анри был тяжёл, как и его слова.

Нет, я отказывался это всё понимать. У меня не укладывалось в голове.

– Ты нужен мне! А он тебя просто использует!

Анри стоял молча, опустив голову.

– Не позволяй ему делать это с собой. Он ловкий манипулятор. Он заставляет тебя делать и чувствовать то, что нужно ему. Сопrotивляйся!

Всё ещё не глядя на меня, Анри тихо произнёс, словно размышляя:

– Если он получит тебя, я стану ему не нужен. Но, может быть, тогда он отпустит меня.

Даже так? Что ж... Я готов занять его место.

– Хорошо, Анри, – сказал я как можно мягче, – давай так и сделаем.

Он вскинул голову и, недоумевая, смотрел на меня.

– Я готов обменять тебя на себя.

– Ты с ума сошёл?! Ты понимаешь, что это значит?!

– Вполне. Но, думаю, ему не так просто со мной совладать. Зато ты будешь свободен.

А с остальным я сам разберусь.

– Нет, – Анри поник плечами и покачал головой, – Я не смогу жить с этим. Я... Я даже врагу этого не желаю. Не то, что тебе.

Я подошёл и обнял его. И тихо сказал:

– Тогда помоги мне. Помоги справиться с ним. Вместе у нас получится, – чуть отстранившись, я взглянул в лицо Анри, – Не подчиняйся ему. Ведь гипнотизер не может полностью подавить волю человека. Если ты сделаешь осознанное усилие, ты освободишься. Вспомни: ведь и мы во снах не всем управляем. Волю спящего никто не отменял. Дело в том, что человек обычно не знает, не осознаёт, что спит. И это лишает его контроля. А иначе была бы его воля против нашей. Вот и ты должен понять, что Этьен манипулирует тобой. Это не твои мысли, чувства и желания.

Анри вздохнул и кивнул.

– Нам нужно вывести Этьена из строя. Чтобы вы с Жасмин могли убежать. Или хотя бы узнали, где находитесь – чтобы я пришёл за вами. Нужно найти его слабое место и побольнее ударить.

Анри снова вздохнул, на этот раз тяжело, и посмотрел на меня:

– Боюсь, его слабое место – я.

Подумав немного, я сказал:

– Это тоже можно использовать. Но ты должен мне помочь. Мне нужно знать всё, что знаешь ты.

ХII. Этьен Мой страшный сон

Распределив своих пленников по комнатам и приказав Кэссиди лучше смотреть за ними, я улегся на диване, закрыл глаза и позволил себе расслабиться.

Мне стало так тепло и хорошо. Воздух был напоен ароматом роз. Я сидел под окном кабинета отца и любовался на цветы. Колючие. Но такие прекрасные.

Из открытого окна доносились голоса: мой отец разговаривал с каким-то мужчиной. Я не слушал, что они говорят. Но одна фраза зацепила меня:

– Почему ты вообще женился на этой сучке?

И, мгновение позже, голос отца:

– А что, лучше было бы иметь внебрачного ребёнка и платить ей алименты? Она бы вытрясла из меня по полной. А так, я получил её состояние и наследника. Она – мой титул. Все довольны. Всё равно пришлось бы жениться – не на ней, так на другой стерве.

Я подумал, что если отец увидит меня здесь, то мне достанется. И тихонько, на четвереньках, отполз в сторону. Мне не хотелось, чтобы кто-нибудь меня заметил. Я поднял голову и увидел перед собой маму.

– Этьен, посмотри на себя. Ты весь в грязи, – на её лице читалось плохо срываемое отвращение, – Иди немедленно в дом, вымойся и переоденься.

С непроницаемым видом я поплёлся выполнять приказанное. Но в глубине души я злился. На них обоих. Лучше бы меня похитили разбойники, и я бы стал одним из них.

Темно и холодно. Я боялся того, что скрывалось в этой темноте. И не мог убежать: рука была прикована наручниками к трубе. Мне было очень страшно и хотелось домой. Казалось, я сижу здесь вечность. А вдруг... вдруг родители просто избавились от меня? Я ведь не нужен никому из них.

– Да, Этьен. Никому ты не нужен, – рядом со мной присел на корточки человек. Его лицо оказалось совсем рядом с моим. Водянисто-серые глаза смотрели с презрением и злостью. Это он держит меня здесь! Я так хочу, чтобы он ушёл!

– Даже мне ты не нужен, маленький засранец. Если бы не ты, она была бы со мной.

Он убьёт меня? Нет, я не хочу умирать!!! Но звать мне некого. Я зажмурился.

– Никто не придёт тебе на помощь. Потому что ты – урод.

Я открыл глаза: вокруг стояли мои однокурсники, а сам я сидел на земле и смотрел снизу вверх на нависавшего надо мной Крейга Дженнингса. Я ненавидел его всей душой – эту тупую гору мышц. Ненависть захватила меня всего. Я не видел ничего вокруг – только его ухмыляющееся лицо. Хоть бы ты разбил свою башку. Да, Крейг, походи побейся головой о стену. Это будет самое лучшее для неё применение.

И... он пошёл и сделал это. Это было феерическое зрелище! Как жаль, что остальным болванам удалось оттащить его от стены. Они все обходили меня стороной, как будто я прокажённый; шептались за моей спиной. Что ж, ладно, овцы всегда боятся волка.

– Только ты не волк, Этьен. Ты прокажённый.

Кто... Кто это сказал? Рядом никого не было. Послышалось?

Я увидел женщину. Молодую и красивую. Длинные золотистые волосы волнистыми локонами спадали ниже плеч. Серые глаза её смотрели на меня... печально? Осуждающе? Она показалась мне знакомой. Похожей на кого-то, очень близкого мне. Я сделал шаг в её сторону.

Она отшатнулась и стала падать. Мне хотелось поймать её. Но я стоял и смотрел, как она падала с лестницы. Внизу пролёта она замерла, как сломанная кукла. Кровь стекала с её губ. Почему-то я сожалел о ней.

Кто-то толкнул меня. Я обернулся: рядом стоял высокий мужчина в очках. Он замахнулся, чтобы снова ударить. Но уж нет. Я не позволю. Я достал из кармана пистолет, направил на мужчину и выстрелил. Он упал, сражённый пулей. Из его раны струилась кровь. Она растекалась вокруг. Кровавые потоки подбирались к моим ногам. Я не хотел, чтобы эта кровь касалась меня.

Мне нужно забраться куда-то повыше. Я оглядывался по сторонам, но всё, что я видел вокруг, было подступающее море крови. И некуда деваться. Некуда бежать. Я взглянул под ноги: кровавые волны лизнули мои ботинки. Рефлекторно я отдернул ногу, но мне всё равно пришлось опустить её. Колыхаясь, море медленно поднималось выше. Я мог бежать. Но куда? Я продолжал оглядываться, в надежде увидеть хоть что-нибудь, что спасло бы меня. Кровь доходила уже до пояса. Наверное... я смогу плыть в этом ужасном море. Но... куда? Куда?! И потому я продолжал стоять. Уже по грудь в крови. Если поднимется выше – всё же, поплыву. Всё равно куда. Но... прилив остановился. Да, так и есть. Я вздохнул с облегчением. Но что дальше?

Я был один. Никто не приходил мне на помощь. Я не знал, кого позвать. «Ты никому не нужен, Этьен».

Я увидел что-то впереди. Какой-то довольно большой предмет покачивался на волнах. Может быть, это плот? Или хотя бы дерево? Я поспешил к нему. Но чем ближе я подходил... тем меньше мне хотелось. Это было похоже... на тело. Живое или бездыханное – я не мог понять. И даже не особо стремился. Но что-то заставило меня подойти ближе. Я разглядел черты бледного лица. И сердце моё остановилось. Анри.

Он лежал на спине, чуть раскинув руки, и глаза его были закрыты. Губы сомкнуты. Длинные волосы, намокшие от крови, словно водоросли змеились вокруг его головы. В лице ни кровинки. Он был похож на каменную статую, прекрасную и ужасную одновременно. Я... я отказывался верить в то, что видел. Нет. Он не может быть мёртв! Не может!!!

Я привлёк его к себе, одной рукой поддерживая его голову, а второй пытаюсь нащупать пульс на его шее. Пульса не было. Его кожа была холодна. Нет! Нет!!! НЕТ!!!

Я открыл глаза. Кажется, они были мокрыми от слёз. Но я был жив. Я дышал. И не посреди кровавого моря, а на кровати в своей комнате; в квартире, где я жил с Кэссиди и Анри. Анри!

Я сел на кровати. Потом поднялся и направился в ванную. Плеснул воды в лицо. Вытерся полотенцем. И лишь затем направился к Анри.

Он сидел на постели, и рядом с ним была Жасмин. Она вскочила, когда я вошёл. Я жестом указал ей на дверь:

– Вон.

Она взглянула на Анри. Он едва заметно улыбнулся ей и мягко сказал:

– Иди. Не бойся.

Жасмин вышла из комнаты, едва взглянув на меня.

Вот как. Теперь он тут распоряжается? Я уселся рядом с ним и вперился в него глазами:

– Что за цирк вы тут устроили?

Анри делал вид, что не понимает, о чём я.

– Решили заняться моими снами? – я сверлил его взглядом, но Анри не отворачивался и не опускал глаза. Более того, он мягко улыбнулся:

– Не без твоей помощи.

Теперь я не понимал, о чём он. Анри пояснил:

– Всё эти страхи, чувства, эмоции – твои. Ты сам творец своих кошмаров, – и голос его звучал так, словно он говорил с малым ребёнком: тепло, почти нежно.

Во мне вскипела злость, но быстро схлынула – я чувствовал лишь усталость:

– Это бунт? Ты теперь не подчиняешься мне?

Анри стал серьёзным и так же устало спросил:

– Ты хочешь проверить?

Я отвернулся и покачал головой:

– Я не знаю, чего хочу, – а потом снова взглянул на него. Что это, он жалеет меня? Этого ещё не хватало. Его жалости ко мне. Я встал и сделал шаг к двери.

– Что ты собираешься делать?

Я обернулся: Анри смотрел на меня снизу вверх, по-прежнему сидя на кровати. Смотрел выжидающе. Я пожал плечами и вышел из комнаты.

Мне нужно найти Виктора. И подчинить его себе или устранить. Совсем. Убить. Иначе он так и будет мне мешать, пытаюсь освободить брата и Жасмин. И нечего тратить время и силы на его близких – пора заняться им самим. Надо вытрясти из Жасмин, где он. Или... или же сказать ему, где я. И он придет. Но это небезопасно – привести его к себе, раскрыть убежище и местонахождение заложников. Лучше встретиться на нейтральной территории. Жасмин наверняка знает, где найти его. Или может связаться с ним. В моей комнате ее не было, как и на кухне. Странно. Я заглянул к Кэссиди. Он сидел на стуле и смотрел на стоящую рядом Жасмин, ладонь которой касалась его головы. Вот чёрт. Опять эти фокусы!

– Позвольте спросить, чем вы тут заняты?

Жасмин убрала руку, а Кэссиди покачал головой, глядя на меня:

– Мы просто разговаривали.

– Просто не разговаривайте! – я схватил Жасмин за руку и выдернул из комнаты. Захлопнул дверь.

– Что ты там делала?!

– Лишь пыталась понять, – Жасмин не смотрела на меня, – Помочь.

– Понять?! Помочь?! Кому?!

– Тебе в том числе, – теперь она не отводила глаз. И взгляд ее по твердости мог поспорить с моим.

– Да что ты, – я усмехнулся.

– Успокойся, Этьен.

Я хотел было сказать что-то жесткое, но... моя ярость исчезла. Я чувствовал, как тело мое расслабляется, и на душе становится спокойнее.

Я вздохнул и тряхнул головой:

– Что за бред?

– Ты хотел учить меня? – тихий голос Жасмин.

Я взглянул на неё.

– Я готова учиться. Я хочу пользоваться своим даром. Чтобы он перестал быть проклятьем, – она смотрела на меня, спокойная и бледная.

– С чего вдруг? Почему сейчас? – я пытался понять, в чём подвох.

– Я чувствую твою боль. Твой гнев... оправдан. Я понимаю, что ты чувствуешь. Твою злость на весь мир. И желание мстить. Тебе больно, но боль дает тебе сил. Ты один против всех, но, всё же, ты сильнее. Это не может не восхищать. И... – тут она поникла и отвела взгляд, – я понимаю, что ты не хотел убивать моего отца.

– Так всё и было, – я был тронут. Мне хотелось ей верить. Но это не значило, что я верил. Я лишь хотел понять, в какую игру она играет.

– Но как же Виктор?

– Он уже большой мальчик. Справится без меня, – сказано убедительно хладнокровно. Я усмехнулся:

– Но он же хочет освободить тебя и Анри.

– Я остаюсь по своей воле. Да и Анри свободен. Если бы он хотел, то давно бы ушел от тебя.

– Один раз он уже пытался, – я скрестил руки на груди, пристально глядя на неё.

– Но он вернулся, так ведь?

Хм. Что-то было в её словах. Даже если она просто пыталась выкрутиться.

– Пожалуй, что так. Хорошо, я буду учить тебя. Но для начала скажи мне, где найти Виктора? Где он прячется?

Жасмин пожала плечами:

– Или на квартире моей бабушки, или вернулся к себе, – и она назвала оба адреса.

Некоторое время я молча смотрел на неё. Если она и играет, то очень убедительно. Пожалуй, стоит проверить: вдруг Виктор, и правда, там.

Я отправил Кэссиди наблюдать за квартирой Виктора – мне казалась большей вероятностью, что он именно там, зная его логику. А сам вернулся к Жасмин:

– О чём ты говорила с Анри? И с Кэссиди?

– О тебе.

Вот как. Я усмехнулся: это или слишком тонко, или слишком уж «толсто».

– И о чём же именно?

– Я хотела понять, почему они причиняют тебе боль.

Такой искренний голос, и взгляд. Робкий, чуть виноватый. Понимающий.

– Позволь мне, – Жасмин приблизилась и протянула руку...

Я невольно отшатнулся:

– Отстань, – хотя хотелось мне совсем противоположного.

– Почему? Ты же знаешь: я могу забрать твою боль. Тебе станет легче.

Я стоял, не шевелясь. Не глядя на неё. И позволил ей подойти и коснуться рукой моего плеча. Прерывисто вдохнул. И выдохнул:

– Что тебе нужно от меня?

– Что тебе нужно? – она смотрела на меня снизу вверх своими темными глазами.

Я чувствовал, что мои ноги подкашиваются. И снова опустился перед ней на колени, обняв за талию и прижавшись щекой к её животу. Я не знал, чего мне хочется больше: любви или забвения. Но да, я хотел, чтобы забрали мою боль.

И снова Жасмин гладила меня по голове. Я чувствовал её пальцы в своих волосах: тонкие и нежные. Сейчас она была моим ангелом Милосердия. Ангелом, способным понять и спасти. В тот момент я верил в это. Хотел верить.

Я не знал, сколько времени мы стояли так. Мгновения, часы или вечность.

И да, мне стало легче. Спокойнее. Боль ушла. Почти.

Что ж, может быть, правда, забрать Жасмин и Анри – и уехать? Виктор, конечно, будет искать меня. Уже поэтому его стоит убрать.

Я взглянул на Жасмин. Она, конечно, чувствовала изменения в моем настроении, и потому в ее глазах мелькнуло беспокойство. Интересно, она поверила, что я вот так легко купился?

Я поднялся с колен и мягко улыбнулся ей:

– В любом случае, тебя следует держать в узде. Как и Анри.

Она даже не успела испугаться. Моя улыбка стала хищной:

– Спи. И помни, кто твой хозяин. Помни, что ты послушная маленькая девочка.

И чтобы я не слышал тебя и не видел, пока ты мне не понадобится.

Её лицо стало неподвижным, а взгляд – пустым. Экстрасенсы так легко внушаются. Особенно те, кто не умеет защищаться. А Жасмин не умела. Я отвел ее в комнату Кэссиди и оставил там.

Нет, я не мог ей верить, не мог. Они с Анри пытаются играть мной так же, как я играю ими. Стоит мне расслабиться – воткнул нож в спину. Как же вы все мне надоели. Может, избавиться от вас к чёртовой матери? Я начал уставать от этой игры.

Интересно, что там делает наш малыш Виктор? Гордится, что сумел сотворить для меня кошмар? Чёртов засранец. Это ведь ты портишь мне всё. И не только мне. Своему брату Анри. И даже этой девчонке Жасмин. Не говоря уже о милашке Джеффри, которого я бы вовсе не тронул, если бы не ты. Почему бы тебе просто не сдохнуть, а, Виктор? Застрелиться, например. Это было бы благородно с твоей стороны. Не можешь? Ладно, я сделаю это за тебя. Дай только Кэссиди тебя найти.

Я устал. Чёртовски устал. И перед глазами так некстати возник образ из сна: бледно-окровавленный и мёртвый Анри. Кто его создал? Виктор? Анри? Значит ли это, что Анри может умереть? Я... убиваю его?

Пойти спросить у него самого? Нет, мне не хотелось видеть его сейчас. Вместо этого я отправился на кухню и налил себе кофе. Чтобы прогнать сон. Спать мне сейчас – совсем некстати.

Так я сидел, поглощая кофе чашку за чашкой, и ждал вестей от Кэссиди.

Но вестей не было. Где его черти носят? Что там делает этот придурок? Пусть только вернётся – я ему вправлю мозги, что мало не покажется.

Мне нужно проветриться. Вдохнуть воздуха.

Мои пленники вряд ли сейчас в состоянии сбежать. Достаточно закрыть их на ключ. Да и не собираюсь я долго отсутствовать – просто постою на крыше, проветрю голову.

И вновь я стоял и смотрел на город. Так мало времени прошло с тех пор, как я приехал сюда следом за Анри. Но столь многое переменялось. Куда делось то чувство лёгкости и почти всемогущества? Ты так быстро сдался, Этьен? Стоило Анри немного закапризничать, этой девице – задеть тебя за живое, а Виктору добраться до твоих снов – и ты готов бросить всё и скрыться? Что из того, что ты один против них всех. Ты всегда был один. И это делало тебя сильнее. Ты давно научился извлекать пользу из своих и чужих слабостей. Так что же случилось?

А лишь то, что мне впервые не хотелось быть одному. Но прежде всего – что я увидел смертельную усталость и отчаяние в глазах Анри. Я не хочу его потерять. Не могу. Моя жизнь станет абсолютно пустой без него. Это значит, я не могу его отпустить. Я должен сберечь его. Но при этом удержать. Он сказал, что единственное, что я не могу ему дать – это свобода. Но он поймёт, что свобода ему не нужна. Что он будет делать с ней? И... ведь он вполне может быть свободным со мной.

XIII. Виктор Пробуждение

Я вспомнил всё то, что мы узнали об Этьене. Но для визуализации образов мне нужен был Анри, его память. Ведь он жил в поместье де Сен-Клеров и, возможно, видел фотографии, или что-то слышал. Конечно, можно задействовать воспоминания самого Этьена. Даже необходимо. Но до них ещё нужно докопаться, пробудить их. Жасмин могла бы мне помочь с его чувствами. Но её со мной не было. Сент-Клер забрал её. Как и моих родителей. И брата. Я хотел, чтобы он чувствовал страх и боль каждой клеточкой своей души.

Я ждал сигнала от Анри: что Этьен заснул. Ведь он должен спать, хоть иногда. А сейчас, уверенный, что оставил меня без поддержки, он и вовсе должен был расслабиться. И я дождался – этот гад заснул. Медленно и осторожно я начал сплетать нити сна.

Вот малыш Этьен прячется в клумбе под окном своего отца. Пока ему хорошо в его одиночестве. Но нелюбовь родителей накрывает его, отравляет, как яд. Кэссиди научил его страху и ненависти. И отделил его от семьи.

Колледж. И снова нелюбовь. На этот раз она пробуждает скрытый в нём дар. Который ещё больше отдаляет его от других людей.

Мне не жаль его. Совсем. У многих бывают трудности и горести. Но не все разрушают чьи-то жизни из одной своей прихоти. Превращают людей в кукол. Убивают. Так, как убил Этьен – отца Жасмин и моих родителей. Я напомнил ему, как они погибли. Это его не тронуло. Смерть лишь одного человека его пугает – моего брата. И мы устроили её. Анри это далось легко. Он уже был готов умереть. Он почти умер – лишь бы сбежать от своего тюремщика. И да, Этьена это проняло. Даже я чувствовал его боль. И я желал ему страданий.

Но боль пробуждает. И Этьен проснулся. Мы его упустили. Что он теперь будет делать?

Я на мгновение задержал Анри:

– Я приду за тобой.

Он молча смотрел на меня. Потом кивнул.

И мы оба проснулись.

Только полностью очнувшись ото сна, я понял, что натворил. Я нанес Этьену удар, причинил ему боль. Но не убил. И теперь он, со всей своей злостью и обидой – наедине с Жасмин и Анри. С Анри, который посмел пойти против него.

Что он сделает с ними? Окажется ли его любовь к Анри сильнее ярости? Я надеялся, что да. Но ведь к Жасмин... Этьен не испытывает таких чувств. Я не помог ей – сделал только хуже.

Внутри меня рос холод. Я не мог шевельнуться. Сидел на кровати, обхватив голову руками. Нет. Нет, Виктор. Ты не должен позволять страху и отчаянию овладеть тобой. Так ты не спасешь ни близких, ни себя.

Легче сказать, чем сделать. Именно. Нужно хоть что-то делать, шевелиться. И ведь есть преимущество в том, что теперь Анри и Жасмин вдвоем – вместе должно быть легче противостоять Этьену и придумать что-нибудь. Чёрт, да о чем я говорю? Они оба теперь в его власти. Ты не должен был выпускать его из сна, Виктор. А в реальности – как ты найдешь его в таком большом городе? Разве что Анри и Жасмин как-то дадут знать о себе.

Так. Мне нужно пройтись. Размяться. На ходу, бывает, думается лучше. И на свежем воздухе.

Я умылся и оделся, выпил чашку кофе для бодрости и уже собрался выходить... Но одна мысль заставила меня вернуться в комнату, открыть сейф и достать оттуда пистолет.

Я давно не брал его в руки. Вообще делал это не часто – с тех пор, как Джеффри научил меня стрелять. А сейчас... мне нужно быть готовым выстрелить в Этьена. Разнести к чертям его голову... Или свою.

«Давай, Виктор. Упрости всем жизнь, – я прямо-таки слышал его голос, – Это так просто. И никаких проблем».

Мир вокруг словно исчез в тумане. Рука с пистолетом дрогнула и потянулась к виску.

«Проблема ведь в тебе – ты это знаешь».

Я видел перед собой его лицо с вечной усмешкой превосходства на губах. И чем дольше я смотрел на это лицо, тем больше прояснялось у меня в голове.

– Нет. Проблема в тебе, – я направил пистолет на него и уже готов был выстрелить. Но какая-то часть меня поняла, что это морок – и он тут же исчез.

Я потряс головой. Что это было? Фокусы моего подсознания? Или Этьен научился вносить на расстоянии? От этой мысли мне стало совсем плохо, так что я предпочел откинуть её. Если бы Этьен умел такое, то уже натворил бы дел. А, может, он только учится... Так или иначе, но мне удалось это преодолеть. Значит, не всё так страшно. Пока.

Я надел кобуру под пиджак, сунул в нее пистолет. И, наконец, вышел на улицу.

Я шел, не выбирая пути, погруженный в себя. В голове было пусто. Никаких озарений на счет того, что мне делать. Обойдя квартал и оказавшись вновь у своего дома, я сел в машину и направился туда, где мне было спокойно и привычно размышлять в одиночестве. К монастырю Святого Франциска. Я знал, что главный храм всегда открыт для прихожан – днем и ночью.

Здесь было тихо и пустынно. Должно быть, еще рано для заутренней. Я был один в полумраке храма. И чувствовал себя неловко от того, что пришел сюда с оружием. Я ощущал пистолет в кобуре на боку, его тяжесть – и тяжестью давило на меня то, что я собирался его применить. Должен был. Смогу ли?

Я сел на скамью, оперся локтями на спинку впереди стоящей. И так сидел тихо и неподвижно. Запахи благовоний оказали свое действие – я успокаивался, и происходящее стало мне казаться предначертанным – где-то и кем-то. Разве не этого мы все хотим: чтобы кто-то взял на себя ответственность за нашу жизнь? Не всякий, правда, в этом признается. Что хочется иногда стать ребенком, которого ведут за руку и защищают.

Нет, Виктор. За то, что происходит, в ответе ты и только ты. Ты сам должен со всем разобраться.

Я услышал тихие шаги позади себя. И обернулся: чуть поодаль в проходе между скамьями стоял Оливер и смотрел на меня.

– Что-то случилось, Виктор?

Вечный его вопрос.

– Я думал, ты у Джеффри, – я пытался оттянуть объяснение.

– С ним всё хорошо: он отдыхает. И я не могу совсем забросить монастырские дела – я настоятель, как никак, – он чуть улыбнулся. Но тут же снова стал серьезным:

– Почему ты здесь?

– Жасмин у Этьена. Анри впал в кому, и Этьен привез Жасмин, чтобы она помогла брату. Она помогла. Мы с Анри устроили Этьену кошмар, – всё это я произнес на одном дыхании и почти без эмоций.

– Но он проснулся... И... я не знаю, что там теперь у них происходит, – я поник головой.

Оливер подошел и обнял меня. Наверное, впервые с тех пор, как я был ребенком:

– Виктор, мы что-нибудь придумаем.

Я отстранился:

– Ты ничего не должен придумывать. И вообще ввязываться. Я сам.

– Может... уже пора обратиться в полицию? У меня есть знакомый...

– Боюсь, у нас нет времени ждать, пока полиция возьмется за дело.

И снова шорох, где-то у дверей храма. Мы оба посмотрели туда: у ближайшей ко входу скамьи стоял человек, мужчина. Его лицо скрывала тень. Оливер направился к нему. Кажется, мужчина что-то сказал прежде, чем Оливер, обернувшись ко мне, крикнул:

– Виктор, вызови скорую, быстрее!

Я поспешил к нему, на ходу доставая из кармана телефон. У мужчины, похоже, случился приступ: он прерывисто дышал, словно задыхался; вены на шее взбухли и пульсировали; в горле забулькало, ноги его подкосились, и он бы упал, если бы Оливер не подхватил его и не опустил осторожно на пол, поддерживая голову и плечи.

– Скорая выехала, – но как мне казалось, уже поздно: мужчина обмяк на руках Оливера, и лишь теперь я как следует рассмотрел его лицо: это был Джон Кэссиди, подручный Этьена.

– Он что-нибудь сказал?

Оливер взглянул на меня:

– Лишь адрес, – и назвал его. Я вспоминал: кажется, это район новостроек.

– Виктор, помоги положить его на скамью.

Я кивнул, и вместе мы перенесли Кэссиди.

– Кажется, он не дышит, – Оливер приложил пальцы к его шее, щупая пульс. Покачал головой и принялся делать массаж сердца.

Вскоре послышалась сирена неотложки, и я вышел встретить врачей. Кэссиди забрали. Но как я понял – уже без каких либо признаков жизни.

– Этот мужчина... он был уже здесь раньше, – Оливер, нахмурившись, смотрел вслед скорой.

Я не был удивлен и кивнул.

– Ты знаешь его?

– Джон Кэссиди. Помощник Этьена.

Глаза Оливера широко раскрылись:

– Значит, адрес...

– Возможно, там Анри и Жасмин.

– Едем! Подожди, я только переоденусь, – и Оливер ринулся было к себе в келью, но я схватил его за руку:

– Я еду один.

– И как ты сможешь помешать мне, если я знаю адрес? – Оливер усмехнулся.

Вот чёрт. Я хмуро кивнул:

– Жду тебя в своей машине.

– Пять минут. Максимум, – и он поспешил собираться.

Минут через пять Оливер, и правда, сел в мою машину: в штатском и с какой-то сумкой. Я нажал на газ, и вскоре мы уже мчались по названному Кэссиди адресу.

– Как ты думаешь, это ловушка? – я взглянул на Оливера в зеркало заднего вида.

– Он заплатил жизнью, чтобы рассказать. Даже если он не знал, что умрет... он рисковал. Не думаю, что он сделал бы это ради Этьена.

– Ты уже видел Кэссиди раньше.

– Да. И в тот раз ему тоже стало плохо. Но не настолько. Наверное, Этьен посылал его следить за нами. Знаешь... тогда он не показался мне таким уж плохим человеком.

– Ты слишком хорошего мнения о людях. Джон Кэссиди похитил Этьена ребенком. Отчасти он виноват, что выросло такое чудовище.

Некоторое время мы молчали. Потом Оливер тихо спросил:

– Что будем делать?

– Для начала нужно как-то войти – как понимаю, это квартира. А там по обстоятельствам, – я думал: говорить ли ему, что у меня с собой пистолет.

– Можно попытаться открыть дверь, взломав замок. Правда, Этьен может услышать.

– Боюсь, я не взломщик.

– Я тоже. Но я могу попробовать, – Оливер похлопал рукой по сумке.

Почему-то я уже не так удивился. Взглянув на меня, Оливер решил объяснить:

– Мой дядя занимался установкой дверей и замков, и их взломом – если хозяева теряли ключи. Он часто брал своего сына и меня в качестве помощников. Так мы и научились. К сожалению, мой кузен нашёл этому умению другое применение. И в итоге, – он покачал головой и изобразил пальцами решётку. А потом, чуть нахмурившись, добавил:

– Я мог бы оказаться на его месте.

Я невольно улыбнулся – слишком уж не вязался образ Оливера, которого я знал, с образом взломщика:

– Зато твои умения пригодятся нам сейчас.

Он взглянул на меня чуть исподлобья и усмехнулся:

– Я надеюсь.

– Может быть, сначала позвонить-постучать? Вдруг Этьен сам откроет дверь?

– Тогда он будет наготове.

– Думаешь, он побоится открыть мне? Если будет уверен, что я – один?

Оливер пожал плечами:

– Но он ведь тоже один. Его помощника, Кэссиди, с ним уже нет. А Анри и Жасмин... не будут помогать ему. Я постараюсь открыть дверь тихо. Ну а если он услышит... результат будет тот же, что и от стука в дверь.

Я задумался:

– Пожалуй, ты прав. Давай попробуем открыть. И... Оливер... у меня есть пистолет.

Он ожидаемо мрачно взглянул на меня:

– Надеюсь, до этого не дойдёт.

И всё же я был рад, что не один. Что со мной Оливер. Благодаря этому я сосредоточился на том, что нужно сделать. А не на своих мрачных мыслях. И ещё... вместе у нас больше шансов на успех. Как мне казалось.

Уже почти рассвело. Мы без труда нашли указанную многоэтажку. Вошли в подъезд и поднялись на лифте. Дом выглядел полупустым: оставались ещё следы недавних строительных работ, и из жильцов нам никто не встретился.

У двери квартиры мы замерли и прислушались. Вокруг было тихо. За дверью – тоже. Я кивнул Оливеру. Он поставил сумку на пол и осмотрел дверные замки – их было два. Оливер пошарил в сумке и достал две отмычки. Вставил одну в верхний замок и чуть провернул. Не вынимая первой, вставил другую – чуть ниже, и несколько раз поводит в замке туда-сюда. Затем стал тихонько ковырять ей, что-то нащупывая и прислушиваясь.

Я, стараясь не шуметь, следил за его манипуляциями и за происходящим вокруг: не идёт ли кто по лестнице, не едут ли лифты. Раздался негромкий щелчок, и Оливер довольно взглянул на меня – один замок открыт.

– Со вторым, боюсь, будет труднее, – шёпотом сказал он, и достал из сумки третью отмычку.

Из-за двери послышался голос:

– Виктор?

Но это же...

– Жасмин?!

– Да, это я. Мы здесь одни. Вдвоём с Анри.

Мы с Оливером переглянулись.

– А где Этьен?

– Он куда-то ушёл. И Кэссиди нет.

– Кэссиди уже точно не вернётся. Вы можете открыть дверь?

– Боюсь, что нет. С этой стороны она тоже закрывается и открывается ключом.

– Ничего. Мы сейчас откроем, – Оливер взялся за второй замок.

Я услышал какой-то звук со стороны лестницы. И затем шаги по ступеням. Оливер перестал ковырять в замке и встал, выжидательно глядя на меня. А я смотрел на дверь, ведущую от лестничных пролётов в лифтовой холл.

Она распахнулась, и вошел Этьен. Увидев нас, он замер. А затем дёрнулся обратно на лестницу.

Я повернулся к Оливеру:

– Продолжай. Открой дверь. И уведи их отсюда.

Он кивнул.

А я бросился за Этьеном. Его шаги быстро затихли, да и по звуку мне показалось, что побежал он вверх. Там был люк, закрытый. Но дверца поддавалась, и я подумал, что она закрыта на такую же щеколду, как и снаружи. Я ударил по ней руками: раз, другой – всё напрасно. Тогда я подналёг плечами. В конце концов, мне удалось её выбить.

Миновав небольшой тёмный чердак, я вылез через другой люк на крышу. Она казалась пустой. Впрочем, обзор мне закрывала будка машинного отделения лифтов. Держа пистолет перед собой, я осторожно обошёл её.

И упёрся взглядом в ствол пистолета, направленного на меня. И чуть выше его – холодно голубые глаза Этьена. Не знаю, в чьем взгляде было больше ненависти – в его или в моем.

– Неожиданная встреча. Но долгожданная, – он криво улыбнулся, – Хочешь мне что-нибудь сказать?

Я покачал головой.

– Что ж. Тогда поиграем в «Кто выстрелит первым»?

– Прекратите вы оба!!!

Голос Анри.

Мне хотелось обернуться. Но я опасался отвести взгляд от Этьена. Он тоже смотрел на меня, но потом, всё же, скосил глаза, взглянув на Анри. Я сделал то же самое.

– Два чёртовых эгоиста! Делаете только то, что считаете нужным для себя, – Анри стоял у края крыши, прижавшись к невысокому ограждению, и переводил горящий взгляд с меня на Этьена и обратно.

– И никто не спросил, как лучше мне и что я хочу! Вы оба мне надоели. И никуда от вас не денешься!

– Анри, прекрати истерику, – Этьен смотрел на моего брата, но пистолет его по-прежнему был направлен на меня. Я видел, что краем глаза Этьен следит за мной. Говорил он спокойно. Разве что немного раздраженно.

Как ни странно, Анри замер и замолчал. Но ведь где-то там позади меня должны быть Оливер и Жасмин.

– У меня достаточно патронов и навыков, чтобы перестрелять вас всех. Так что, будьте пайнками и не совершайте резких движений, – теперь Этьен смотрел на меня, но я понимал, что наблюдает он за всеми.

– Вряд ли ты успеешь выстрелить больше одного раза, – я прицелился, убедившись, что пистолет направлен в грудь моего врага.

– Даже если так. Но и в этот единственный раз я не промахнусь. Ты готов пожертвовать кем-то из своих близких, Виктор?

Значит, на крыше не только мы трое.

– Этьен, пожалуйста, опусти пистолет. Виктор не будет стрелять.

Жасмин. Она вышла вперед и встала рядом с Анри.

Этьен взглянул на неё. Несколько мгновений они стояли, глядя глаза в глаза. Его лицо дрогнуло, и рука, держащая пистолет, чуть опустилась.

Этого оказалось достаточным для того, чтобы Оливер, каким-то образом подкравшийся сзади, прыгнул на Этьена, схватив его руку с пистолетом. Мгновение борьбы, и выстрел.

Оливер вскрикнул. Я видел, как он падает, оседает. И пистолет Этьена, направленный на него.

Я выстрелил. Снова и снова, и снова. Тело Этьена содрогалось, когда пули входили в него. Красные пятна расплывались на его рубашке.

Этьен взглянул на меня. Кашлянул, и струйка крови побежала из уголка его губ. Как у моей матери, когда я видел во сне её смерть. Этьен повернулся к Анри, ноги его подогнулись, и он упал. Я... убил его?

Я вспомнил, из-за чего стрелял. Оливер. Словно очнувшись, я подбежал к нему. Он сидел, держась за ногу – именно туда попала пуля Этьена. Я облегченно вздохнул. И взглянул на своего врага, лежащего, раскинув руки, истекающего кровью. Анри сидел рядом с ним, бледный, с расширившимися от ужаса зрачками.

– Скорую... вызовите, – должно быть, Оливер единственный, кто сохранил самообладание.

Я кивнул и пытался вспомнить, куда засунул телефон. Наконец нашёл его в кармане брюк. Набрал номер, назвал адрес, сказав, что пулевые ранения – всё это проделал механически. И положил трубку.

– Он жив? – казалось, я обращался к Анри, но на самом деле, ни к кому конкретно.

Услышав мой голос, Анри моргнул и посмотрел на меня. И снова повернулся к Этьену, тихо сказал:

– Я не знаю.

Мне не хотелось делать ничего, что помешало бы ему умереть. Я хотел, чтобы Этьен умер.

Я оглянулся в поисках Жасмин. Она стояла всё на том же месте, недвижимая словно статуя. Что она должна была испытать, оказавшись в водовороте наших эмоций? Я встал и шагнул к ней. Жасмин встрепенулась и взглянула на меня:

– Я... в порядке. Почти. Не беспокойся обо мне. Лучше об Оливере.

Я взглянул на него: он уже вытащил ремень из брюк и перетянул ногу выше ранения. Да он сам о себе позаботится лучше, чем кто-либо другой. Не то, что я.

Жасмин подошла к Анри и присела рядом. Погладила его по голове:

– Всё будет хорошо, теперь.

Мой брат сидел молча, не сводя глаз со своего... похитителя? Тюремщика? Мучителя? Кто Этьен для него? Во взгляде Анри не было ненависти. Было что-то совсем другое. Чему я не мог дать названия.

На этот раз скорая явилась вместе с полицией. И нас всех забрали: Этьена и Оливера в больницу; меня, Анри и Жасмин – в участок.

Из больницы Оливер позвонил своему знакомому офицеру полиции. А потом и Джеффри. Джеффри позвонил адвокатам. И нас довольно быстро выпустили под залог.

Нам сказали, что Этьен умер в больнице, почти сразу как его туда привезли. Это не очень укладывалось в моей голове. Неужели всё закончилось? Анри свободен? Нам больше ничего не грозит? Я... я убил человека. Пусть даже такую мразь, как Этьен. Но... нет, я сделал бы это снова – чтобы спасти Оливера, Анри, Жасмин. И себя. Да, возможно, Этьен случайно выстрелил в Оливера и не собирался его убивать. Но ведь мог же убить. Счастье, что пуля попала в ногу, а не куда-то еще.

Я вышел из полицейского участка и увидел ожидавших меня Жасмин и Анри. Брат выглядел потерянно и беспомощно: словно не знал, что ему теперь делать. Я подошел и обнял его.

Так мы стояли некоторое время, молча. Весь мир для меня в этот момент сосредоточился в моем брате: я ощущал его в своих объятьях и не хотел отпускать. Боялся, что, стоит лишь мне разжать руки – он исчезнет. Как уже было не раз.

– Анри. Не исчезай. Пожалуйста, – сказал я тихо.

– Боюсь, тебе придется запереть меня.

Я отстранился и посмотрел на него: он улыбнулся.

Я покачал головой:

– Нет. Лучше уж я буду всякий раз бегать за тобой и искать. В надежде вернуть домой.

– Домой? – его улыбка стала горькой, – Где он, мой дом?

– Хотелось бы думать, что там, где я, – и добавил:

– Но я не буду против, если ты найдешь себе дом где-то еще. С одним условием. Что это будет твой собственный выбор.

Он кивнул.

Я взглянул на Жасмин: она тихо стояла рядом и смотрела на нас.

– Я хочу навестить Оливера и Джеффри, – меня терзало то, что из-за меня оба моих опекуна оказались в больнице, – Они тоже моя семья. Но если хотите... – я переводил взгляд с Анри на Жасмин и обратно, – я сначала отвезу вас... куда скажете.

Они оба покачали головой.

– Мы поедем с тобой, – ответила Жасмин за себя и за Анри.

Машина моя осталась возле того дома... Так что, поехали мы на такси. Втроем уселись на заднее сиденье: я – между Анри и Жасмин. И поймал себя на мысли, что счастлив. Со мной мой брат, и моя девушка. Конечно, плохо, что Оливер и Джеффри в больнице – но ведь с ними всё будет в порядке.

Анри, конечно, беспокоил меня. Его психика явно пострадала. Перепады настроения, которые я уже видел, могли быть не самым худшим последствием. Но я буду заботиться о нем. И надеюсь, однажды к нему вернется здоровье. Во всяком случае, мы вместе.

И хотелось бы, чтобы вместе с Жасмин. Я взглянул на неё. Она улыбнулась и взяла меня за руку. А потом вдруг стала серьезной и спросила:

– А Кэссиди? Что с ним? Он говорил с тобой?

Я нахмурился:

– Он сказал Оливеру, где вас найти. Еле успел назвать адрес, как с ним случился приступ. Он... умер.

Жасмин печально вздохнула:

– Жаль. Он не был таким уж плохим человеком. Я постаралась забрать его боль и вложить в него, что он должен поговорить с тобой, или с Оливером. Что мы помогли бы ему избавиться... – Жасмин не закончила фразу и взглянула на Анри. Он смотрел в окно. Или только делал вид.

– Так это ты отправила его к нам? – я удивленно взглянул на Жасмин.

– Ну... возможно. Я... я не думала, что он умрет, – она закусил губу, – Я хотела освободить его от влияния Этьена. И... и я пыталась... изменить что-то в самом Этьене.

– Ты... что?! – я старался говорить тихо, но не очень получалось.

– Я... я просто тянула время. И немного надеялась: вдруг мне удастся убедить его отпустить нас.

Я смотрел на неё... даже не зная, что сказать. Жасмин не похожа на наивную дурочку, но... это было за рамками моего понимания. Но всё же... хорошо всё то, что хорошо кончается. Я вздохнул и, улыбнувшись, сказал:

– Вам с Оливером надо объединиться. Ты почти святая, Жасмин.

– Ничего я не святая, – она смотрела на меня, нахмурившись. Но потом улыбнулась:

– Я рада, что ты не сердишься.

– За что мне сердиться? Ты, возможно, спасла нас всех.

Жасмин вздохнула, но промолчала.

В больнице мы сначала навестили Оливера. Рана, к счастью, оказалась не такой серьезной: пуля прошла сквозь мышцы, лишь чуть задев кость. Оливер держался молодцом и с улыбкой сказал, что не нуждается в нашем присмотре.

А вот Джеффри выглядел встревоженным. И успокоился лишь тогда, когда мы заверили его, что и мы, и Оливер в порядке. Крестный сказал, чтобы мы не переживали: его адвокаты ведут дело и всё уладят. Я подумал, что после всего случившегося я вообще не переживаю. Даже если меня посадят за убийство Этьена. Разве что не хотелось бы расстраивать близких.

После я отвез Жасмин домой. Анри поехал с нами, конечно, и снова на такси. Жасмин сказала, что осталась бы, но нужно проведать маму, побыть с ней. Прощаясь, она поцеловала меня в щеку. Мне хотелось бы другого поцелуя. Но ведь всё еще будет?

А мы с Анри решили поехать в имение Джеффри. Почему-то мне не очень хотелось возвращаться к себе на квартиру. Анри тоже. Или же ему было всё равно.

В Ланкастер Холл нас приняли без вопросов. Наверное, крестный предупредил их, что мы можем приехать. Расплатившись, я отпустил такси и повел Анри через сад к дому. Как странно, но даже сейчас я заметил, как прекрасен сад Джеффри: запах цветов не давал так просто пройти мимо. Хотелось остановиться и вдохнуть, дышать, любясь их красотой.

У розового куста Анри замер. Подошел ближе – так, что я не видел его лица.

– В его саду тоже были розы. Знаешь, это место вообще похоже на его имение: дом и сад... Я... я любил его. Но тогда я не знал, что он убил наших родителей. Он заботился обо мне... наверное, так, как Джеффри о тебе. А когда моя память вернулась... я убежал. Я должен был ненавидеть его. Но не всегда у меня получалось. Да, его отношение изменилось тогда, когда он узнал, что я всё вспомнил. Но... но всё равно, он любил меня. Я... – Анри замолчал и присел рядом с кустом, обхватив себя руками за плечи.

А я... я не знал, что делать. Как бы мне сейчас пригодился талант Жасмин. Я подошел к Анри и коснулся его плеча – просто чтобы дать понять, что я тоже здесь. Что он не один. Что я рядом, и хочу быть рядом с ним. Не знаю, почувствовал ли Анри это. Но он встал и повернулся ко мне. Лицо его было бледным. Он молча смотрел на меня, а потом сказал:

– Просто... дай мне время.

Мне хотелось многое сказать, но мешал ком в горле. Потому я просто кивнул, сжав губы, чтобы они не дрожали.

Анри снова взглянул на розы:

– Это ведь не сон?

– Нет.

Я надеялся, что мы оба проснулись. Во всех смыслах.

Я перестал бояться кошмаров. И больше не желал одиночества. Я не знал, перестану ли прятаться от жизни и от людей. Во всяком случае, от себя и от близких – точно.

Джейн Ли

[битая ссылка] <http://jennystudio.ru/>

[битая ссылка] <https://vk.com/jennystudio>